



И.С.СИНИЦЫН

**ТРУДОВОЕ
ВЗРОСЛЕНИЕ**



И.С.СИНИЦЫН

ТРУДОВОЕ
ВЗРОСЛЕНИЕ



ТУЛА
ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

74.213.51
С38

Синицын И. С.

С38 Трудовое взросление.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1983.—104 с.
20 к. 3000 экз.

Проблемы трудового воспитания... Как вошли они в нашу жизнь, что стоит за ними и как решать их, чтобы наши дети росли и образованными, и трудолюбивыми людьми, готовыми принять на себя все дела и заботы по строительству нового общества? Исследованием этих проблем автор занят уже более десяти лет, выступает по всесоюзному радио, в центральных журналах и газетах. Очерки, вошедшие в этот сборник, публиковались в журналах «Наш современник», «Человек и закон».

Адресована широкому кругу читателей.

С $\frac{60700-92}{M154(03)-83}$ 14.83.4306030000
74.213.51

© Приокское книжное издательство, 1983.

ВОСПИТАТЬ ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ

Серьёзный, заинтересованный разговор о воспитании подрастающего поколения начат Иваном Сеницыным не сегодня. Уже добрый десяток лет его очерки в газетах и журналах, циклы передач по всеоюзному радио о трудовом воспитании детей вызывают горячие отклики и ожесточённые споры, потоки писем в адрес писателя. Этот откровенный, деловой разговор нужен людям. Потому уже, что при этом поднимаются проблемы из числа важнейших в нашей сегодняшней жизни, те, от решения которых в значительной мере зависит наше движение вперёд. И главная из них – хозяйское отношение к жизни, творческое хозяйствование на земле. Именно тут главная забота, главная тема И. Сеницына, о чём бы он ни написал.

Родившийся и выросший в соломенной калужской деревушке Букреевке, Иван Сеницын был свидетелем и участником того, как возникали и укреплялись на нашей земле новые формы жизни, новые формы хозяйствования. Пройдут годы, и корреспондентом областных газет объездит, а где и пешком исходит будущий писатель родной край, вновь и вновь, по собственным словам, вчитываясь в «невыдуманную книгу о новой жизни, о неизведанных ещё силах человеческих душ, устремлённых за светлой мечтой. И в его писательской судьбе опыт газетчика окажется решающим. Отсюда стремление открыто вмешиваться в жизнь, активно поддерживать в ней передовое, деятельно способствуя его утверждению, стремление быть не свидетелем, а участником того, чем живут люди вокруг. Так и только так возникает та безусловная достоверность рассказа, которой так дорожит И. Сеницын: ощущение кровной близости писателю людей, о которых он рассказывает, и издавна знакомых, и недавно повстречавшихся на тропах, что не устаёт торить он по родной земле.

И. Сеницын – очеркист, как сказал бы поэт, «по складу своей души, по самой строчечной сути». Но автор книги владеет и словесной живописью, его герои говорят так, что вслушаешься и – видишь их, напряжённо следишь за их судьбой. Однако главное в очерках И. Сеницына – биение беспокойной мысли, забирающейся всё глубже и глубже в поисках ответа на вопрос, что сделать, чтобы каждый почувствовал себя хозяином на своей земле. Не работником, у которого одна забота – платили бы деньги, а там хоть трава не расти. Без хозяина, известно, и дом сирота. Да и жизнь не красна.

Воспитание хозяйского отношения к жизни должно начинаться задолго до того, как человек впервые переступит порог школы. Упустить легко, наверстать упущенное куда труднее. Факты, документы, человеческие судьбы проходят перед глазами читателя, исследуются, ложатся в основание выводов, ради которых и написаны очерки. Писатель добивается точности изображения, но не той, которая отличает фотографию, а иной, рождаемой умением выплавить из суммы фактов истину.

Последнее удаётся писателю прежде всего потому, что истина для него – понятие не абстрактное. За нею – судьбы людей, которые живут бок о бок с ним.

Процесс воспитания человека, который чувствовал бы себя на земле хозяином, начинается в семье, в школе. Здесь определяется круг его интересов и склонностей, а в конечном счёте, место, которое выберет он для себя в жизни. Готов ли он встать в ряды бойцов и строителей или довольствуется ролью потребителя? И. Сеницын не предлагает окончательных рецептов. Вместе с авторами адресованных ему писем он размышляет о том, как лучше организовать в условиях сегодняшнего дня воспитание детей. Для этого потребуются совместные усилия и педагогической науки (замечу вскользь: у писателя – да и общественности – серьёзные и весьма обоснованные претензии к ней), и родителей, и всех нас. Но уже сегодня автору книги, как и многим из нас, читателей, ясно одно: человек воспитывается в коллективе и прежде всего – в коллективе трудовом. Таким коллективом должны стать для ребёнка и семья, и школа, только при этом условии справятся они с ответственной задачей воспитания человека, достойного нашей великой эпохи.

Воспитание человека. Что может быть благороднее этой задачи? И труднее тоже. Как часто перекадывается она на чужие плечи, как часто для решения её избираются самые короткие – но верные ли? – пути. И не одна мать, прошедшая нелёгкую жизненную школу, знающая цену труду, с горечью обнаруживает, что её дитя вырастает лентяем, потребителем. Кто виноват в этом? Почему в нашей жизни, где труд как никогда и нигде славен и почётен, ещё вырастают равнодушные даже к собственной судьбе люди?

Вопросы, вопросы... Тревожные, непростые. Они адресованы нам: родителям, школе, педагогической науке. По мнению И. Сеницына, недопустимо низка нынче роль семьи в воспитании, ответственность родителей за судьбу своих собственных детей. Педагогическая беспомощность (часто – педагогическая безграмотность), большая загруженность, а более всего душевная леность заставляют иных родителей целиком отдать дело воспитания детей на откуп школе. Самим же и на школьные родительские собрания

ходить уже не хочется. Как говорят поэты-сатирики: «Нет, наше дело их рожать, а дальше – ваше дело!» И школа делает это своё благородное и – повторю – ох, какое нелёгкое дело, но без родителей ей с ним не справиться. Трудовое воспитание осуществляется в нашей школе повсеместно. Но, положила руку на сердце, всегда ли оно достаточно эффективно? Мало лишь желания и даже знаний. Нужно обладать душевной щедростью, иметь сердце чуткое, способное жить людскими радостями и горестями. О таком человеке, директоре Улановской школы, ныне покойной Софье Петровне Масоновой, рассказывается в одном из очерков И. Синицына.

Улановским учителям было нелегко: пришлось немало поломать голову, приложить немало труда, прежде чем работа – в классе, на пришкольном участке, на колхозном поле – стала для ребят источником подлинной радости. Переворот в их жизни совершается с созданием при школе подсобного хозяйства. Настоящего, – дающего хороший доход.

Результаты своего труда улановские школьники ощутили очень скоро: бесплатное питание в школе, прекрасный школьный интернат, поездки в Москву, наконец, премирование особо отличившихся в работе. А главное – в школе, по словам самих детей, стало интересней, да и учиться кое-как стало просто нельзя. Самым тяжким наказанием становится теперь отстранение от работ.

Писатель не скрывает: детхозу в Улановской школе пришлось столкнуться и с недоверчивым отношением к возможностям юных работников, и с опасениями иных родителей, что их дети будут закабалены работой. Но недоверие и боязнь рассеиваются: по словам председателя колхоза, школа становится неотъемлемой его частью, питомником его кадров. А для самих ребят – родным домом.

Глубоко знаменательно, что специализируется детхоз главным образом на производстве цветочных семян. Выгодное производство, но только ли в этом дело? Дух захватывает при виде пришкольного участка. «Он открывается неожиданным зрелищем: в огненных озёрах тонет сад. Оранжевые, голубые, лиловато-синие, расплеснулись озёра ровными широкими полотнами... И кажется, всё это цветущее царство звенит и поёт».

Звонкие голоса детей, чьими руками выращено это море цветов, перебивая друг друга, звучат в книге. Голоса людей, уже сейчас несущих радость сердцу и глазу. Куда и зачем уходить им с этой земли, где они уже теперь почувствовали себя хозяевами. «Жизнь тут люблю, красоту нашу и простор. Люблю тут делать всё, люблю делать и видеть, как хорошо становится!» – в этих словах выпускницы Нины Киселёвой выражено то, что владеет сердцами её товарищей по Улановской школе.

Вот они – плоды трудов небольшого учительского коллектива, возглавлявшегося Софьей Петровной. Вновь и вновь возникает на страницах очерка образ школьного директора. Нелёгкое детство, научившее ощущать не только тяжесть, но и радость труда, рано возникшее желание идти к детям учить их, готовить к большой жизни, долгие годы работы в сельской школе. И вот награда за всю её многотрудную жизнь – светящиеся счастьем, радостью глаза улановских ребятишек, вступающих в жизнь с твёрдым осознанием высоких идеалов, которым они уже начинают служить.

Разные, порою весьма трудные судьбы предстают на страницах очерка И. Сеницына, ими прежде всего поверяется ценность того, что делается в Улановской школе. Да, учителям здесь приходится работать много, но это труд радостный, без излишнего напряжения. А плоды его – вот они, перед глазами: большой ребячий коллектив сообща вершит все школьные дела, и в этой атмосфере нерадивому, ленивому очень скоро становится не по себе.

Цифры и выкладки, цитаты из документов и писем убедительно доказывают ценность накопленного в Улановской школе. Но, пожалуй, более всего убеждают в этом появляющиеся на страницах очерка сияющие лица ребят, наперебой старающихся рассказать о своей школе, о своих учителях, о работе в школьном саду и на колхозном поле, о счастье чувствовать, что жизнь их полна новым, большим смыслом.

Очерк И. Сеницына рождён чувством высокого уважения к тем, на чьих плечах лежит основная тяжесть задачи воспитания людей, которые завтра станут хозяевами своей огромной страны. И со страстью человека, ощущающего нашу общую ответственность за то, каким выйдет в жизнь сегодняшний школьник, обрушивается И. Сеницын на равнодушие, инертность, с которыми приходится ещё встречаться и в педагогической среде. Даже в соседних с Улановской школах о работе своих коллег знают понаслышке, а ведь похвастаться этим школам нечем.

Равнодушными не рождаются, ими становятся. Писатель убеждён: в каждом человеке живёт творческое начало. И улановские учителя хорошо знают это, и горит-спорится дело в руках ребятишек, светятся радостью глаза сегодняшних школьников, которым завтра быть хозяевами жизни.

Новых теорий в деле воспитания подрастающего человека И. Сеницын не выдвигает. Писателя отличает замечательно трезвый, а лучше сказать, практический, взгляд на вещи. И исходит он из тех основ, которые заложены народной педагогикой, трудовой жизнью. «Надо только, – говорит героиня его очерка, заслуженная учительница республики Елена Николаевна Дерунова, –

чтобы труд не был бременем, а чтобы ребёнку влекло к нему, чтобы у детей разгоралось желание делать и находить в этом удовлетворение».

В самом деле, просто, а поди ж ты – сколько бьёмся мы сегодня над проблемами трудового воспитания. Сколько хитроумных систем и методов предлагает педагогическая мысль, смело отвергая вчера ещё громогласно провозглашаемые ею же советы и рецепты. Сказать, что всё это напрасно, что воз и ныне там, было бы несправедливо. Делается и сделано много, но уж очень медленно он, этот воз, движется. А время не ждёт, оно торопит: сегодня мы должны сделать больше, лучше, чем вчера, наши дети должны быть сильнее, умнее, наконец, чище душою, чем мы. Как же иначе?

И вот тут-то следует сказать, что с величайшей бережностью и вниманием нужно относиться к тем родничкам, что бьют в российской глубинке, питая души, наполняя силою сердца.глядишь, школа крошечная и затеряна она в глуши, а всё равно на виду. Заботливо, терпеливо, несуетно делает она своё такое нужное дело – воспитывает человека.

К месту напомнить здесь о подвижниках, которые никогда не переместились на русской земле. И среди учителей, в особенности сельских, сколько было и есть таких, для кого со школой, с учениками связана вся жизнь. Такой была Софья Петровна Масонова, с таким человеком, учительницей начальной школы села Высокого Еленой Николаевной Деруновой встречается читатель в очерке «Питомник «золотых ребят». Кому не известно, что школа призвана воспитывать гармонично развитого человека. Так вот, эта мысль в Высоковской школе спокойно и просто претворяется в жизнь. И началось-то здесь с того, что пустырь у школы был превращён в парк, был разбит сад, клумба, а потом ещё одна и ещё, ещё...

Где тут кончается трудовое воспитание и начинается эстетическое, а кроме того – нравственное?

Известно, что в деле воспитания мелочей нет. Нет их для автора очерка. Внимательным взглядом заметит он и буйство цветов на клумбах у школы, и чистоту парковых дорожек, увидит, как, рассказывая о школьном саде, на глазах меняется, словно бы расцветает его маленький серьёзный экскурсовод Шура. А увидев – задумается над тем, как, почему сумела школа изменить судьбу этой девочки, в которой уже было отчётливо начали сказываться черты её матери, «злой, неряшливой, грубой женщины».

И зоркость эта особого рода, она обусловлена сердечной заинтересованностью писателя в том, что происходит вокруг, как живут, как будут жить люди на родной для него земле.

Стоит заметить, что в Уланово и в Высокое автор очерков приезжает не в кратковременную командировку. Он подолгу живёт здесь, у него есть возможность воочию увидеть, какие победы дали те добрые семена, которые заронили в души своих учеников и Софья Петровна Масонова, и Елена Николаевна Дерунова.

Мысли писателя о школе, о воспитании органически вписываются в круг размышлений о сегодняшнем и завтрашнем дне родной земли. Потому-то особенно настойчиво вглядывается он в людей, которых выделяет одна особенность – одухотворённость. Именно это качество воспитывают в своих учениках школы и в Уланове, и в Высоком. Отсюда выходят люди, принимающие в наследство землю, политую потом отцов и дедов.

Судьба земли – в руках людей, которые живут на ней. Что там ни говори, а заставить землю цвести под силу лишь тем, кто – повторю это ещё и ещё раз – чувствует себя здесь хозяином. Чувство это закладывается ещё в детстве, но не благими порывами, а умением дать возможность каждому стать участником большого серьёзного дела. Вырастет такой хозяин – и по плечу ему любые свершения. Об этом умная, нужная книга И. Синицына, проникнутая заботой о том, как вырастить человека, способного сделать нашу землю ещё богаче, ещё краше.

А. КАРПОВ, доктор филологических наук, профессор, проректор Калужского педагогического института, член Союза писателей СССР.

ПИТОМНИК «ЗОЛОТЫХ РЕБЯТ»

«Ты слышал выражение «золотой ребёнок»? Так вот, эта маленькая деревенская школа выпускает таких детей. Её хочется назвать школой хороших человек. Приезжай. Такого ты ещё не видел. Очерк напишешь, а то и повесть. Места здесь отличные: тургеневская тишь...»

Так писал мне лет двенадцать спустя после войны мой давний друг, районный газетчик. Он писал, что в эти края учительская молодёжь валом не валит, но добраться туда сущий пустяк. С поезда надо сойти на станции Судимир («это между Сухиничами и Брянском»), там «штурмом взять автобус», который идёт на Хвастовичи, оттрястись в нём по ухабам ровненько тридцать вёрст, и можно вздохнуть с облегчением: ты в райцентре. Отсюда до Берестны ходят попутные. Это ещё два десятка вёрст прогулочной тряски-пляски в кузове с какими-нибудь бочками, и считай, что ты почти добрался. Там до Высокого остаётся всего километров пять ходу, «а если с песней, то и того меньше».

«Школа начальная,— писал он.— Работают там двое: учительница и техничка – бывшая её ученица. Ты в газетах, наверно, встречал это имя: Елена Николаевна Дерунова, заслуженная учительница России. Ей пятьдесят. Подвижная, душевная, только глаза грустные».

Потом он прислал мне пачку не очень удачных, мутноватых фотографий. На обороте одной из них было написано: «Это Елена Николаевна». Она стояла к аппарату боком, напоминая портрет артистки Ермоловой, с чуть запрокинутой головой и узлом волос, спущенным на затылок, стояла, спокойно сложив перед собою отяжелевшие кисти рук. Лицо её с прямыми линиями профиля было усталым и грустным. «Годы?» – подумал я. А друг писал: «Ты приедешь и скажешь, что яркой её жизни можно позавидовать, что этим счастьем она богаче всех. Но вот «откуда грусть?» – вопрос сложный. Приедешь – поговорим. Какая-то стена вокруг неё»...

Сколько раз я приезжал за эти годы в Высокое? Бывал там и по дню, и по два, и всякий раз, уезжая, жалел, что я не кинооператор, что не могу показать людям эту «школу хороших человек», дела Елены Николаевны, как видел их сам.

В первый приезд не повезло мне. Такая была досада! Больше семидесяти километров «открутить» на велосипеде по лесным дорогам (не хотелось «тряски-пляски» – махнул от Думиничей напрямик по карте), что называется, в поте лица подкатить к Высокому и узнать, что Елены Николаевны нет дома. Июль! Она уехала куда-то на юг. Высокое сразу упало в моих глазах. Я смотрел на него с тоской. Что ж ты, Высокое, скучно так выглядишь? Ни садочками глаз не порадуешь, ни красивыми палисадниками, ни весёлой чередой берёзочек, посаженных

вдоль изб? Только куры да свиньи бродят по улице, да чернеют коровьи лепёшки на траве. Что ж ты так тускло, без интереса живёшь, Высокое?

Уже не зная зачем, я мчался дальше по улице, распугивая кур и поросят, мчался всё-таки туда, в конец деревни, где весёлым кудрявым островом зеленели деревья школьной усадьбы.

Высоко над входом, за калиткой, горел факел.

Нет, это был не огонь. Это призывно пламенели кудряшки оранжевых цветов, как эмблема, вознесённых в белой чаше (ею оказался покрашенный диск от старого грузовика).

А дальше, за факелом, открывалось что-то дерзко-нездешнее, почти вызывающее, приводившее на память живописные цветники Пятигорска и Сочи. Разрисованными пряниками пестрели клумбы, твёрдо лежали жёлтые чистые дорожки, словно врезанные в зелёную шубку газонов. Их боковые линии прерывались, уступая место скамеечкам, описывали круги и полукружья, окантованные зубчатым кирпичным бордюром у клумб. Клумбы положены были строго симметрично, по определённому рисунку, и на каждой вился свой чёткий узор. Беседка пряталась в высоких цветочных зарослях, к ней вела уютная аллея, угол школы с крыльцом выглядывал из парка. А слева весь край усадьбы улыбался румяными яблоками. Дальше угадывался школьный сельскохозяйственный участок. Всё было обнесено тонким ровным частокотлом.

– Ай школа наша понравилась? – услышал явно ко мне обращённый голос.

Сзади стояла, пряча горделивую улыбку, молодая колхозница с граблями на плече. Глазами указала на школьное крыльцо:

– Острог был когда-то. Арестованные при немцах сидели. Потом конюшня была ихняя. Тут жутко что было! – продолжала она попросту, будто давно меня знала. – Это уж потом Елена Николаевна с ребятами всё тут в красоту произвела. Это всё её заботы – родительская рука тут ни к чему не прикоснулась.

Когда-то здесь дремал пустырь. Телята бродили, гуси. И вдруг разнесла детвора шумные, будоражливые новости по деревне:

– Пустыря не будет. Будет парк и сад, будут аллеи, цветы – новая учительница приехала!

Люди смотрели, как носила она с детьми первые штакетники, первые деревца из леса, как собирала плотников тесать столбы и жилилины, дивились: «За свои рублики нанимает!» Но спустя неделю старушечьи голоса надрывались вблизи школы:

– Приехала тут, пустырь огородила! Гусей, скотину лишила такого раздолья!

А дети кричали своё:

– Будет красиво. Как в городе будет!

Бежали с лопатами, с граблями – копали, сажали, браковали сделанное – придумывали лучше. Потом зацвели виолы, гвоздики, георгины, «золотые шары»... Ребята сбегались, вели за собой взрослых, фантазировали:

– А ещё дорожки обсадить!

– И обложить кирпичиками, как клумбу!

Через год или два старая клумба казалась им уже маленькой, невзрачной. Сделали большую, а по бокам ещё две. Потом ещё!

Женщине с граблями («Анохина моя фамилия, Прасковья Григорьевна», – представилась она) всё это нравилось. Эта школа, эта красивая детская усадьба теперь каждое утро, каждый день веселили ей душу. Там учился и её мальчик. Он так любил Елену Николаевну!

– Она ученикам как мать, – торопилась объяснить мне Прасковья Григорьевна. – Она и ранку перевяжет, и накормит, и молоком напоит. Обеды им готовит. Овощи у них свои, фрукты свои – вон сад-то какой у них! Самые голодные годы были после войны – она корову купила. Для них, для учеников, – ей-то, одинокой, много ли молока надо? Ох, она их так поддержала хорошо! Были ж дети – на одной сухой картошке сидели. Жёлтые, бледные. Всех подняла!.. Прямо, как родная мать!

Ей было сладкой отрадой – рассказывать, а мне слушать, и она повела было речь о «климате», который создаёт учительница в деревне, но ждали Прасковью Григорьевну дела, она извинилась, сказала: «– Ладно, может, потом когда-нибудь!» – и заспешила к дому.

– А тут есть Тоня Фирсова, техничка, – отойдя, оглянулась она. – Тоня вам всё расскажет! Это ж и её тут труды – и парк, и всё это при ней начиналось, она ученицей тогда была.

Я провёл велосипед в калитку, поставил к изгороди. За боковой стеной частокола раздавались ребячьи голоса. Разговаривали два мальчика. Один был постарше, наверно, третьеклассник, другой только ещё приглядывался к школе. Старший объяснил:

– Когда приходим, то сперва ноги надо помыть.

– А где? – спросил младший.

– Если дюже грязные – вон ручей. Там доски положены. А потом ещё вот тут, в касках, – чтоб начисто. Это немецкие каски, от войны. Вот на дощечку становишься и – тряпочкой. А дальше уж не замараешь – там до самого крыльца тесовая дорожка, она чистая. У калитки дежур-

ные стоят, проверяют. А когда холодно бывает, то вода в касках тёплая – Елена Николаевна греет нам.

– А когда совсем не грязно?

– А тогда – пыль. Тогда тут две тряпочки. Пыль сухой надо обтирать, а подошвы мокрой. Первачкам старшие всегда показывают, как надо, Елена Николаевна так велела. Вот гляди...

Я не стал прерывать такой важный инструктаж, пошёл в цветник. На дощечках, прибитых к колышкам, читал: «Аллея роз», «Золотая аллея», «Дельфинуум», «Кориопсис».

– Здравствуйте, – услышал вдруг.

Девочка, по-деревенски неловкая, невзрачная, с чуть растерянным лицом. Линялое сиреневое платьице, линялые тряпочки в косичках. Она силилась одолеть свою неловкость, сделаться общительнее, и спросила, глянув на мой фотоаппарат, пристёгнутый к офицерской полевой сумке:

– Наверно, вы из Калуги?

У неё получилось тактично и вежливо, она, должно быть, сама удивилась, что так у неё хорошо вышло, и сразу почувствовала себя свободнее. Вспомнила, что надо представиться, и сказала:

– Я тут дежурная, звать Шура. И вот ещё дежурный, это Вася, он из нашего класса, Васёк.

К нам подходили те два мальчика, что разговаривали у нижней калитки, Шура кивком указала на старшего. Я похвалил их усадьбу, они улыбнулись все трое.

– Тут всем нравится, – спокойно заметила Шура. – И взрослым!

– Всей деревне! – добавил Васёк, крепкий, аккуратный мальчик с выгоревшей чёлкой.

И Шура повела меня за собою по уплотнённой дорожке вдоль узорчатых цветочных ковров и ковриков, повела непринуждённо и просто, будто так это само собой и разумелось, что она должна мне всё тут показать и объяснить. Она остановилась, рассказывая о цветах, откуда они и как называются, что больше всего она любит виолу (ещё её называют «анютины глазки»). Попутно она поднимала на дорожке палые листья, комкала их и отдавала мальчикам, чтобы отнесли в мусорницу, а я следил за её лицом. Оно менялось. Оно становилось по-детски увлечённым, глаза смотрели на меня выразительно и ясно, и ей нравилось рассказывать о своём красивом хозяйстве.

Я наблюдал за ней с удивлением: откуда она так много знает о цветах? Но я ещё не ясно представлял, какая судьба передо мной, и потом пожалел, что не знал этого. Я бы увидел больше. Я бы увидел, как распрямляется исковерканная душа ребёнка, о котором года три назад

соседи говорили: «Это оторва, это бандитка растёт». Её историю мне рассказывали чуть позже.

Мы свернули в сад, вышли на овощной участок, там буйствовали на грядках диковинно крупные помидоры, огурцы и так лопушилась свёкла, что из-за её листьев виднелись только головы да плечи маленьких огородников.

Всё необычно, и всё красиво. Я ходил и думал: «Какого же дивного союзника привлекла себе на помощь в воспитании ребят Елена Николаевна!» Поэт сказал: «Ах, красота, эта страшная сила!» Но здесь она была силой доброй и могучей – она была поставлена здесь воспитательницей.

В парке нас встретила девушка. Я догадался: Тоня, техничка. Плечистая, плотная, с крупными загорелыми руками, в белом ситцевом платье цветочками. Парковые дорожки вокруг были словно вылизаны – ни травинки, ни упавшего листка, только корни деревьев, как вздутые вены, выступали по краям.

– Какая у вас чистота кругом! – указал я Тоне на эти дорожки.

Она несмело улыбнулась, ответила:

– У нас два воспитателя: Красота и Чистота.

– И надёжно воспитывают?

– Прививают любовь к хорошему. А когда человек любит красоту, порядок, он же не может быть плохим, правда?

Мы шли с нею к школе, она продолжала:

– Я потому сюда и пришла работать. Когда-то я тут училась, меня Елена Николаевна учила. Мы ещё маленькими закладывали этот парк, этот сад, я сажала вон те берёзы. Вон какие большие уже! Потом училась дальше, в неполной средней, – пять километров отсюда. И пошла к Елене Николаевне работать. Я раньше думала: техничка, уборщица – что хорошего? А это ж работа тоже воспитательная, правда?

Теперь в полный рост вставал передо мною другой союзник педагога, тоже красавец, волшебник и великий труженик. Имя его – Чистота-порядок. Он встречал детей ещё у калитки. Когда два мальчика разговаривали там, я понял, что если театр у Станиславского начинается с вешалки, то школа здесь начинается ещё раньше – от калитки. Школа – это храм. И в этот храм ты можешь войти после того, как почувствуешь, что ты чист и свят от ботинок до макушки и до кончиков ногтей.

Воспитателей у волшебника – легион. Это – и тесовая дорожка к школе, и крыльцо, и ступеньки... Входи! Но... Чистилок нет, решётки – тоже. Внизу постелена белёсая, мягкая от частого мытья мешковина, ею не ботинки – руки можно вытирать. А ступеньки будто отполированы, на них хочется сесть. И глаза ещё раз оглядывают обувь.

Это – и запах. Здесь обычной школой не пахнет. В прихожей стоит запах хвои и горячего душистого чая. И всё блестит, будто в аптеке: самовар, чайники, чашки, умывальник с мыльницами и щётками для рук и медицински белый эмалированный таз.

Это – и шеренга белых полотенец на гвоздиках. своё для каждого, и зеркало на стене, и под ними рядок карманчиков с расчёсками: войдите, разденьтесь – причёсаться надо. Это и парты в классе: им уже лет по десять, а они всё как новенькие.

И – бутафорский Кот Котофеич, весело панствующий на столике в глубине прихожей, среди картинок и журналов. Он сидит, шикарно одетый, весь в красных и синих шелках и в широкополой шляпе с бантом, с сумкой через плечо. Там у него маленькие книжечки со стихами. Мимо не пройдёшь нипочём! Котофеич умеет звать к себе в гости: возьми, погляди, почитай – будешь знать то, что другие знают.

Вот такие порядки в школе, ведомство которого начинается от калитки.

– Ведь ребята – они какие? – подсказала мне Тоня. – Много неряшливых, безалаберных, таких, знаете, – всё у них кое-как. Кто их нынче дома-то к порядку приучает? Всем некогда! Вот приходится Елене Николаевне придумывать...

Тоня в этих делах – фигура опорная. «Техничка» для неё означает «ассистент педагога», и это, пожалуй, самое точное определение её роли и места в жизни школы.

Она знала здесь не только все дела – знала и детей, и всё, что с ними происходит. Спросила меня о Шуре:

– Вам понравилась эта девочка?

И тут я узнал историю маленькой «бандитки».

Нет, с ножом она ни на кого не нападала. Но к семи годам девочка стала уменьшенной копией матери – злобной, неряшливой, безобразно грубой женщины. Шура ходила такую же отрывистой, сердитой походкой, так же огрызалась направо и налево и даже для неё, для матери, не выбирала добрых слов. Люди поговаривали, что это вырастет тяжёлый, грубый, беспардонно изворотливый человек, для которого никто не дорог и ничто не свято.

Первый раз в школу она шла надутая, чуть в стороне и впереди других, шла своей сердитой походкой и косилась на всех. На ней был измятый, криво надетый фартук и новые перекрученные чулки; туго, но неряшливо заплетённые косички торчали одна вверх, другая в сторону.

До этого дня Шура ни разу не заходила на школьную усадьбу. Ребята вступали туда как в волшебный дворец. Шура тоже прошла через калитку и словно замерла вся. Она шла, несмело переступая, потом

задержала шаг и остановилась. Где она есть? В какое царство пришла? Или, может быть, это сон?

Рядом, тоже затихший, стоял крепкий белоголовый мальчик, Васёк. Он молчал.

– Нравится? – подошла к ним Елена Николаевна. Она была доброжелательной и ласковой. Шура глянула на неё сперва растерянно, потом вдруг улыбнулась в ответ и кивнула головой. Может быть, первый раз она так благодарно улыбнулась человеку. Ребята загалдели:

- А она на свою мамку ругается!
- На всех! Дурными словами!

Елена Николаевна знала это. Знала, что мать величает Шурку и за разой, и змеей, и собачьим мясом и по месяцам не моет в бане. Но на ребят учительница посмотрела с тем же добрым, успокаивающим выражением лица и сказала, что теперь Шура в нашей семье и если к девочке пристало что-то плохое, мы ей все поможем.

Дня через два после уроков Шура подошла к Елене Николаевне и попросила:

- Можно, я тут ещё немножко побуду? Я ничего не испорчу.

Она шла в беседку. Цветы, склоняясь с обеих сторон, провожали её до самой дверцы. Шура откинула крючок, остановилась. Тишина. Белёсый половик у порога. Скамеечки вдоль стен. Голубые. И зелёный полумрак. Рослые цветы обступили беседку, заслонили окна. Чистенько, тихо. Слышно только, как где-то за речкой рокочет трактор. И так не хотелось девочке уходить отсюда домой!

А наутро дети сказали, что Шура в школу не придёт. Елена Николаевна тут же оделась и пошла к ней.

– А чего такое? – встала у порога Шурина мать. – Хворает Шурка, ну?

Шура выбежала из-за печки:

– Что ж ты бре.... – и осеклась;. – Что ж ты врешь? Сама не пускаешь, а врешь? Сказала: «Ерунда ваше ученье, иди нынче гусей стереги».

– Напрасно вы так, – строго заметила учительница. – Вы на это не имеете права. – А Шуре сказала:

- Одевайся, пойдём. Покушаешь в школе.

Всегда, сколько помнит себя Шура, она видела в семье торжество безобразной силы зла, грубости и безрассудства. И вот первый раз на её глазах торжествовала сила здоровая и добрая. Шура чувствовала себя освобождённой от чего-то тяжёлого, озлобляющего и шла с Еленой Николаевной, взглядывая на неё удивлёнными глазами.

В этот день она успела побыть дежурной, поработать со своим классом в огороде и цветнике. После обеда Елена Николаевна с Тоней вымыли её в бане, вычесали голову, остригли ноготочки.

Близился вечер. Шура играла с Котом-Котофеевичем, разглядывала книжки с картинками, а когда Елена Николаевна остановилась около неё, она опустила голову и затихла.

– Я не хочу домой! – прошептала она.

– Не бойся, – успокоила её учительница, провожая по улице. – Мама тебе рада будет. Скажет: «Какая ты у меня чистенькая, красивая!» А завтра опять придёшь...

Рассказывая, Тоня заметила:

– А знаете, наверно, каждый ребёнок – трудный. По-своему. Вот хоть Васёк.

Это была история тоже любопытная. Смышлёный, неиспорченный мальчишка, а пошёл в школу – разбирать не умел: чисто ли, грязно ли, опрятно или неряшливо. Ему было всё равно. Из дома вышел с новеньким портфелем, к вечеру портфель был уже старый.

– Фу, мать мне ещё купит! – успокоил он учительницу.

Дояркой у него была мать – доярки хорошо зарабатывают. И вот вам: добро уже бьёт под ребро, как сказала Елена Николаевна. Васёк уже – задача. И не один, конечно, Васёк. Как поступить? Провести беседу с классом?

Елена Николаевна повела ребят на ферму. Доярки убирали сырой, тяжёлый навоз, кидая его лопатами в люльку. Они были потные, усталые, но стойла выскребали начисто.

Беззаботного мальчика учительница вывела вперёд.

– Вот погляди, Вася. Вот как работает твоя мама. Она старается, чтобы было чисто, хорошо. Но ты знаешь, как она устаёт? Посмотри, какие у неё руки. Все посмотрите.

Женщины показывали загрубевшие, потрескавшиеся ладони. Первый раз в жизни ребята разглядывали рабочие руки матерей и не отводили глаз.

Сказано: лучше один раз увидеть... Вопрос о том, как достаются портфели, был всем ясен. Но теперь возникла другая забота: что останется в душе у ребят? Не испугает ли, не оттолкнёт ли их трудная работа животновода?

Объяснять? Внушать? Можно. Но прочен ли будет результат?

Она повела ребят в соседнее помещение. Там были маленькие, недавно родившиеся телята. Симпатичные, с чистой шёрсткой, они забавно смотрели на гостей и лизали им руки. Дети гладили их доверчивые мордашки и хохотали.

Елена Николаевна сказала:

– А давайте, ребята, нашим мамам и тётям помогать ухаживать за телятами.

– Давайте! А как?

Вёдра и веники дети разобрали нарасхват. Так началось их шефство над телятами.

Так начиналась здесь та самая связь школы с жизнью, о которой стали поговаривать лишь многие годы спустя.

Приходил черёд, Васёк отправлялся с напарницей на ферму и помогал женщинам подметать проходы, чистить клетки, поить телят, придерживая ведро.

«Он очень нужен для нравственного роста детей – общественный труд, – прочитал я тогда в районной газете статью Елены Николаевны. – Надо только, чтобы труд не был бременем, а чтобы ребёнку влекло к нему, чтобы у детей разгоралось желание делать и находить в этом удовлетворение».

С фермы Васёк возвращался повзрослевшим, рассудительным, матери говорил солидно:

– Mam, чего тебе помочь?..

А учительницу огорошил опять:

– Фи, в навозе копать! Я космонавтом буду!

Ещё задача! Они уже различали: работа грязная и работа чистая, труд неприметный и труд в лучах славы. Как внушить детям истину, которую мы когда-то повторяли на каждом шагу: полезная для общества работа всякая прекрасна и почётна, что труд был и должен быть у нас «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства»?

Вечером Елена Николаевна записывала себе в план:

«Беседы о трудовых подвигах простых людей... Заронить в детское сознание мысль, что их отцы и матери делают большое и нужное для общества дело, заставить гордиться родителями-тружениками, пробудить желание стать в будущем хорошей сменой им».

И вот уже весь Васин повзрослевший класс охотится за газетами.

– Ты читала? В районной про наших доярок написано. Читала? – впопыхах спрашивал Васёк у Шуры.

– Я и портреты вырезала!

Из-под ребячьих рук выходит красочный альбом трудовой славы взрослых. На первой странице фотография знатной доярки Прасковьи Ковровой, под ней стихотворные строки. Дальше по страничке место отведено прославленной калининской льноводке Елизавете Ниловой, курганской трактористке Екатерине Родионовой, первой водительнице хлопкоуборочного комбайна Турсунной Ахуновой, калужскому свиноводу

Василию Шаршавенкову, Николаю Мамаю, Николаю Мануковскому, Валентине Гагановой... Под портретом В. И. Гагановой старательной детской рукой выведено:

«Это знатная ткачиха, она перешла из передовой бригады в отстающую. Она знала, что заработок здесь у неё будет меньше, а всё-таки пошла и сделала так, что эта бригада тоже стала передовой».

Каждая страничка будто говорила: «Видите? Любое дело становится большим и почётным, если за него берётся настоящий человек».

Доходило ли? Оставляло ли след?

Оставляло. Васёк менялся. Тоня как-то даже залюбовалась им.

Начинался сенокос. Все, кто повзрослее, уходили на луга. И бабушки уходили. А детсада в Высоком нет. Куда определить ребятишек? Придумали: а в школу! Там теперь всегда есть дежурные.

Дежурил тогда Васёк. С ним были две первоклассницы. Они вышли к нижней калитке встречать детвору. Васёк стоял подтянутый, с ответственным видом и поправлял фуражку, чтоб она сидела, как полагается. На полном серьёзе он произвёл осмотр голопузой гвардии и дал команду: протереть обувь! Вот дощечки, вот тряпочки – пожалуйста! Объяснить, по какой причине это требуется, он не успел: отряд уже с великой организованностью сопел и пыхтел, наводя блеск на босоножках и тапочках, а за неимением таковых – на голых пятках.

Потом в парке Васёк давал необходимые инструкции. Во-первых, надо беречь красоту и порядок. Пройти по аллеям и дорожкам и, где увидишь упавший листок или ветку, поднять. А куда деть? Это – во вторых. Нужно отнести в мусорницу. А если увидел, травинка на дорожке пробилась, – удалить её, выковырнуть. Потому что портит весь вид. Тут инструмент нужен, например, столовая вилка. Инструменты хранятся в сарае. Они там лежат рядочками, чистенькие. После работы их надо почистить и опять положить на место. Потом помыть руки с мылом и – в беседку, книжки читать, или на игровую площадку!

Мальчишка целый день работал с детворой и наутро опять пришёл. Он с девочками поливал цветы, подкармливал помидоры, подметал с мальчишками дорожки, потом оглядывал с ними цветник и спрашивал по-хозяйски:

– Правда, красиво?

«В душе ребёнка, – читал я в другой статье Елены Николаевны, – чувство красивого соединилось с чувством удовлетворения, принесённого работой. И родилось счастливое ощущение радости труда».

А мне всю глубину перемен, которые происходили в ребятах, довелось увидеть чуть позже.

Была осень. В школе занималась утренняя смена – второй и третий классы. До начала уроков в первом и четвёртом оставалось часа полтора, но оба эти класса в полном составе были уже около школы. Они работали. С берёзовыми вениками в руках они подметали... не аллеи, не игровую площадку, не цветник – там было чисто, – они подметали площадку, прилегающую к школьной усадьбе. Оказалось, что никто их об этом не просил, никто даже не подсказывал этого и не назначал никаких сборов.

– Сами! Это они са-ми! – услышал я знакомый голос Прасковьи Григорьевны. Она несла воду и остановилась, мы поздоровались. – А дома что им? Разве интересно им дома сидеть?

Ребята разогнулись, вразнобой сказали нам «здравствуйте» и стали объяснять, что эта площадка «ничья», стало быть, убрать её некому.

– А хочется, чтоб кругом красиво было! – сказали девочки. Среди них, проворная, ладная, выделялась Шура.

– А то там хорошо, – рассудительно пояснил Васёк, указав в сторону школы, – а тут замусорено, листва. Весной трава будет плохо расти.

Ничего не скажешь – логика!

«Хочется, чтоб кругом красиво было!» - переглянулись мы с Прасковьей Григорьевной. Новые хозяева растут!

– Всё это – школа! – приглушив голос, заговорила Прасковья Григорьевна. – наших ребят вы везде отличите: аккуратные, выдержанные. Есть уже большие выросли, но чтоб он плохо поступил или бумажку бросил где зря – вы этого не увидите. Вот уже сколько лет мы тут живём – ни разу ещё на деревне ни драк не было, ни хулиганства. Это – школа, её заслуга.

Рядом стояла женщина и всё кивала, с усердием кивала головой, сказала басовито:

– Это правда истинная! Кабы вы знали, какая у них учительница!

Догадался: Шурина мать. Прасковья Григорьевна сдержала усмешку, заговорила весело:

– Мы даже удивляемся, какие они трудолюбцы у неё получаются, у Елены Николаевны. Как одна семья работают. Чего они только не умеют! И никаких им не надо указок – сами видят, что делать. Вот и Валерка наш. Ну что он, во втором классе был – ребёнок! А приду с работы – он всё в доме убрал, дров принёс, изба подметена. Пришёл с уроков, снял формочку, сложил аккуратноенько. Вечером вымоет ботинки, утром щёткой их вычистит – пылинки в класс не занесёт. К чему-то, конечно, и я приучала, но по правде – с работой да с хозяйством и

оглядеться некогда. Тут скрывать нечего. Да любая мать сейчас – разве она столько даст ребёнку, сколько Елена Николаевна? Они у неё и концерты готовят, и выставки разных своих работ...

Она помолчала, думая о чём-то серьёзном, и сказала вдруг:

– Я только вот о чём думаю. Если бы ребята находились в её руках хотя бы до седьмого класса! Вот это уж твёрдо был бы Человек! И к труду приучен, и в культуре воспитан. А то пойдут они от неё, после начальной такой школы учиться дальше – вот тут рядом неполная средняя, а там ничего этого нет, что здесь, о воспитании там не очень-то и думают... Если бы везде так было, как у нас!

Вот это теперь меня занимало больше всего: почему не везде? Почему даже в соседней школе, куда идут учиться дальше питомцы Высоцкой, «ничего этого нет»?

– Я там училась, – рассказала мне Тоня. – Там даже не любят, когда скажешь про Высоцкую школу, как тут всё делается. Не любят и не интересуются. Их сюда не зазовёшь! Я вот смотрю, кто к нам идёт и едет? Туристы разные, больше всего старшекласники. И знаете, что говорят? Они слов не находят, они радуются, завидуют нашим ученикам. А я хожу и думаю, почему же из района никто не обрадовался, не заинтересовался? Один раз привезли нам учителей на экскурсию, они походили, посмотрели, набросали на наших дорожках бумажек от конфет и уехали... Вы знаете, как детям было обидно? Замусорили такую красоту!.. И кто!.. Вы представляете? Зачем же они приезжали? А Елене Николаевне, думаете, не обидно?

В пору было хвататься за голову. Откуда это? Почему?

Потом я приехал сюда осенью.

Мы выходили с Еленой Николаевной на перемену, глаза её смеялись. Она была ещё вся полна уроком, он продолжал жить в каждой чёрточке её лица, в её глазах. В них тихо светилась лукавая, приглушённая сила доброй учительской власти, покоряющая детей. По просторным ступенькам крыльца террасы мы спустились к ребятам, которые выбирали место для новых юннатских опытов и клумб.

– Ну, народ, – сказала она со своим лукавым задорцем, – как будем делать? Как лучше?

И смотрела, любовно пощуриваясь, как они стоят и планируют, смыслённые, делом занятые её «белоголовики», её «народ».

Она и в класс входила с той же оптимистичной ноткой, журуя на ходу «именинника»:

– Вова, что ж ты натворил в контрольной, что ж ты накуролесил?

Наша беседа с нею длилась допоздна. Мы говорили о проблемах педагогических и сельскохозяйственных, о детях и родителях, о роли

кино и газет и наконец перешли к её работе. Я раскрыл записную книжку, но Елена Николаевна вдруг сделала короткий протестующий жест.

– Не пишите. Не надо, – проговорила она, и глаза её налились усталой горечью. – Ничего обо мне не пишите.

Не писать? О ней? О её школе, о её примере воспитания, таком дорогим и повсюду нужном? Я смотрел растерянно. А она, прочитав на лице у меня эту бурю смятения, только закрыла глаза и печально помотала головой.

– Не надо.

Перемолчала, подняла своё стареющее, остро очерченное лицо, посмотрела с болью:

– А зачем, Иван Семёнович? – услышал я. – Одни неприятности!.. – И ничего не объяснила.

Приезжал я сюда и через пять, и через пятнадцать лет и каждый раз, счастливо удивлённый, видел её в школе – ничего не растерявшую, по-прежнему играющую весёлой и мудрой своей добротой. Ей переваливало за семьдесят, но вы не говорите ей о заслуженном отдыхе. Пусть жизнь остаётся яркой! Пусть по-прежнему не обходят её большие заботы и дела. Она только будет забавно ругать себя, когда останется сама с собой, одна в пустом учительском доме, и спазмы начнут сжимать ей голову.

– Никудышный, никудышный я человек! За всё я должна переживать, за всех беспокоиться!..

Но вот – как не переживать? Парень ходит неприкаянный, Павлик, бывший её ученик! Окончил СПТУ, а на работу не идёт, целый день музыка в доме – радиола заливается. Чьё упущение?

«Можно б, кажется, и не забивать себе голову заботой, моя ли вина? Через сколько рук он после меня-то прошёл? Да ведь и мой он! Тут, в Высоком, все дети мои! Уйдут в армию – мне почтальон благодарности носит, не кому-то ещё: «Вы воспитали...»

Многих портить стали матери. Когда-то их нужда заставляла неволивать детей работой. Сейчас копейка вольная – «Пускай гуляют, пока молодые!» Акулина, мать Павлика: «Ой, да Николаевна, он у меня – всё! Вся моя радость!»

Женщин в магазине стояло много. Елена Николаевна в гурток свернула вокруг себя очередь, летучее собрание повела.

– Давайте поговорим, только тихонечко, чтоб не мешать продавцу. Акулина, ты вспомни, какой он из школы вышел. А теперь каким становится?

Затревожились бабы. Стоит этот Павлик, горит со стыда, слова сбивчивые: «Да я хотел, Елен-Колавна, а это мать... Я завтра...»

– Ну, Наташа, вот ты, всё ты дома на себя взвалила, извелась в пальчик, а дети ж у тебя без дела вянут. Кого ты растишь?

Хлопнула дверь – молоденький тракторист на порог. Растолкал очередь, горсть рублёвок продавцу:

– Две бутылки!

Глянула Елена Николаевна – кровь отхлынула от лица: Володя, тоже её бывший ученик. Подошла.

– олодя, что с тобой?

– А мы с отцом, Елена Николаевна. У нас получка!

– Ну подожди, давай мы подумаем. Неужели нельзя это отметить по-другому, поразумнее?

– А как?

– Купить хороший костюм, например.

– А уже Елен-Колавна! Уже есть. Два! Даже три. Куда их?

– Ну что-нибудь ещё. Из обстановки.

– А всё есть. И сервант, и всё. Диван – во какой!

– И всё-таки, Володя... Ну, положите вы на сберкнижку, потом...

– Ой, Елен-Колавна, там полно, там их уже класть некуда!

А я ведь с отцом, Елена Николаевна, я не с кем-то там...

«Утешил...»

Собрала потом в школе отцов, матерей.

– Давайте думать. Что вы делаете? Что же вы делаете?!

Тишина. Слова с напряжением, с нагрузкой входят в людское внимание, как вилы в сноп. Ох, как это много, как это огромно – учительский твой авторитет! Теперь выкладывай им всё! Как комбикорм тащат, как зерно крадут, как папы-мамы подпаивают кого-то, а ребёнок всё видит!

– Я ни себя, ничего не жалею, чтобы он вырос хорошим, честным человеком – вы это знаете. Но он видит... Куда же ты его толкаешь, отец?!

Смотрела в зал и поражалась: доходит! Понимают! Им такой погром нравится!

Прекрасно! Но она знала: зло идёт не от родительского невежества только – и продолжала свою битву уже в другом, в руководящем кругу – на сессии сельского Совета – как народный депутат:

– Вы говорите «растаскиловка» и говорите «нет дисциплины». Давайте думать почему? Получали «палочки» – был порядок; стали богаче жить, на сберкнижках тысячи – ворами стали. Из-за чего? А вот по-

жалуйста: главный агроном подъехал к складу, нагрузил себе телегу комбикорма и повёз.

– Но это же не воровство, он выписал. Законно!

– Это не воровство, но это хуже воровства! Рабочему выписать нельзя, а конторским служащим за месяц три тонны выдали.

– Ну, Елена Николаевна, им же надо как-то!..

– А рабочему не надо? Он воровать должен?

У женщины охапку соломы отобрали, всеми карами пригрозили, а другие, чуть в чинах, возами возят. Это «законно»! Вот и дисциплина! Вот и подчиняйся! Правильно?

Кто-то уязвлённо жал плечом, кто-то гудел невнятно, парторг отрезал:

– Правильно, конечно! В точку, Елена Николаевна!

Ещё не остыла она от этой схватки – новая, совсем неожиданная пожаловала в гости.

Легковая остановилась у калитки. Вошли двое – один помоложе, другой постарше. В хороших плащах, при галстуках. Солидные манеры. Шляпы сняли ещё у крыльца.

– Елена Николаевна, дорогая, здравствуйте!

– Гости милые! Как давно не виделись! Ну, где вы? Как вы? Жизнь, работа?..

Младший улыбнулся расслабленно.

– Нормально вообще-то. Недавно был на курорте. Вот, между прочим, а?.. Ну что мы – едем на курорт – в кармане каких-то 200–300 рублей. Чепуха! А там, я посмотрел, – вот это живут! Один там туз – из Средней Азии. У него чемодан денег! А? Другой из Закавказья...

– Ох!.. – Елена Николаевна брезгливо передёрнула плечами. – Ну и мерзавцев же где-то расплодилось!

Старший, казалось, её не слышал проговорил ровно, будто сам себе:

– Со мной в Москве таких тузов училось много. Тысячи швыряют! Рестораны, женщины... Живут!

– И вы им позавидовали?! – Елена Николаевна смотрела гневно.

– Ну, Елена Николаевна, мы же под одним солнцем живём!

– И вы им позавидовали? – уже напористее повторила она. – А я бы не хотела с ними греться их краденым теплом! Лучше быть человеком на Северном полюсе, чем подлецом на черноморском берегу!

Гости вскочили со стульев.

– Ну что вы, Елена Николаевна, мы же просто к слову. Это чепуха!..

Но она не успокаивалась:

– Послушайте, вы же ответственные люди! Чем же вы обольщаетесь?! Каким враждебным человеку, мерзким кумирам вы начинаете поклоняться?! А ведь у вас есть подчинённые. Вы что, думаете, они слепые? Будьте уверены, они всё прекрасно видят, всю эту гниль, и делают свои выводы, А вы даже не задумались! Как вы дошли до этого? Как вы дошли?..

И после, когда они, повторяя какие-то признания и клятвы, уехали, она всё останавливалась на этой фразе; как они дошли? Почему? Где тут чья вина? А дети всё видят. За них надо бороться,.. Всю ночь на потолке шуршала какая-то неугомонная мышь. Сон не приходил. В голове огненными россыпями вспыхивали и прогорали слепающие мысли. Она спорила с кем-то многоликим, и душу теснило давно знакомое ощущение бессилия, предательское ощущение, что она не может охватить всё, что необходимо охватить оздоравливающими руками педагога. К кому-то подступала с гневным вопросом:

– Почему так мало хороших, воспитывающих фильмов? И зачем выпускают такие: вот распахнулась дверь, ломаются ребята, кто-то кого-то портфелем по голове, крик, грохот... Художественно? Может быть. Но безобразно! Понимаете, я не за то, чтобы ходили на цыпочках. Но что канонизирует такое искусство? Разнузданность, беспардонность. Зачем? Во имя чего?

К утру её сковала головная боль. Спазмы. Голос охрип и огрубел, как у простуженной, на лице – землистые тени. Она походила по комнате, присела на диван, попробовала разговориться с заглянувшей техничкой, а взгляд увела симпатичная детская мордашка, улыбавшаяся с цветной обложки журнала. Голос грубо вязал слова, нежнее, словно заигрывал с лукавым ребёнком и словно просил у него исцеления.

– В Ловати работала, в детсадике, до войны, – расплетала болезненный, скованный голос, обращённый ко мне. – Показательный был детсад в деревне. Вот такие же курносики. Вечером мамы придут, а малыш обхватит меня за шею: «Калявна!.. (Николаевна)». Не хочет домой... – Мыслями счастливо улетела туда, в Ловать: – Чистенькие, накормленные. – И снова она здесь, любуясь, потянулась к журнальной Алёнке, – Ну куда от них? Это же прелесть! – Взяла журнал в руки, и на лице сквозь боль проступило что-то смягчённое, почти солнечное. – Вот она, рожица! Глаза хитрющие, зубки хорошенькие! Ведь это народ-то непосредственный... как их не любить?! Самый хороший народ – вот эти!

Совершалось чудо. Алёнка рассеивала её боль, спазмы отходили, отпускали, жёсткие тени, стоявшие в глазах, истончались и таяли, только в голосе ещё держалась болезненная хрипотца.

– Вот немножко и проходит, – облегчённо шепнула она Алёнке. Засмотрелась на неё опять и словно поблагодарила за помощь:

– Глазёнки такие умные!

И вышла на воздух.

Цветник, облитый росой, пестрел, приглушив свои краски, и сладкий аромат ночных фиалок дотаивал в теплющем воздухе. Она стояла на высоком крыльце, мысленно видя ребят, хлопчущих над клумбами, говорила им со своим обычным задорцем: «Ну, народ, давай думать, как сделаем?» И вот они стоят и планируют, какой выйдет рисунок, смыслённые, делом занятые, с круто сомкнутыми от думы бровями.

Человеки растут! Хороший народ! И дышать легко. Часами глядела бы на эти детские думающие головы, и, кажется, не надо и радости никакой другой!

А те двое ржавой иглой в сердце засели. И Володя. «Мы с отцом! У нас полочка».

Что упущено? Что упустила она?

И приходило тягостное ощущение неохватности!.. Три года, всего три года дети находятся под её крылом, в её начальной школе, а потом... Что там, в той же Берестянской восьмилетке, в недалёкой средней школе? «Процент успеваемости»?

Мне хотелось, чтобы она высказала всё, я ждал с раскрытым блокнотом, но по-прежнему слышал вдруг становившийся усталым её голос:

– Не пишите. Не пишите – это не поможет, я убедилась давно...

Самое печальное, что убедился в этом и я. Писал я о ней много, но это не помогало делу.

Я ездил по районам, по школам и пытался понять главное: почему нет интереса? Всюду резало глаз одно и то же: неприветливый вид усадеб и зданий, травую заросшие клумбы, поломанные изгороди и вымученные планы воспитательной работы.

В одной из сельских восьмилеток мне вышел навстречу директор – разбитной, улыбчивый атлет. Разговорились, я рассказал ему о Высокой, он хохотнул:

– Хо, цветочки-дорожки!.. Не в таких ещё условиях учили! У бабки Лукерьи в арендованной хате, при «поросычьей инспектуре» уроки проводили. И, между прочим, давали процент!

Было видно, как на блюдечке, что думы о воспитании отнюдь не отягощают его. Что не гложет его печаль-забота, каких людей он выпус-

тил, не тревожится товарищ, что в ком-то из них дурманным букетом расцвели безалаберность и лентяйство, небрежность и эгоизм, а у иных и кое-что откровенно антиобщественное при более-менее твёрдом знании, сколько будет дважды два! Нет! Его забота – лишь «привести урок». Но чувствует себя товарищ капитально: он «даёт процент»! Его унылая, живущая худосочной жизнью школа в районе котируется ничуть не ниже других и отнюдь не считается огорчительным контрастом рядом с Высокой. А живётся ему по сравнению с Еленой Николаевной куда как легче! Ему и во сне не снятся её тревоги и печали, её горькое творческое одиночество.

И какой знакомый парадокс! Её называют самым дорогим, самым уважаемым человеком в районе. На сессиях, конференциях, совещаниях имя Елены Николаевны Деруновой произносится с особым почётом. Заслуженная учительница, трижды награждённая орденами, много лет бесценно депутат райсовета! Кажется, нет во всей округе человека влиятельнее, чем она. Один её телефонный звонок – и любой избиратель будет принят в любом районном кабинете с самым глубоким вниманием. Когда она выступает на учительских совещаниях, зал слушает, что называется, с великим интересом. Руководители района бесконечно любят её, помнят её дни рождения, шлют ей подарки. Её глубоко уважают и в облоно, и в более высоких педагогических инстанциях. Уважают, любят, почитают... И в то же время с таким равнодушием, с такой жестокой бесхозяйственностью относятся к тому, что она совершает, к делу её жизни, к сокровищам её педагогического опыта!

– Откуда холодок тянет, не пойму, – горячился мой друг-газетчик, – но отношение вот такое... никто и пальцем не пошевелит. Раздражаются даже! Я написал о ней как-то статью к учительскому совещанию, дали её, захожу в зал минут за десять до начала – читают, жестикулируют. Один директор в кругу приятелей митингует: «Зачем нам эта реклама? Ну, работает она (я понял: о Елене Николаевне) хорошо, знаем, награды получила, ну и на здоровье! Зачем этот культ личности?...» Понимаешь?

– Посредственность желает оставаться нормой. Но вот говорят, для других школ высокский опыт кажется непосильным.

– Слушай, ну что же тут для нормальных людей непосильного? Цветник? Сельскохозяйственный участок? Ребячьи труды? Старенькой учительнице по силам, а таким дядям... А? Ты скажи, спроса нет – вот это да. Спрос у нас за что идёт? За успеваемость, за проценты. А за воспитание какой спрос? Тут и мерки-то никакой не придумано, чем это дело измерять.

Я чувствовал себя без вины виноватым перед её трудами и талантом. Первый раз в своей долгой корреспондентской жизни оказывался не в состоянии помочь делу, огромная ценность которого была для меня очевидной. Вокруг него стояла какая-то невидимая многоярусная стена, и, сколько я ни бился, мне не удавалось даже поколебать её. Несколько лет пытался привлечь к опыту Высокской школы внимание большой педагогической печати – журналов и газет Минпроса, его Академии, но лишь с изумлением читал их равнодушные, порой нелепые отписки. Друг-газетчик показал мне, как ответила ему «Учительская газета»:

«В декабре расписывать всяческие красоты школьной территории, согласитесь, несколько неудобно... И так перевозносить полубившийся Вам опыт воспитания – ей-ей – это Вы через край хватили!» Далее следовала оснащённая солидными титулами подпись: «Заместитель редактора газеты, доцент кафедры журналистики МГУ Ковалевский».

Интереса не обнаруживалось и здесь!

Только год спустя я понял, в чём всё дело. Ведущие деятели просвещения довольно энергично доказали мне, что они, как это было и сто, и двести лет назад, считают своим прямым делом по преимуществу книжное обучение, урок. Они убеждённо твердят, что «именно на уроке наиболее полно реализуются все задачи учебно-воспитательного процесса», – как об этом решительно заявляет заместитель министра просвещения СССР В.М. Коротов (см. «У.Г.» от 30.12.80 г. Разрядка моя: - *И.С.*) Ему горячо вторит в этом и сам министр М. А. Прокофьев. «Подчёркиваю, – заявил он, – и воспитательно-го» (см. «У. Г.» от 1.09.80 г.).

Говорить так и подчёркивать – значит настойчиво голосовать за старую книжную школу, против которой так непримиримо выступал Ленин. Значит – не понимать, не представлять себе во всём огромном объёме, во всей подвижности и бесконечном множестве элементов работу, труднейшую и сложнейшую работу по воспитанию нового человека. Это сквозить в книге В.М. Коротова «Воспитывающее обучение». Когда автор ведёт в ней речь о воспитательной роли урока, он высказывает хотя и не новые, но нужные и конкретные соображения. Едва же он переходит делам внеучебным, начинаются общие фразы, за которыми проглядывает легковесное отношение к воспитательной работе и слабое знание практики этого дела.

Так выглядит официальная позиция и Минпроса, и его Академии: о воспитании говорят и пишут как о деле побочном, всячески обходя опыт А. С. Макаренко, и горячо хватаются за концепцию «воспитывающего

обучения», годную лишь для того, чтобы придать видимость интереса к воспитанию школьников.

Как одолеть нам эту беду?

И снова я в Высоком.

Сухонькая, подвижная, но уже совсем поседевшая, Елена Николаевна светилась ожиданием чего-то праздничного. На столе рядом с лукавенькой журнальной Алёнкой лежали старые письма, газеты разных лет. В них, видимо, тоже было что-то целительное для здоровья тела и духа старой учительницы. Мы перебирали их, и мне казалось, я слышу издали залетевшие сюда голоса людей, растроганных, не забывающих её. Вот из Думиничей:

«Вам шлют большой комсомольский привет участники турпохода старшекласников. Ваша школа незабываема! Таких трудолюбивых и вежливых детей мы видели впервые...»

От бывшей ученицы: «Милая, любимая Елена Николаевна! Как я часто вспоминаю Вас и нашу чудесную школу. Мы, когда узнали о награждении Вас новым орденом, это было для всей нашей семьи как праздник... У меня всё хорошо, борюсь за звание ударницы коммунистического труда».

Из Калуги – от знакомой учительницы: «Я часто думаю о Вас. Нет, у Вас поистине замечательная жизнь! Вас окружают любящие вас дети – и благодарные Вам родители... Вам может позавидовать любой!»

В районной газете: «О таких Ленин говорил, что они идут в массы, просвещают их; своей жизнью, поведением, благородством очищают жизнь от всякой скверны, приближают светлое будущее».

Развернул ещё одну газету – с первой странички смотрело приятное, умное лицо девушки. Мне сразу почему-то вспомнились слова Елены Николаевны, которые были когда-то напечатаны в «Крестьянке»: «Есть у меня ученица Нюра Щёголева, сейчас она уже в седьмом классе. Мечтаем мы с ней, что станет она учительницей».

Это Нюра Щёголева и есть!

И статья под снимком: «От неё веет чистотой и душевным здоровьем... Анна Петровна Щёголева – выпускница Кондровского педучилища, работает в Клёновской восьмилетке... Сколько души она отдаёт детям! Её уроки содержательны, эмоциональны, полны открытий. Она пишет стихи, играет на баяне. Она – ученица Елены Николаевны Деруновой, которая вложила в неё свою любовь».

Приятная встреча! Мы стали вспоминать о Нюре Щёголевой, обо всех, кого знал и я, – о Шуре, Ваське, Алёше. Это уже взрослые люди. Шура теперь уважаемый рабочий человек, о Елене Николаевне пишет

подруге: «Она моя родная мама». О школе написала: «Это для меня вечная святыня». А мальчишки... Поехали они учиться дальше, повидали места другие, в городах побывали и однажды пришли к Елене Николаевне плечистые, взрослые, с тёмным пушком над губами. И Васёк заговорил о том, что всем им хочется теперь сделать Высокое красивым, новым, деревья насажать вдоль улиц, парк разбить, чтобы там и скамеечки, и сцена, а рядом чтоб – спортивный городок.

Они уходили в армию, и ей хотелось, чтобы они возвращались скорее. А потом думалось, что если даже судьба занесёт их в другие края, куда-нибудь на ударные стройки, – что ж! Велика Россия, и ведь всю её надо обжить и благоустроить!

...Стоял август. Теперь она любила этот месяц больше всех. Канун сентября, месяц счастливых ожиданий! Ими наполнилось всё: калитка, дорожки, спортивная площадка и каждая комната в новой школе.

Все дни двери в школе были открыты. Блестели полы и парты, и всё было залито солнцем, какой-то особенной тишиной. Это не усталая тишина отдыхающей школы, это – здоровая и чистая тишь приближающегося праздника. И сама Елена Николаевна входила сюда, как в храм, в котором виделись ей новые созвездия детских глаз – смыслённых, отзывчивых, жаждущих. Здесь каждая парта, каждый блик на стене внушает ребёнку аккуратность, прилежание, сдержанность.

Всё в ожидании: и шеренга свежих полотенец у входа в столовую, висящих, как в детском саду, и самодельные обручи, украшенные букетиками из конфетных бумажек, – для танцующих на сцене («Ох, нравятся мамам!»), и учительский столик с тетрадями и планами. И немножко уже скучают без зрителей выставка «Цветы России», витрина ребячьих рисунков и вылепленных из пластилина фигурок Волка и Журавля, Вороны и Лисицы. И уголок с названием «Наши ошибки». Три карманчика рядом: «1-й класс», «2-й класс», «3-й класс». Пройдёт контрольная, в карманчики Елена Николаевна положит именные карточки, на них слова, которые ученик написал с ошибками. Утром, до звонка («Ведь за полчаса до уроков приходят, непоседы!»), всяк найдёт свою карточку и сядет за разбор собственных промахов. А потом войдёт Елена Николаевна, на ходу весело жура «именинника».

Ждут своего великого дела планы воспитания, которые хочется назвать планами сотворения настоящих человек. Здесь развитие трудолюбия, способностей, талантов, воспитание патриотизма, активности, воли, настойчивости в учёбе, коллективизма, умения заметить, где нужна твоя помощь, умения экономно использовать время, культуры поведения, физической культуры... Разделы, детализация, время...

Близится сентябрь, и она забывает, что ей за семьдесят. У неё снова начало пути. Она стоит у калитки, освещённая солнцем, сухонькая, с пучком волос, спущенным на затылок, и вся лучится, глядя на стайку детей, шагающих в царство красоты.

Мы прощаемся. Я уйду, издали снова оглядываюсь на Елену Николаевну, на её чудесный городок и думаю о том, в каком мы все огромном перед ней долгу за её дело, за судьбу тех дивных ценностей, которые она создала для воспитания детей. Сколько лет стоит она перед всем районом и областью, перед руководителями просвещения страны, протянув им лучшие плоды своей долгой жизни: примите, это нужно всем, этого так сегодня не хватает всюду!

Нет, её должны услышать!

Здравствуй, детхоз!

Мы ждали, какой это вызовет отклик. В эфир ушёл телевизионный рассказ, который открывал явление необычное, но в то же время, может быть, смутно ожидавшееся многими. Рассказ о новаторском решении современных проблем воспитания школьников. Речь шла о сельской восьмилетней школе, что в Уланове, под Медынью, о такой её простой, но необыкновенной жизни, которой, думается, ото всей души аплодировал бы Макаренко. Передачу вёл писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Это было в 1970 году.

– Ну, теперь двинется на вас поток писем, – сказал тогда Сергей Сергеевич директору школы Софье Петровне Масоновой.

Но, должно быть, и он не предполагал, что хлынет такое половодье и что об этой небольшой сельской школе придётся давать ещё и вторую и третью передачи по Центральному телевидению. Потому что окажется: проблемы, к которым приложили разум, сердце и руки в Уланове, слишком глубоко и остро волнуют многих, очень многих и повсеместно ждут кардинального решения.

«Я не могла не написать Вам. Вы делаете замечательное дело! Вот такой и должна быть наша настоящая школа! Прошу Вас: обратитесь через «Учительскую газету» и «Сельскую жизнь» ко всем сельским учителям – пусть все так построят работу школ. Это всколыхнёт учительские массы, а большинство молодёжи будет с удовольствием оставаться на селе. *Н. А. Гладышева*, учительница-пенсионерка».

«Меня очень обрадовала и взволновала ваша телевизионная беседа с С. С. Смирновым. Умеет же он найти среди многообразия нашей жизни такие замечательные явления! Как хорошо, что ваша школа с ранних лет прививает детям любовь к труду и умение создавать прекрасное вокруг себя. Как бы это сделать, чтобы все школы выполняли эту великую задачу?.. Вероятно, этому надо учить и в педучилищах, и в пединститутах, и на курсах повышения квалификации. Причём не только биологов, а всех учителей, как это правильно сказано в передаче. Если взяться за такую работу по-настоящему во всей стране, то проблемы трудового воспитания будут решены блестяще, и в ближайшие годы каждый уголок нашей страны руками молодёжи будет превращён в чудесный сад.

О. М. Самойлов, полковник медицинской службы, заслуженный врач Казахской ССР, г. Актюбинск».

«Видимо, ваша школа является пока единственной в Советском Союзе, достигшей столь разительных результатов. Опыт ваш должен быть использован тысячами школ. Мы тоже решили его взять на вооружение. Убедительно просим ответить на наши вопросы...

П. Тесля, г. Новошахтинск, Ростовской обл.».

«Здравствуйте, товарищи-коммунары! О вас сейчас рассказывают все. Я приветствую ваше начинание. Такой тип организации жизни школьников, их труда и учёбы – это то, о чём мы мечтаем, то, что должно у нас быть. Идти дальше надо именно этим путём! У меня двое девочек школьного возраста, и я ничего лучше не желала бы им сейчас, как жить и трудиться в таком коллективе. *А. А. Авзаева, фельдшер, г. Братск».*

«У меня давно зрела мысль уехать в деревню, в совхоз. В городе дети, кроме школы, ничем не заняты, с утра до вечера гоняют мяч. Вы скажете, что при школах есть кружки, а при ЖКО клубы школьников. Есть. Но всё это мало что даёт. А я хочу, чтобы мои мальчишки росли трудолюбивыми. В селе это вообще легче осуществить, а когда там такая школа, как ваша, – это просто прекрасно. Я сама на любую работу пойду, не боюсь никакой работы. Посоветуйте, можно ли приехать к вам в село, как устроиться с жильём. Пожалуйста, будьте добры, напишите... *М. Козлова, г. Красноярск».*

– Так что же это за школа и что за опыт? – стал расспрашивать меня редактор одной газеты, услышав, что я давно знаю эту школу и как-то причастен к тому, что она появилась на голубых экранах. – Это что – очередная мода?

Мода... Я понимаю: популярная богиня века стала покровительницей многих нелепиц. Такая она есть: благородством вкуса нечасто радуется, а хранить и беречь всё дивное разнообразие прекрасного не в её правилах.

Нет, тут серьёзнее. И тут требуется поразмыслить. О семье, о школе. О том, почему иные нынешние папы и мамы, люди далеко не малограмотные, так плохо справляются с обязанностями по воспитанию своих ребят.

«МАТЬ ПОРОКОВ» И ЕЁ ПОДКИДЫШИ

Как и когда ушло из нашей жизни то, что делало детей трудолюбивыми?

Сидят передо мной две классные руководительницы. Одна учителствует в известной московской школе, другая – в селе, где я живу. К обоим у меня один вопрос:

– Сколько в ваших классах учеников, которые любят трудиться?

Город: – Из сорока трёх... более или менее – шестеро.

Село: – Пятеро из тридцати двух. Есть о чём думать.

– Ну, а остальные?

Город: – Много барского... Вот решаем провести вечер. «Давайте продумаем, как интереснее оформить зал, наготовим всяких вкусных вещей». Девочки молчат, мальчики небрежно кривят губы: «Ещё готовить! Скинемся по три рубля – и порядок!»

– Это страшно?

– Человек для себя не хочет сделать, чем он порадует общество?

– Но, может, потом талант, призвание, склонности своё всё-таки возьмут?

– Не забывайте: лень – мать всех пороков. Ленивый всегда пассивен, эгоистичен, и если хотите, жесток! Всегда! Вы только вдумайтесь, какое это уродство и в социальном и в личном плане!

– Но если он умён, образован?..

– Боже мой, что может быть ужаснее, чем умничающие бездельники? Вы с ними поговорите, что их интересует? На уме джинсы и шлягеры, тряпки и развлечения. Представляете? Это нетрудовой народ.

– Ну, а в селе?

Село: – Собственно, разницы, мало. Ничем себя не утруждать и в селе привыкли многие. Ничем, в том числе и учёбой. Преподаватель объясняет, а им и слушать лень. Так, вполуха, вполглаза. «На тройку ответу и хватит».

Вмешивается молодой аспирант.

– Речь надо вести шире: о проблеме человеческой активности вообще.

Мы согласны, можно и шире. Но проблема трудолюбия и сама по себе становится общественной проблемой первой степени. Потому что если человека с детства заела лень, то уж никакой идеей, никаким примером-подвигом его не расшевелишь. Ставь его в какие угодно социальные, производственные, житейские условия, он всюду будет выступать в одной только роли: в роли унылой обузы, если не хуже! Тут и личная и общественная трагедия сразу!

Вот напечатанная в «Комсомолке» отчаянная исповедь киевского паренька (кому она не перевернула душу!). Сквозь злые и бессильные слёзы он объявляет себя «обыкновенным серым обывателем» в шестнадцать мальчишеских лет. Что с ним? Всё то же:

«Я не могу учиться – лень».

У другого, постарше, аккорд трагикомический:

«И на пасеке мне – не мёд!»

А ему вторит целый хор:

«Да, по преимуществу мы потребители, такими нас сделало время».

Искренно, аналитично и – никаких переживаний: был и останусь!..

«А у нас и в интернате растут ребятишки барчуками: ни работать, ни учиться не хотят» (В. И. Касатская, г. Гаврилов-Ям, Ярославская обл. Из писем в Уланово).

И в другой форме:

«Как вы добились того, что все ученики вашей школы любят трудиться?» (Н. Колодникова, Львовская средняя школа Саратовской обл.).

Учительское письмо из-под Москвы.

«...Ничего не хотят и не любят делать, убегают с уроков. Работать стало очень тяжело. Устаём. Подчас даже приходит мысль покинуть школу. Весь спрос с учителя, а ему деваться некуда...»

Острый факт – не всегда подходящий материал для обобщений, но нам надо разобраться: откуда, из какой преисподней поднимается у нас это унылое исчадие века с нежным именем лень? Совсем ведь недавно лентяи в деревне, да и в городе, исчислялись единицами, как убогие. И вдруг такой «взлёт»: семь к одному! Где причина?

Город: – Многое определяют сами условия современного города. Трудовое воспитание в городах остаётся проблемой. Не так просто найти ребятам постоянное дело, которое стало бы их воспитателем. И в то же время – ясно: мы строим не царство бездельников, строим самое трудолюбивое общество на земле. Значит, надо думать и искать...

– О том и речь. А уроки труда проблемы не решают?

– Понимаете, как бы это объяснить? Всё это труд ознакомительный, а не воспитательный. Чтобы он стал настоящим воспитателем молодёжи, ему надо быть не таким. Тут нужно что-то макаренковское. Настоящий производительный труд!

Село: – Дело в том, что семья перестала быть тем универсальным воспитателем детей, каким она была до недавнего времени. Отсюда и пошло...

Вот с этим, кажется, не поспоришь. Мы привыкли считать, что семья – это могучий и всесторонний наставник ребят, что она, как и встарь, остаётся надёжным университетом детского трудолюбия. И продолжаем простодушно полагаться на её исконный в этом деле опыт и радение. Даже в педагогической печати.

«Юный селянин, – читаем в «Учительской газете», в статье «Сельская аттестация» (июль 1972 г.), – как и встарь, так и теперь, не чурается физического труда. И право же, не школе приписывать себе в этом заслугу: исходит она от семьи, от хаты...»

«Исходит»... Когда-то исходила, да. Но теперь...

Помню жаркое, острое родительское собрание и слова пожилого механика – это был интересный, наблюдательный и темпераментный человек, он спрашивал:

– Вы когда-нибудь видели бездеятельного ребёнка?.. Чтобы он не был всё время в движении, чтобы руки его поминутно не тянулись что-нибудь делать, чтобы ему всё было безразлично, неинтересно и он целыми днями не знал бы, куда себя деть?

Зал притих, потому что таких чудес ещё не видал никто.

– Так откуда же тогда берутся лентяи, потребители и всякие прочие бездельники? – выкатил оратор.

Откуда? А вот сценка. Не подскажет ли она ответ?

Приезжаю из командировочных странствий в своё Чернышёво, бежит навстречу ватага дошколят – Серёжа, Василёк, Наташа, Колюшка. Бегут и ещё издали, ещё не вспомнив про «здравствуйте», кричат:

– Сёме-е-нач! А вы чего сейчас будете делать?

Что я делать буду – вот что важно выяснить этому народу по самой первой статье! И если я отвечаю, что буду колоть дрова, малыши подпрыгивают от удовольствия и выпаливают хором:

– А мы складывать будем, ладно?

Мне это каждый раз и весело и удивительно. Что они находят в этой работе? Ну, собирать клубнику, снимать яблоки – тут всё понятно. А таскать корявые поленья, поднимать их нежными детскими ручонками и складывать стенкой... Какой интерес? Но для них – посмотришь – истинный праздник! Радости сколько!..

И я всегда поражаюсь, как долго не надоедает им эта грубая физическая работа, которая, кажется, никого увлечь не может. А они увлечены! Отчего? Что за голод такой?

Да, это своеобразный голод. Она нужна, она необходима им, физическая работа. Им всегда не хватает её! Есть такая потребность у маленького человека, которую взрослые почему-то перестали видеть:

потребность работать. Смотрю на этих пятилетних «рабочих» – они утоляют голод. Им хочется движений, хочется каких-то своих трудовых нагрузок, хочется совместного веселья, соревнования и того хорошего, приподнимающего чувства, что они делают взаправдашное дело. А Серёжа вдруг ещё догадается приладить у поленицы какую-нибудь дощечку, чтобы становиться повыше, и тогда кричит уже в совершенном восторге:

– Сёме-нач, а я во как придумал! – И весь в солнышках, разрумяненный, поплясывает на своём изобретении.

Он придумал!.. Как это сладко ему и чудесно, что он сам придумал! Какими новыми красками окрашивается для него теперь эта «дровяная» работа! А она продолжает и продолжает что-то будить в детских душах – то рабочую смекалочку, то какую-то ещё детскую, но уже сноровку, то желание потерпеть и одолеть и потом полюбоваться тем, что получилось, как хорошо стало, когда раскиданные так и этак чурки улеглись ровненькой, аккуратной стенкой, – под нею даже хочется посидеть и поиграть во что-нибудь.

А мне приходят в конце мысли грустные – мысли о детях, которые вырастают в условиях безысходного «трудового голодания». Сколько их у нас, таких «дистрофиков», косяками ходят по городам и сёлам!

«Семья перестала быть воспитателем». А что случилось?

Беру давно знакомую мне деревенскую семью Андрея и Анны Плотниковых. Кажется, этой семье самой судьбой назначено быть питомником счастливых трудолюбцев. Что Андрей, что Анна – это труженики, о каких говорят: в руках у них всё горит! За что бы ни взялись – трудное, грязное, в снегу – работают весело, хватко, сноровисто! Рядом с ними, думается, и самому отпетому лодырю не устоять – заразительно! Я ни разу не видел, чтобы Анна шла скучным, ленивым шагом. На колодец – на рысях, с колодца – живо, ходко, на работу, с работы – за ней только поспевай. Всегда боевая, весёлая, острая.

А дети? Дети будто совсем из другого дома. Бродят скучные, лохматые, похожие на старичков, летом их тянет куда-нибудь в холодочек, под берёзку, там они лежат, сонно бренча гитарой, покуривают украдкой, перекидываются в картишки.

Анна и сейчас вся светится, когда возьмётся рассказывать о своём детстве. Как вечером по мудрой подсказке матери посадили они с братишкой капустную рассаду, а наутро проснулись и, ещё не умывшись, помчались на огород. Им не терпелось посмотреть «какая она стала». Как поливали её потом, чтобы скорей росла, как землю рыхлили, учи-

лись окучивать и как бежали среди лета к матери со звонким торжеством: «Мамочка, там уже маленькие кочанчики!».

Сам глава семейства, Андрей, вспоминает начало своего трудового детства с тёплой любовной улыбкой. Был мальчишкой – батя взял его с собой в машинно-тракторные мастерские: «Поможешь кой-чего...» За этот день паренёк будто ростом выше стал и в плечах раздался. Он шёл с работы, и дивно ему было чувствовать свои руки, приятно потяжелевшие, ставшие будто совсем мужскими. И сама усталость, которой налились они, была ему интересна и приятна и словно бы возвышала его. Он нёс эти рабочие руки с каким-то незнакомым чувством уважения, и ему казалось, что теперь им под силу и самые тяжёлые мужские работы.

Так начинался человек труда.

И я долго не мог уразуметь, почему детям своим Андрей и Анна не догадаются открыть эти дороги к извечным и таким понятным для обоих радостям труженика. Заговорил с Анной, она вздохнула, покачала головой.

– А что хорошего-то, Семёныч? Детство наше взять: что мы видали? Работы да заботы. А теперь вот поглядишь на ребят, и душа не налегает приневоливать их. Пусть уж они учатся да в люди выходят. Пусть хоть у них будет чем вспомнить детство!

Речь её эта горячая казалась убедительной, пока я её слушал. А отошёл – что-то запротестовало во мне. Как же так? Были ведь и в прошлом лихие времена, и жалость к детям тоже не вчера лишь появилась на свет. А детей в каждой семье старались ко всему приучить и всему научить... Нет, не всю правду сказала мне Анна в этот раз!

После обеда, придя с фермы, она, усталая, бежала по воду, я кивнул ей на ребят, лежавших под берёзкой:

– Не надорвались бы они воды-то наносить! Здоровые, сильные ребята!..

Анна остановилась.

– Да это мне, Семёныч, не трудно! – Однако тут же повернулась к сыновьям: – Ребята, я вам говорила, картошку окучить, ай вы забыли?

– Ладно, мам, сделаем! – донеслось из-под берёзки.

Минуты через три ребята ушли на речку. Наутро, заметив меня, Анна снова, уже сердито крикнула им:

– Вы что ж, картошку-то думаете окучивать?

Земля пересыхает. Дорога ложка к обеду!

– Окучим, мам! – отозвались хлопцы, чинившие на лужайке рыболовный сачок. – Мы сейчас!

Она пошумела ещё немножко, но в этой её материнской брани звучала только досада, что у неё такие непослушные дети, и не было в её речи ни самой малой тревоги за то, что они растут беззаботными ленивцами.

Вечером глянул я на картошку – там всю орудовала тяпкой... сама Анна. Сыновей не было видно нигде.

Теперь Анна сама заговорила со мною, заговорила напористо, круто:

– А вот подумаешь, Семёныч: а что им эти огородные труды? Вырастут – что они, огородом, хозяйством, что ль, будут заниматься? Теперь жизнь другая пошла; каждый на своей работе, по своей специальности идёт. Школу кончил – пошёл в ПТУ, там его делу учат. Специальность получил – работает. Человек человеком. Зарплата, квартира – пожалуйста, живёт!

– Но если ты с детства не приучишь их к труду, – подсказал я, – какие это будут работники на производстве?

– Ох, да когда мне с ними, Семёныч?! – заволновалась Анна. – Это ведь раньше... Вот и мы жили. Ведь, как бывало в семье? Все в доме, бывало, одной жизнью живут, одной заботой. – хозяйство вести. Чуть ты мало-мальски подрос, сейчас тебя к делу: прибери, подай, принеси – помогай отцу с матерью. Потом на огород тебя, на луг – сено сушить, в лес, дальше – больше, косить пойдёшь, возы возить. В работе и росли. Мать, бывало, девок и шить учит, и варить, и хлебы печь. Как же, надо! Куда ж они без этого? А отец – ребят: как топор, как молоток держать, косу наладить. Трудовая наука – она сама собой получалась.

– А теперь?

– А теперь семья другая стала. У отца с матерью свои дела, у детей – свои. У нас – работа колхозная, у них – школа. Утром разбежались – и соберёмся только вечером. Они наших дел не знают, не касаются, мы ихних не достаём. А дальше начнут они один по одному из родного гнезда разлетаться – сперва в ПТУ, потом в армию, а там – по производствам, с тех пор ты их и видал! Если только в отпуск когда приедут.

Она помолчала в строгом размышлении и проговорила ещё.

– Нынче та-ак. А старость придёт – опять же нам одним оставаться. Нынче с молодыми не живут! Да и к чему? Нам от детей, слава богу, ничего не надо: мы государственную будем пенсию получать.

Картина прояснялась довольно чётко. В семье не оставалось ни одного рычажка, который бы надёжно и постоянно двигал воспитание

детей. Когда-то была необходима их всегдашняя помощь в семейных производственных делах – теперь это, считай, отпало, потому что сошли почти на нет сами эти дела. Когда-то отец с матерью старались вырастить хозяйственных, трудолюбивых, трезвых, уважительных, всё умеющих детей, потому что придёт старость – с такими кормильцами не пропадёшь. А будут они лежебоками – тогда старым людям, как говорили деды, ложись и помирай. Теперь и об этом беспокоиться нечего: под широким крылом социального обеспечения куда сытнее и уютнее, чем под переменчивым крылышком детей.

– В теперешнее время дети не для родительской радости растут, – заключила Анна. – Теперь они растут для государства. Государство их и воспитывает и учит, как ему надо.

Вот тебе и весь сказ. Слезай, приехали!

Одной лишь малой малости Анна Дмитриевна не взяла в расчёт: что хорошие дети, где бы ни пришлось им служить и работать, – всегда радость и гордость матери, а плохие...

Испытать ей довелось это лишь потом, когда было уже поздно что-нибудь поправить, когда она могла только облегчить душу слезами.

Но всё это пришло спустя годы, а пока она даже думать не хотела о том, что растит беду, что семья у неё стала школой праздности, которая исподволь каждый день приучала детей к безделью и ветреной беззаботности.

С кислой этой закваской дети пришли в школу. И полетели оттуда тревожные вести-сигналы родителям: «Невнимателен на уроках, разболтан, не выполняет домашних заданий». Боже, какой это жгучий Анне укор! Занялась-запылала:

– А вы на то и учителя, чтоб научить и приучить! Вам за это деньги платят!

Ей толкуют спасительное о труде-воспитателе – Анне и слушать невмочь:

– Заладили! А ученье – это не труд?

Что ей скажешь? Ведь кто только не спотыкается нынче на этой кочке: труд или не труд?

Ей объясняли: милая Аннушка, это, конечно, труд. И большой, и очень нелёгкий. И настолько он непросто и нелёгок, что ребёнку без известных навыков, без начальной привычки трудиться, делать, напрягать усилия, одолевая своё «не хочу» и «не умею» с ученьем не сладить. Он только садится за парту, а его уже ждёт целый частокол непрременных учительских требований: не вертись, приготовь, будь внимателен, учи, пиши красиво, запомни, не пачкай, клади на место, реши,

убери, старайся. А если он к этому не готов? Если у него не развит интерес к делам, а от безделья уже притуплена воля и растёт он беззаботным? Привычка к праздности у него всегда будет брать верх. Требования в школе к нему год от года усиливаются, а ему это не по душе. И в нём уже зреет сопротивление. Сопротивление учёбе, учителю, порядку. И вырастает оболтус.

Анна слушала, будто выключенная.

А её соседка, работница торговли, показала мне вышеупомянутую «Сельскую аттестацию» и попросила прочесть фразы, кем-то подчёркнутые:

«Нужен не культ мозолей – культ знаний. Именно общее развитие перерастает в чувство патриотического долга, в желание трудиться...»

Печатное слово! Я был сражён наповал.

«Культ знаний» – это хорошо. Мы строим общество образованных, высококультурных людей, и доля умственного труда в жизни нашей страны теперь занимает всё более и более широкое место. Культ знаний – это прекрасно! Но утверждать (это делалось почему-то в пику улановскому опыту), что сначала «общее развитие», а уж потом «желание трудиться» – это расчленять не расчленяемое и ставить всё вверх ногами. Потому что не общее развитие перерастает в желание трудиться, а, наоборот, нежелание трудиться закрывает дорогу и самому общему развитию. Ещё Ушинский отмечал первозначность физического труда, когда трудовое усилие рождает интерес, а интерес стимулирует усилие умственное.

Я обратился к опыту наших лучших педагогов. Он утверждает ту же самую истину. Все дети приходят в школу с примерно одинаковым желанием хорошо учиться. Но тот, кто с самого раннего детства не приучен к труду, быстро отстаёт от своих одноклассников, имеющих трудовую подготовку. Десятки педагогов указывают на одну и ту же ситуацию: почему девочки в школе, даже менее развитые, чем многие мальчики, обладают по сравнению с ними более сильным прилежанием, более тренированной волей и лучше учатся? И отвечают буквально в один голос: если девочки с трёх-четырёх лет привыкают помогать маме, то мальчикам дома, как правило, трудовых занятий не находится. Всё отсюда!

И эта женщина сделала большие глаза, когда я спросил: приучен ли её сын к работе?

«Зачем? – ответила она изумлённо, – разве я не смогу дать ему хорошее образование?».

Анна отходила, поджав губы. Она знала одно: дети у неё неглупые, способные – этаким ли не выйти в люди? Средним, Петькой, она не прочь была и погордиться. Петька и собою хорош, и талант у него – слух богатый, к музыке парень тянется. Баян ему купили. По слуху Петька подбирал популярные на деревне мелодии, но долго за баяном не засиживался: тянуло на улицу, на рыбалку. Там всё легко, там усилий не надо!

Открылась в райцентре музыкальная школа. Посоветовали: устройте его туда. Будут задания, спрос – это парня дисциплинирует... Петька был переросток, но его приняли. Ездил, занимался, стал будто собраннее. Но как трудно ему было заставлять себя заниматься! Лень, которая столько лет вольно царствовала над ним, теперь цепко держала его в лапах. Что творила она с ним, когда открывал он самоучитель и садился выполнять задания!

Вот он уже сел, вот уже проиграл 3–4 лёгких такта, дальше шли трудные, и Петька вдруг вспоминал, что в кухне стоит ведро со свежей ключевой водой.

Пить не хотелось, но он сидел и томился, и ему было уже невозможно ждать, когда всё внутри обольётся глотком студёной вкусной воды. Он вставал и шёл пить. Садился снова, проигрывал опять те лёгкие такты и начинал чувствовать соблазнительный запах поджаренной рыбы. Сковородка с рыбой стояла в печке. Петька вскакивал, открывал заслонку, брал кусочек и через минуту-две шёл к печке опять...

Капризам лени он привык подчиняться, не сопротивляясь. В нём не оставалось ни малейшего желания мобилизовать волю. Что захотелось, то он и делает. Что будет после – задумываться не привык. И это у всех Плотниковых-младших. Как-то я сказал Петькиной девятилетней сестрёнке, к которой «начал цепляться грипп»:

– На пёрышко лука, пожуй и всё пройдёт. Не бойся, оно почти не горькое.

– Ну его, я не могу, – жалобно глянула на меня девочка.

– Да ты только попробуй, это даже вкусно, а горчит совсем чуть-чуть. Ну вот смотри, я же ем!

Подошла Анна:

– Дочечка, тебе ж это обязательно нужно, чтоб ты не заболела.

– Ну я не могу, я не хочу, меня вырвет! – бросается девочка к крайнему средству самозащиты.

Сколько настойчивости она обнаружила, защищаясь! Двое взрослых людей так и не смогли ничего добиться. Пусть где-то там маячат уколы, высокая температура, рвота, сейчас ей это не

страшно, это ещё где-то в неизвестности, а горькое пёрышко – вот оно...

«Хочу» и «не хочу» – больше ничего не существует.

И вдруг – новость: Петька уже две недели не ездил в музыкальную школу! Получал у матери деньги на проезд и на обед, но... играл где-то с ребятами в карты. Встретил меня учитель музыки, упрасивает:

– Повлияйте, пожалуйста, на Петю. Ведь он у меня изо всех, я ещё не встречал таких дарований. А ленится...

Полтора года влиял. Беседовали с Петькой о его будущем, о том, как на пути к своей цели большие музыканты одолевали всё, даже крайние лишения. Он слушал всякий раз с тоской в глазах. Он понимал, что себя одолеть уже не сможет.

Так он и простился с музыкальной школой.

Лень сожрала талант!

Скука доедала Петьку. По выходным крепкий, мускулистый, изнавающийся от безделья, он бродил с дружками по лесу и бессмысленно, бездумно калечил топором деревья.

С бедами этими Анна свыкалась как-то без тревог, учителей выслушивала равнодушно, отвечала им тоном уже оборонительным:

– А что с ними сделаешь? Такие они нынче дети – неисполнимые. Пришёл из школы, поел, не успеешь оглянуться – нету. Улетел на улицу. Заявится, дай бог, к полночи.

Он учился в седьмом классе, когда я попросил его прочитать выученное. Это чтение было похоже на игру в испорченный телефон. Разбирать слова у него «не хватало терпёжу», и он перевирал их так, что невозможно было понять, о чём в учебнике речь. «Подлежащее» у него превращалось в «подходящее», вместо «происходит» он читал «присыхает», вместо «реакция» – «революция», а из «природы» получилась «погода».

И вдруг Анна по-доброму похвалилась однажды:

– Ну, мои пошли работать!

Это появилась на свет ученическая производственная бригада. И Петька туда вошёл, и старший Серёжа, такой же «неисполнимый». Работают! Каждый день! Наконец-то! Это звучало обещанием чуда. Вот так и полюбят труд, выйдут на путь-дорогу...

Но чуда не совершилось! Поздно! От любого дела братья и там старались отлынивать. Это были уже сложившиеся ленивцы, привыкшие уваливать от работы и всё, что потруднее, сваливать на других. Воспитывать – дело нелёгкое, но тут речь шла уже о большем – о перевоспитании. И, разумеется, не только Петьки с Серёжей – там таких

набралось порядочно. А время? Считанные дни. Какой гений успеет за этот срок переkreить психологию лентяя? К тому же ребятам то участки забыли отвести, то борозды не распахали, то в жару воды не подвезли. А неурядицы трудолюбия не прибавляют.

Словом, ученической производственной бригаде сладить с укоренившейся ленью оказалось не под силу. Ленивые и беззаботные такими оставались и дальше.

– А они, Семёныч, нынче везде такие, – бойко оправдывалась Анна. – Вы посмотрите по селу – много вы найдёте не «таких»-то? Вот у Кати девки. Уж невесты, школу кончают! А мать пришла с работы – в доме как после бомбёжки. Всё раскидано, на столе всё брошено-накрошено, посуда грязная, как ели, так всё и осталось немытое, чулки, ботинки – какой где. Катя: «Да вы что же, бессовестные, ай мать должна до старости убирать за вами?» Девки как фыркнут! Одна в угол села, отвернулась, другая – в другой, надулись и сопят, как сычи.

С грехом пополам местная школа втолкнула в Петьку программу восьми классов, и парня проводили туда, где, по мнению Анны, его должны были «сделать человеком», – в ГПТУ. Во вторник проводили, а в пятницу уже вот он, прибыл на выходной – рыбалка у малого из ума не идёт.

Все понедельники и пятницы он пропускал напропалую, и никому вовек не отгадать, как училище ухитрилось чему-то его научить. Он стал работать на' стройке, я заехал туда, познакомился с бригадиром, спросил, доволен ли он молодым каменщиком?

– Петром Андреичем-то? – Бригадир что-то лукавил. – Да вот скушно ему тут, видишь! Не веселит дело. Вот на рыбалку бы ему. Да поспать подольше, прогул сделать!

Он заметил прислушивающегося Петьку и засмеялся:

– Нет, вы не подумайте, что он у нас совсем уж недотёпа. Он у нас бывает – огонь! Но это только два раза в месяц: когда получка и когда аванс. В гастронорме сбежать. Мигом! Одна нога тут, другая там.

К автобусу мы с Петькой шли вдвоём. Он молча курил и сплёвывал, косматый, скукоженный. Казалось, весь мир ему был противен и чужд. Заговорил он нехотя.

– Все спрашивают: что меня вообще интересует в жизни. Всем надо! А я вот ничего интересного в ней не нашёл. М-муть одна.

Он не понимал, что такой, какой он есть, каким он сложился, он жизни рад не будет никогда, какие бы солнца ни сияли над ним. «Мать пороков» убила в нём и само жизнелюбие, саму способность жить пол-

нокровно и ярко и, как оказалось, приготовила ему перспективу невесёлую.

Получать веселье два раза в месяц ему нравилось, но такой паёк начинал казаться бедноватым. Парню подумалось: не обогатить ли его, например, за счёт шифера, который «плохо лежал» на стройке. Попробовал. С друзьями. Получилось. Понравилось. Попробовал ещё. Но в этот раз веселья не вышло. Вышел милиционер...

С того дня Анна ходит поникшая, постаревшая, зайдёт в избу – плачет.

– Понимаю, горько! – подсел я к ней. – Но давай мы с тобой подумаем, почему так вышло, кто тут виноват?

Она заволновалась, запричитала и из её причитаний получалось, что всё испортил... милиционер!

– Другие берут – им ничего, а на нашем Петьке вот оборвалось!..

Мне почему-то думалось, порадует её старший, Серёжа. Этот у них «интеллектуал», зачитывался по временам фантастикой. Когда окончил десять классов, всё сидел и думал, в какой институт поступать?.. Хотел в индустриальный – зачеркнул. Работать потом на заводе, по часам вставать, – на речку не выбраться. По боку! Не подходит. Сельскохозяйственный если, на агронома? В поле никто тебе не указ... И тоже зачеркнул. Целыми днями мотаться по полям, а вставать и вовсе чуть свет... Нет уж, пусть кто-нибудь другой! Может, в педагогический? Длинный отпуск, Да трое каникул, бесплатные дрова... И уже решил было, но задумался: дисциплина плохая, много лодырей, над тетрадками до полночи сидеть... Пойду шофёром!

Пошёл. Отслужил в армии. После за пять лет сменил четыре места работы и три профессии – ни одна не полюбилась.

Отец стоит, руками разводит со злой досадой:

– Ну за что ни возьмусь – мне интересно! Уж куда трудней – комбайнёром: ж-жара, п-пыль, спать некогда! А подойдёшь к комбайну, обдаст тебя этим соломенным духом, оглядишь поля – и душа зайдётся! Всё забудешь!.. Мост вон строили, водопровод делали – ходишь сейчас и глядеть тебе радостно. А эти!..

Что и говорить, не порадовали.

Так вот, это – «от семьи, от хаты». Там началось и там въелось. И в этом сложность проблемы. Будь всё иначе, был бы, конечно, не нужен и улановский опыт.

Я уже заканчивал свои заметки о Плотниковых, как вдруг подумал: это – в деревне. А не худо бы заглянуть и в семьи городского склада. Что там? Вот напечатано в «Комсомолке» письмо Г. Ивановой из Ле-

нинграда. Вздрагиваешь от каждой фразы! Она «решила заступиться за наших детей». Она «не против, чтобы им показывали, как работают взрослые», но когда говорят, что ребята сами должны трудиться каждый день, – у неё проступает холодный пот. Вот уж не потеряешься в догадках, какими детьми «осчастливит мир» такая мама!

Поехал, заглянул и в городские.

Первая же встреча: симпатичный современный парень, ученик девятого класса, рослый, с виду немножко скучающий. Саша С. Хорошее, умное лицо. Но мне тихонько говорят: непробиваемый двоечник. Я столбенею: неужели дефективный?

– Очень способный парень, – вздыхает его мама, серьёзная, одарённая женщина, инженер по образованию, руководительница нового предприятия. – Ему достаточно прочитать задание один раз, и он ответит на четвёрку.

– Так в чём же дело?

– А вот такой лодырь. Ничего не может с собой сделать, совершенно безвольный человек. – Последовал горестный вздох: – Семья, конечно, упустила...

Позже я узнал, как выглядит Саша в школе. Учительница вызывает его отвечать, он встаёт со скучающим лицом и сообщает уныло и беспробужно:

– Я не учил.

Преподавательница смотрит на него горьким, истомлённым взглядом. Каждый раз вот так... Читать ему «мораль»? Убеждать, внушать? Абсолютно бесполезно. Ставится очередная двойка. Саша смотрит спокойно, как-то даже сочувственно, и тут же среди урока, просит:

– Разрешите, я пойду погуляю...

Вот такой «благородный мученик» собственной лени и беззаботности. Родительница по-своему объясняет причину;

– Некогда было мне с ним заниматься. Не могла же я порвать с производством и целиком отдать себя воспитанию детей?

Потом продолжает в раздумье:

– Целыми днями родители на работе, дети оставлены на бабушку. А бабушки – они все одинаковые: быть требовательными у них душа не налегает.

Но в рассуждениях матери сразу обнаруживается большая трещина. Дело в том, что в семье этой есть и другой ребёнок – Ирина. Она учится в девятом классе, отличница, общественница, бабушкина помощница в домашних делах. Для Ирины мать тоже не была гувернант-

кой. И бабушка та же самая. Но Ирина и Саша, по выражению самой мамы, – это свет и тьма.

И тут выясняется маленькая, совсем как будто пустяковая разница в их воспитании, немного уже знакомая нам. Ира помогала бабушке мыть посуду и убирать в доме, а Саша знал только телевизор, улицу и игрушки, которыми он «затоварен» по уши и которые всегда оставлял раскиданными – их убирала та же Ирина. Вот и все различия. Ничего разительного! А в итоге – небо и земля. Трудолюбивца, активистка и безвольный паразитирующий лодырь-потребитель.

В селе меня утешили: чему удивляться? Не новость примеры и поразительнее! Ученик восьмого класса, нормальный парень, еле-еле читает простой текст. Как он оказался в восьмом классе? Жмут плечами. «А попробуйте не перевести!» Его сверстник, смекалистый и продривной парнишка, отрезок АС (латинское) упрямо называет по-русски: асе. В восьмом классе! Ученица-семиклассница битый час делит двадцать два на два. Плачет: не делится! А её подружка никак не может отличить тридцать тысяч от трёх миллионов.

Кто их переводил? «А попробуйте...»

Лень и беззаботность... Проблема трудолюбия. Она даёт о себе знать всё крепче и больнее. Но чья она теперь? Анна Плотникова простодушно подкинула её государству? А кто же проблему эту усыновил? Школа? Нет, школа устами бывшего министра просвещения говорила, что она должна прививать лишь некоторые трудовые навыки, ориентировать учеников в области профессий и готовить их психологически к последующему обучению в системе ПТУ. Но что такое профориентация без тяги к труду? Компас на корабле, пущенном в плавание без мотора?

Проблема оказывается бесхозной. И сколько уже наплодилось в зарослях этой бесхозности неприкаянных Петек и Сашек? Да если бы только одна беда, что они плохие работники! На их ленивой никчёмности вырастает беда другая, пожалуй, пострашнее первой: паразитическая психология. В печати, на собраниях мы не перестаём говорить о них, и всякий раз звучит один и тот же критический тезис: хорошо помнят права и плоховато – обязанности, заботятся не о том, чтобы побольше и получше сделать, а о том, как побольше урвать. Люди нетрудового склада, они по духу становятся чужими своим родным отцам и матерям, исповедуя подчас, как свою, философию деклассированных: «Мы сами по себе». «Нашей народной песни от них не услышишь, – пишет мне знакомый ветеран войны, – уважения к людскому труду не увидишь».

Вот, вихляя, вваливаются в вокзал косматые детины. На дворе жгучий мороз, но богатыри нипочём не догадаются закрыть за собой дверь. Стоят среди зала, отчуждённо лопочут и сплёвывают на пол. Через слово – флюк-цвик, флюк-цвик... Люди смотрят на них с гневом и отворачиваются. Что им скажешь? Замечание, поправляющее слово эти молодцы воспринимать не привыкли – их не тронь, не тревожь!

Откуда оно, это дикое племя? Оказывается, из обычных трудовых семей, от мам и бабушек, хорошо знающих, почём фунт лиха. Детушки с пелёнок растут у них потребителями отборно сладких, даже благодарностью не оплаченных благ, растут убеждённые, что само их потребление – это радость и счастье для мам. Это въедается в плоть и кровь, это расплзается метастазой по душам.

В Сухиничах заходим в городской сквер – стоят голубые скамейки. Но позвольте, кто же их так поставил? Помнится, во всех городах они стоят ножками вниз...

– Детские шалости, – сердито объяснил местный житель.

На станции Думиничи другие следы «детских шалостей»: чисто выбеленные стены испечатаны грязными подошвами сапожек примерно... сорок третьего размера.

А есть и другие, скамеек не перевёртывающие и внешне вполне приличные. Недавно и они выпорхнули на газетные страницы, публично представившись аристократами. Это те, которые «не подворотня», которые «разбираются буквально во всём», но пребывают в роли паразитирующих «гигантов», не умеющих себе даже хлеба отрезать и не желающих заниматься делом.

Да, мы уже привыкли жить безбедно, и дети наши только по книжкам знают слово «нужда». Мы впервые во всей человеческой истории в масштабе огромной страны создали такие условия, в которых каждому человеку практически гарантируется обеспеченная жизнь. Но этот яркий свет породил и резкие тени.

Она, оказывается» куда как плодovита всякой плесенью, госпожа обеспеченная праздность!

На одном современном калужском заводе беседую с главным социологом. Завод прекрасный, отличные условия труда. Но из десяти парней и девушек, которые сюда приходят из ГПТУ, шестеро увольняются в первые же дни. Причина? Нет привычки к труду. Им тяжело даже высидеть восемь часов на рабочем месте! А тут ещё требуется старание, ответственность... Непривычно!

Проблема... Её надо решать. А это значит?.. Взяться за семью? Добиться, чтобы и Анна Плотникова, и Сашина мама, и ленинградка Иванова поняли...

Конечно, и с детьми, и с родителями надо работать и работать. Но уже в этой формуле отчётливо видится главенствующая роль школы. Всё обращается к ней! Видно, место её в жизни нашего общества должно и будет становиться всё более широким и решающим. Центр тяжести воспитательных работ всё более естественно перемещается на неё. Сам ход нашей жизни определяет ей такое место в обществе – быть главной матерью-воспитательницей для новых поколений. А если так, то какую ей быть, какую форму приобрести и какими располагать возможностями?

Размышляя об этом, я вспоминал школу, которую нашёл когда-то со счастливым изумлением, как геолог находит вдруг золотой самородок. Нашёл и долго мучился душевной растерянностью: как мне рассказать, как написать о ней?

Это была Улановская школа.

«ДОМА СТАЛО НИКОМУ НЕ ИНТЕРЕСНО»

Помню, я приехал тогда в Уланово утром. Был июнь. У большинства школьников начались летние каникулы, но на косогорах, на дорожках тут и там появились стайки пионеров, шагавших в сторону школы. Они шли во всём будничном, без книг, без портфелей. А за ними, поспешая, семенили заспанные мальчуганы явно детсадовского ранга. У моста мы сошлись, и я спросил:

- Что у вас там сегодня, в школе? Ребята глянули дружелюбно.
- Там у нас цыплята.
- Цыплята? В школе?
- Да. Мы растим колхозу. Чтоб птицеферма была.
- Вот как? А сам колхоз? Без вас никак?..
- У! Там онидохнут! По двести штук за раз!
- Да ну? А у вас?
- А у нас им тепло. Мы ухаживаем. С Софьей Петровной. У нас дежурные звенья...
- Полы с содой моем!
- Клетки поделали.
- У нас книжка есть. Софья Петровна привезла. Мы – по книжке.
- А кормите чем?

– Колхоз даёт. А вчера червей, личинок накопили. Тринадцать килограммов!

– Ого! У вас так много цыплят?

– Прошлый год тысячу вырастили.

– И только штуки три истратились.

– А сейчас две тысячи растим.

– На то лето, Софь Петровна сказала, четыре попробуем. Во ферма будет!

Эти хозяйские речи мне нравились.

– Ну, а малыши? Тоже туда?

– Ой, им так интересно там! Дома никому стало не интересно!

– Знаете, какие они послушные? Что ни заставь – бегом! Только бы их не прогоняли.

Рядом со мной шагал серьёзный молчаливый малец годов шести. Он, казалось, ничего не слушал – разглядывал мою полевую сумку и пристёгнутый к ней фотоаппарат.

– Это у нас самый старательный, Саша Егоров, – сказали девочки и шепнули: – Такой исполнительный – обсмеёшься! Папа у него кузнец.

Не мог я, конечно, тогда подумать, что через два десятка лет встречу здесь Сашу Егорова уже в роли колхозного инженера и ближайшего помощника школы в воспитании будущих героев полей и ферм.

Мы зашли на минутку в школу и направились к цыплятам.

– Ой, они такие хорошенькие! – влюблённо щебетала девочка с крупными, не по росту, руками, торопясь открыть помещение, приспособленное под цыплятник.

Потом девочки стали рассказывать о Софье Петровне, которая руководила всем этим птицеводством и с утра пошла в правление что-то выписывать для цыплят. Оказалось, что Софья Петровна не биолог, а физик. Физик и... цыплята! Это как-то сразу открыло мне человека. Она была, видно, из того дивного племени людей, которые, коль это надо, могут всё и увлекут всех. Я осмотрелся. Какую же обузу она приняла на себя тут! Сколько надо было устроить и поделывать тут всего и всякого! Помещение (оборудовать и утеплить). Клетки, рационы. Отопление. Держать строжайший температурный и санитарный режим. И организационное: создать рабочие звенья, обучить, завлечь, всё наладить. Помощи от директора (я знал его) она ждать не могла. В весёлом кругу он дядя компанейский, скучать не будет, но на деле заботой лишней себя не обременит. А риск? Вдруг начнётся падёж? Малейший ребячий недосмотр – это же так просто случается!.. Ничего не побоялась!

– Вот и Софья Петровна идёт! – подпрыгивая, защebetали девочки. К нам подошла небольшого роста, по-крестьянски сложенная женщина, с прямыми волосами, подстриженными в скобку, с короткими выгоревшими ресницами и мягкой, тоже чуточку крестьянской озабоченностью на лице. Она слушала ребят с непринуждённым материнским вниманием, и на её полных губах плыла тихая, чего-то добродушно ожидающая улыбка.

– Да, – сказала она мне, когда ребята занялись уборкой, – это им очень нужно. Им просто начинает не хватать вот такого взаправдашнего труда. Тут они преображаются. Такие становятся деловые, дружные, столько у них рождается живого интереса к работе, к жизни!

Мы заговорили о недостатках воспитания в современной семье, о том, как тут быть, я слушал Софью Петровну и сожалел, что не знал такую учительницу раньше.

КОММУНА МАСОНОВОЙ И ЧИСТЯКОВЫХ

Есть люди, чей облик составлен из черт воистину прекрасных и неискажаемых ничем. Их жизнь чиста. В ней столько души и света, и каждая её страница написана сразу набело. Их жизнь светла потому, что светлы и благородны их стремления, которые делают благородным их труд. Они не знают, не хотят знать жизни лёгкой и поэтому не знают жизни пустой. Их волнует всё, к чему надо приложить руки и разум, для них нет на земле ничего постороннего. Люди широкого течения. Люди больших дел и больших радостей.

Уланово было счастливо такими людьми.

Послевоенная судьба свела здесь нескольких учительниц, которые поселились в школьном доме и стали жить маленькой женской коммуной. Старейшая и во многом главенствующая среди них Мария Васильевна Чистякова. Это благородная, мудрая женщина, педагог большой культуры и таланта. С нею интересно каждому. Ей близки и международные, и сельские, и детские дела. Она была завучем школы, учительской наставницей.

Следующая по возрасту Софья Петровна Масонова, педагог душевный, пронцательный, с бесконечной, матерински чуткой любовью к детям, к людям, человек мыслящий и деловитый, умеющий, кажется, всё – на уроке и в саду, в клубе и на пасеке, на ферме, в доме, в школьном хозяйстве и в цветнике, – впоследствии заслуженная учительница республики и директор школы.

Младшая в коммуне – довоенная ученица Софьи Петровны, теперь тоже заслуженная учительница Марианна Сергеевна Чистякова.

Все, кто знал эту семью, отмечали в ней чистую, лёгкую атмосферу, устоявшийся добрый тон её жизни и полное отсутствие всякой мелочности. И, наверное, на вопрос о психологической несовместимости здесь могли только пожать плечами: странное детище странных людей – мелочных и эгоистичных.

Дом коммуны стоял рядом со школой, высоко на горе, будто с тем расчётом и поднятый над селом, чтобы пошире видеть. Когда я впервые вошёл в старое учительское жилище, мне показалось, что я попал в библиотеку. Книжные полки, стопы журналов, газет.

Высокие стеллажи, забитые книгами, разделяли квартиру на комнаты, в главной из которых царствовал в углу большой рабочий стол, притянувший к себе диван и мягкое кресло. Садись и работай. Удобно, уютно. Оглядишься, и приходят мысли о той старой русской интеллигенции, которая не уставала сеять в народе «разумное, доброе, вечное». Обновлённый временем дух её жил здесь в каждом уголке.

Дом света, дом мысли. Центр духовной жизни села. Здесь рождались замыслы бесед и воспитательных вечеров, компоновалось всё, с чем сельские светоносцы шли потом к людям. Шли не просто развлечь, занять досуг – их цель масштабнее и выше: с заботой о духовном обогащении человека, о перестройке человеческой психологии, о том, чтобы люди умели жить по-новому: честно, дружно, душевно. Вечерами перекапывали пласты журналов, книг, газет, чтобы выбрать самое нужное и самое волнующее.

Часто это – киносценарии, главы из книг Галины Николаевой, Валентина Овечкина, журнальные рассказы, материалы газет. С глухих послевоенных зим, когда в редком доме звучало радио, люди привыкли собираться по субботам в просторном доме Егоровых. Половина деревни проторила сюда дорогу. Просиживают до полуночи. Слушают. Думают. Утирают слёзы. Хохочут. И расходятся с чистой и лёгкой душой, растроганные, спаянные единым родственным чувством. Расходятся, настроенные стоять за порядок, за дружный труд и братское отношение к человеку.

В старом блокноте сохранилась у меня запись с природы – один вечер из жизни учительского дома. Вот она:

«...Стемнело. В глубине комнаты, в углу, над широким рабочим столом – облако света. Две огромные керосиновые лампы с зелёными абажурами – пламя в пригоршню – тихо шипят и пышут жаром. Хочется пойти туда, под эти абажуры, и сесть. На столе и прямо на полу стопа-

ми громоздятся толстые московские журналы – дымчатые, розовые, голубоватые. Пестреют цветные пласты «Огонька», «Вожатого», «Крокодила», «Крестьянки» и рябые пудовые пачки газет. Выписано 29 изданий – всё, что можно было, не исключая и армейскую «Красную звезду».

Десятый час. Учительские хлопоты нынче закончились рано. Теперь другая жизнь вошла в эту тишину, прильнула к жарким лампам, собрала сюда думы, печали и радости всего света.

Мария Васильевна, крупная, с благородно посаженной головой, удобно устроилась в своём любимом мягком кресле, пододвигает поближе газеты. Она без платка, в мужских роговых очках, тёмные, серебристые волосы собраны на затылке в массивный узел. Софья Петровна, неслышная, отдававшаяся делам домашним, помешивает в лежанке жар – сегодня её дежурство по дому. В долгие немые минуты, как капля в ночное озеро, падает из-за газеты сердитый шёпот Марии Васильевны:

– Безумство! Черчилль превосходит самого себя!

Софья Петровна закрыла трубу. Приотворила дверь – пусть найдёт свежий воздух... В углу дивана вмятое гнездышком место. Сбросив тапки, она забирается туда. Рядом, на столе, – стопа свежих журналов, газет. Софье Петровне всегда не терпится добраться до них, развернуть, начать шастать глазами по заголовкам, вылавливать «самое-самое» и тут же сортировать с карандашом в руке: это у Егоровых почитать, это – ребятам в школе, это интересная деталь для лекции, а вот это персонально кому-то из женщин.

– О-о, это дорого! – Мария Васильевна гремуче стучит пальцем по газете. – О воспитании общественников. Очень хорошо!

Подняв голову, Софья Петровна всматривается, кивает: заметила, прочту.

Гремят и шелестят газетные листы. Идут минуты.

– Великолепно! Молодец какой! – снова вырывается у Марии Васильевны. Особо интересные мысли разрешается читать вслух без предупреждения. Читает:

– «Среди руководящих работников у нас немало находится товарищей, привыкших по всякому поводу ждать указаний свыше и не умеющих творчески вторгаться в жизнь... Надо идти в массы и вместе с массами вскрывать и устранять недостатки на местах». Великолепно! – Мария Васильевна торжествующе сверкает очками. – Это выступление секретаря обкома, Бориса Ивановича, на пленуме. Молодец!

Снова шуршат газетные листы. Глаза Софьи Петровны скачут по заголовкам. Стоп! Минуты три она читает: отчёркивает абзацы, потом перебирается на другую страницу. Что там? Ох, интересно! «В деревню пришёл учитель...» Коллега. Какой ты? С чем пришёл? Сюда ведь так много надо принести!

У Марии Васильевны газета перегнулась, чёрный, крупный опрокинулся заголовок. «Хозяйское чувство». Читает. Увлеклась.

Смотрю на них, привычно окидывающих страницы глазами, принимающих, отчёркивающих, и приходит слово: «Старатели». Так золотоискателей когда-то называли.

Таёт и таёт газетная стопа. Вот и Мария Васильевна прочитала очерк об учителе и другой – о трудных юношах. Опустила газету и медленно, вся уходя в раздумье, стянула за одну ножку очки. Повторила, видно, не раз сказанное:

– Всё обращается к школе...»

Мне уже думалось: понаблюдаю за их жизнью год, два и напишу о них книгу. Но судьба вдруг надолго оторвала меня от них.

ВСЁ, ЧТО ОНИ МОГЛИ...

Несколько лет я об Улановской школе почти ничего не знал. Слышал, что работать там становилось труднее, что учителя «сбились с ног», но это были самые отрывочные сведения без каких-либо подробностей. Потом как-то приехал из Медыни друг-газетчик, рассказал на бегу:

– Ну, что там, собственно? То же, что и везде. Папы-мамы на работе, деткам – воля вольная. Ничего не делают, болтаются по улицам, в школе двойки огребают. Свистят в клубе. Стог соломы в колхозе сожгли. Родители и в ус не дуют. «Это ж дети. Им и побегать надо». Уразумел? Мы-то с тобой ходили в школу – мамки нам какие наказания давали? «Смотри, сынок, не балуйся там, учись хорошенько, слушайся учительницу». Да? Теперь детки чаще другое слышат: «А что они там, учителя – разогнать их!...» Ну, бьются там Мария Васильевна, Софья Петровна, Марианна Сергеевна – родительские собрания, лекции; Вера Захаровна, литератор, – с концертами. Но ты же знаешь – был бы там директор настоящий!..

Да! Вот это ещё горюшко висит у них камнем на шее!

Очень непросто это понять, откуда они берутся - директора ненастоящие. Они похожи на незагоревшийся факел: ему и по должности надо б гореть и светить, зажигать всех, а его самого не разогреешь ни-

чем. Живые замыслы его не обуревают, душа стремленьем жарким не объята. За ним не ринешься в огонь и в воду – он никуда не ведёт, он лишь состоит при должности. После него не остаётся ни новых аллеи, ни добрых воспоминаний. Принял он избушку на курьих ножках и, пройдивши лет десять с руководящим видом, сдал такую, как была: вот избушка, а вот, пожалуйста, курьи ножки – всё в ажуре. За неимением других надёжных качеств он держится на так называемом характере и на какой-то поразительной способности «правильно выглядеть». Ничегошеньки у него по-людски не сделано, а поднимается он на трибуну, и можно подумать, что это шествует деятель. Всё у него значительно, солидно и политично – и лицо, и походка, и мысли. Он начинает весомо и капитально, не иначе как с исторических вех, и тогда дела его убогие обретают звучание, подобное хоралу. Каким-то чудом вдруг оказывается, что на сегодняшний день у него «достигнуты определённые положительные результаты», сладкой мелодией звучит признание «отдельных имеющихся недостатков», голос его набирает силу, он одобряет, заверяет и покидает трибуну под аплодисменты, ещё и управившись кого-то критикнуть. Ну кому же придёт в голову числить его на плохом счету? Никак невозможно.

Такой, приблизительно, был в Уланове директор. Он видел, разумеется, все свои прорухи, но не скажешь, что потерял от них покой. Нет, он только спрашивал при случае: «А у других что, лучше?..» И благодуще и приятно улыбался.

Мы понимали: отношения семьи и школы усложняются. Начинаясь полоса не всегда видимой, острой и затяжной между ними борьбы. Школа силилась привить ребятам любовь к труду, чувство ответственности за свои дела и поступки, уважение к порядку и дисциплине, а болезненно добрые мамы наперекор ей ратовали за «вольное детство», до хрипоты повторяли: «Ещё наработаются, ещё нахлебаются этой радости!» Учителя искали способы развить в детях любовь к родному краю, к работе на родной земле, а мамы и папы немилосердно поносили свою жизнь деревенскую и работу, взахлёб мечтая о лёгкой и чистой городской жизни для своих юных чад.

Как дальше работать школе? Как перебороть близорукое родительское недомыслие? Как сделать всех пап и мам единомышленниками и союзниками школы? Думала об этом учительская коммуна, думал с нею весь педагогический коллектив. Ничего не придумывалось, кроме одного: ещё энергичнее работать с родителями. Работать изо всех сил! Охватить все деревни, всё население, всех до единого родителей, не пропуская и тех, у кого дети ещё не учатся, – войти в каждый дом. От-

дельно собирать отцов. Привлечь всё: опыт лучших семей, литературу, кино, журнал «Семья и школа» – добиться, чтобы этот журнал выписывали все родители, все, кто должен работать с детьми.

Привлекали. Добивались. Собирали. Ходили по деревням. Стучались в каждое родительское сердце. Руководство этим небывалым педагогическим наступлением приняла на себя Мария Васильевна Чистякова.

Шли годы. В газетах изредка проглядывала улановская жизнь. Мелькнула заметка – в каждый дом приходит журнал «Семья и школа». Другая: «Усиливают педагогическую пропаганду». Появилась зарисовка: беседа Софьи Петровны с родителями. Можно было почувствовать её интонации, её манеру говорить. Она убеждает мягко – по больному нельзя бить с плеча.

«Как же можно нам забывать о самом великом воспитателе – о Труде?.. Вот смотрите: семья Никишиных, Терёхиных, Талыпиных, Егоровых – все мы их знаем. Родители сами отменные труженики, в труде воспитывают и детей. Дети у них всё умеют – и в доме, и в огороде, и с родителями в колхозе. Труд им не тягостен, они приучены к нему с малых лет. И посмотрите, какие замечательные растут дети! Они хорошо учатся, они всегда пример активности, сознательности, хорошего поведения».

Рассказывает о трудном парнишке, как «работа преобразует его самого». Он начинает чувствовать себя в общем трудовом строю, начинает ценить труд других и всё, что создано трудом. И мыслит он уже по-другому. Рождается чувство хозяина, стремление больше уметь и больше знать, желание делать красивым некрасивое.

«А как обкрадывает себя ленивый? Как убого всё у него! Не работает – мучается. Тяп-ляп – лишь бы «не цеплялись». И не чаёт уйти. А куда? Куда он уйдёт от себя, от своей пустоты?.. Как ему помочь? Это легко в детстве. Это надо, чтоб взрослый человек занимался с ним, показывал, приучал. Тогда это впитывается. А его упустили. И семья ведь трудовая, а выросла лодыря. Так из семян хорошей яблони вырастают дички – колючие дикарки с такими плодами, что слёзы бегут».

И – мысль призывная: «Давайте помогать им укрепляться в труде и в трудном радостное находить».

Узнаю, узнаю Софью Петровну! И понимаю, к чему и почему она зовёт. Эту дорогу – через трудное к радостному прошла она сама. Она полюбила труд всякий, но она помнит, как непросто давалась им, маленьким, эта любовь. Помнит, какой противной казалась работа, которую каждый день приказывала им выполнять мама, уходя на ферму.

Убрать в доме, нарубить поросётам травы, кормить цыплят, полоть огород, в саду работать. Вон сколько дел! Их все, наверно, никогда и не переделаешь! Девочки брались за работу и хныкали, и мать казалась им недоброй и вредной. А она подходила, заботливая, всё понимающая и успокаивала без лишних нежностей, по-крестьянски:

– Знаю, деточки, трудно. Но это только на пользу. Вред не отсюда приходит, вред – от праздности.

А иногда – иначе, позабавнее:

– Ничего, ничего! Это – чтоб дурь никакая в голову не шла.

А потом они стояли все вместе и любовались огородом и садом – делами рук своих. Как красиво там было! Порядок, чистота. Каждый рядок малины прочищен и обрезан, каждый куст смородины поставлен на опоры. Всё росло пышно, ровно, и ни сориночки на дорожках... Счастливые минуты вознаграждения! Даже не минуты! Туда тянуло всё время: и утром, и днём, и каждый раз хотелось остановиться и затихнуть. Красиво! Где они были теперь, те вчерашние обиды и горести? Оглянешься на них – до чего же они детские, мизерные и смешные! Они таяли и исчезали, а оставалось вот это сделанное, этот праздник.

И оставалось что-то ещё. Большое, навсегда утверждавшееся в душе, в характере. Тяга к труду. Какая-то светлая нетерпимость ко всему несделанному, не доведённому до степени красоты, до гармонического совершенства. И беспокойная способность видеть всё, что «не так».

Всё это зародилось в том же саду её детства, где она одолела свои первые трудности, своё «не хочу», самое себя.

Хорошо, если каждая мать откроет такой сад своему ребёнку. Софья Петровна звала к этому. И я знаю: её слушали, её понимали и, расходясь, благодарили сердечно.

Как хотелось мне глянуть: что теперь там? Какие перемены?

Год, второй... Вдруг влетает мой дружок-газетчик, как всегда встрепанный и куда-то спешащий.

– Ну, был, был в твоём Уланове! Ты когда-нибудь видел такой аттракцион: пятиклассник в мамку чурками швыряет?

– Ты всерьёз? А в чём дело?

– Мяч гонял, а она что-то делать заставляла. Нет, это, конечно, не самое типичное.

– А самое?..

– Хочешь живую запись? С природы! – Он вихрем залистал блокнот. – Папаша там один прикрикнул на дочь: «Ах ты, лентяйка!», та – в

слёзы, мать на него – в крик: «Ещё чего! Детей закабалить! Отец называется! Ещё наработаются, ещё нахлебаются этой радости, успеют!»

– Вот как! Семейный фронт. И тут крепости без боя не сдаются!

«НЕЗАВИСИМО И ДАЖЕ ВОПРЕКИ...»

Иногда он присылал мне коротенькие письма. В одном писал:

«Педагогическое наступление в Уланове продолжается, но учителя уже понимают, что нынче всю проблему одной агитацией не решишь. Нужны какие-то новые шаги, которые педагогический успех обеспечили бы независимо и даже вопреки влиянию тех родителей, которые вольно или невольно калечат своих деточек».

И сделал приписку:

«Учителям, конечно, не сладко! Многовато нынче стало в классах всяких «никудашников», распространяется какая-то затяжная ученическая болезнь: ничегонехотение. Говорят, редкий урок проходит без нервотрёпки, и даже далеко не отпетый школяр готов пропеть принародно: «Была бы только тройка...»

И вдруг – чего я и не ожидал:

«Принимай новость, старина! Софью Петровну назначили директором школы! Ты понимаешь, есть-таки у нас зоркие товарищи. Пригляделись к человеку, изучили деловые и моральные качества и, пожалуй-ста, выдвинули. Всего и приглядывались-то каких-то семнадцать годочков. Видно, считали, что лучше того, прежнего директора, и быть нельзя. Конечно, он пошёл на повышение, в роно взяли. Софью Петровну можешь поздравить с надёжным стартом. Начала она генерально: строит новую школу. Стала похожа на прораба».

Очень бы интересно послушать теперь её. Но возможность встретиться представилась не сразу. Как мне поступить? Попробую дать выборку из её высказываний, записанных немного позже, но относящихся к этой полосе.

«...А ребята в семьях остаются всё-таки бесконтрольными. Очень не многие готовят домашние задания. Успеваемость не повышается, дисциплину держать трудно. Дополнительные занятия ничего не дают. Проводятся они после уроков, смотришь: тот убежал, этот отпрашивается – голова болит. И у самой душа ноет: они же голодные, усталые – это ведь уже шестой урок! В памяти от таких занятий почти ничего не остаётся».

«Выход один: сделать так, чтобы все ученики оставались в школе целый день. Здесь организовать и питание, и отдых, и игры, и подготовку уроков, и продолжать с ними работу по воспитанию и развитию».

Кажется, она смутно чувствовала, что это будет своеобразный переворот. Начнётся уже совсем новая школа, в которой изменится вся жизнь, изменится и облик ребят и их отношение к учёбе, к труду, к жизни.

Вот как прорисовывалась эта мысль.

«Ясно, что питание не должно быть платное – это вызвало бы массу всяких сложностей. А если бесплатное, то надо заводить при школе хоть маленькое подсобное хозяйство. Будет хозяйство – будут и хозяева, будет их заинтересованный коллективный труд. Тогда и трудовое воспитание станет на твёрдые ноги».

«К мысли о хозяйстве приводит и другая необходимость. По-настоящему школе ведь так много надо всего! Всяких пособий, оборудования, инвентаря – и учебного, и хозяйственного, и спортивного, книг, строительных материалов. В роно всего не напросишься, за каждым рублём не наездишься. Надо иметь хотя бы несколько тысяч рублей своего школьного дохода».

«Сидим в учительской думаем: как их получить? Учителя:

- Ну что тут думать? На земле живём, кормилицей зовём...
- Попробовать овощеводство. Парники, выгонка рассады. От одних парников какой доход можно получить!
- И посильно ребятам, и интересно.

Начали. Рабочие звенья, рассада, пикировка, питательные горшочки. Увлекли ребят. Рассада отличная. Идут колхозницы: та выписывает десяток – на тридцать копеек, та – на шестьдесят. Пospели помидоры – опять идут выписывать. Двадцать копеек кило. Кончился год – подвели итог. Педагогический результат ещё приемлем: многих работа увлекла, сдружила, младшим открыла что-то интересное. А вот итог экономический – 362 рубля. Пустяк.

Опять сидим и думаем. Надо испробовать что-то ещё.

- Лён, товарищи! Ведь самая доходная культура в наших краях!
- А гречиха! Гречиха тоже! Читали в газетах?.. Попробовали лён. Попробовали гречиху. Не то.

Не для детского это хозяйства.

Какую-то надежду внушает картофель. Было у нас два гибридных клубня картофеля, мы привезли их с выставки из Москвы. Очень интересный сорт: не боится ни рака, ни фитофторы, даёт хороший урожай и в дождливое и в сухое лето, клубни растут крупные, даже при загущённой посадке. Можно со временем стать поставщиком семян этого сорта для колхозов и совхозов, получать большие доходы – цена ему высокая. Но нужно несколько лет, чтобы его размножить.

И вдруг – находка! Замечательная! Как нам не пришло это в голову раньше? Идём с моей калужской гостьей по пришкольному участку, цветы смотрим.

- А куда вы цветочные семена деваете? – спросила гостья.
- Раздаём. Да их мало у нас.
- Вы знаете, они ведь очень дорогие. Некоторые на лекарства идут. Их очень выгодно разводить, Семена настурции, например, «Сортсемовощ» принимает по пятнадцать рублей за килограмм, люпин – по четырнадцать.

Я и руки уронила. Наутро в Калугу, в «Сортсемовощ». Заключили договор, открыли в госбанке счёт. Появилось на свет новое хозяйство: детское цветоводческое...»

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕТХОЗ!

Сколько же лет я не был в Уланове?

Сошёл с автобуса – всё тут по-новому. Асфальт. Городской павильон у автобусной остановки. Были, помнится, серые избы – стоят голубые дома с весёлыми окнами. Белые кружевные наличники, веранды. В палисадниках – цветы.

Стоят три женщины – кого-то проводили на автобус. Спросил для интереса, где у них школа. Разом откинули свой разговор, отозвались приветливо:

- О, школа у нас хоро-ошая.
- Да? Чем же?
- А поглядите-ка. Там у них всё: и столовая – питание бесплатное, своё кино, радиолы, музыка...

Там одних игрушек – целый магазин. Куклы – во какие! Мишки, мячи разные, чего-чего там только нету!

- Какие победней есть дети – школа им помогает: одежонку, обувжонку справит. Очень насчёт этого хорошо. Общежитие вон достраивают на горке – вон махина какая!

- Откуда ж у них такие средства?
- А работают! Цветы сажают, картошку. Сад у них. Вы вот зайдите, гляньте. Директор там замечательный!
- Мужчина? Засмеялись:
- Да ну, что ими нынче, мужиками, делать! Софья Петровна.
- Хороша? А чем?
- Сама везде с ребятами, и лопату возьмёт, и грабельки...
- И вы, родители, не против, что дети там работают?

– А они и должны работать! Без дела-то, видали, что из них получается?

За мостом, на крутой горе, видна была школьная усадьба, обнесённая изгородью. Помню, оттуда по-бедняцки поглядывала когда-то маленькая деревенская школа. Теперь стояло новое здание. Большое, крашеное, на высоком каменном фундаменте, вперёд выбросило два просторных крыльца. И смотрит по-новому, по-дачному, кутаясь в зелени яблонь и лип. К зданию прильнула целая семья других построек, поменьше: мастерские, столовая, учительский дом с сараем и баней. Теплица сверкает стеклянной крышей, виднеется рига-шоха, сушилка с ребристыми трубами. А рядом, через шоссе, то самое строящееся ребячье жильё. Дом длинный, похоже, многоквартирный, с верандой; сербристая шиферная крыша вскинулась над горой.

Сам вид этой усадьбы что-то говорил о коммуне, о богатом и хорошо налаженном хозяйстве.

Вспомнилось: цыплята, девочки-хозяечки, исполнительные малыши...

Внизу, у шоссе, – калитка. От неё на гору, к учебному зданию, затенённые деревьями, как где-нибудь в Сванетии, ведут цементные ступени – длинная извилистая лестница, затейливо вписанная в косогор. Там, наверху, виднеется обустроенный спортивный городок, игровые площадки. А если пройти вверх по шоссе, то справа будет школьный участок.

Он открывается неожиданным зрелищем: сад тонет в оранжевых, красных и лиловато-синих озёрах цветов. Входишь туда и забываешь, где ты. Чистые дорожки. Аромат. Огненные озёра у ног. Махровая календула. И другая, похожая на яичный желток, вспыхнувший солнцем. Россыпь маленьких солнц у дорожки. По сторонам горят ярко-оранжевые рожки и кларнеты, тоненькие раструбы настурции. А дальше крошечными лиловыми огоньками вспыхнули мизерные люстры – тысячи, тысячи люстр. Это люпиновое озеро. А там – кумачовое. Маки. И белые астры. А вдали буйно зеленеет букетами картофельное поле. Ни травинки. И, кажется, всё это цветущее царство звенит и поёт.

Стоишь зачарованный. Неужели это – дети? Неужели это их маленькие руки, их работа? Как же должно волновать и захватывать их самих это дивное буйство красоты? Какие счастливые бури оно должно вызывать в их впечатлительной душе?

Не надо было никаких объяснений, чтобы понять, что это живая симфония цветов, эта рукотворная радость служит здесь волшебным педагогом, воспитывающим в человеке Человека.

От школы навстречу шла Софья Петровна. Та же тёплая, чего-то добродушно ожидающая улыбка, та же спокойная озабоченность на лице. Смышлёный белый пёс-коротконожка семенил рядом, вопросительно взглядывая на хозяйку, будто спрашивая: «Это – к нам?»

Несколько минут, и мы уже в мире её сегодняшних хлопот: рамы, краски, батареи отопления – осенью вселять в общежитие ребят. Почти половина учеников будет жить здесь, а дальние – все.

У Софьи Петровны настроение уже предпусковое.

– Хочу, чтобы тут всё было по-современному, как в хорошей гостинице, – вся мебель, одеяла, шторы. Одеяла такие красивые удалось достать! Из верблюжьей шерсти. Лёгкие, тёплые – очень удобно!

Мне уже представляется: деревенский мальчик входит в эту «гостиницу». Полированная мебель. Нарядные, красиво убранные кровати. Всё дорогое. Комфорт. Даже немножко боязно входить.

И всё это – не от Деда-Мороза, не случайная даровщинка, обесценивающая дар. Это продолжают цвести цветы, выращенные и его детскими руками. Какие же новые бури радости пронесутся в душе мальчишки, и какой глубокий они оставят в ней след!

ЗАВТРА СТАНЕТ ЛЕГЧЕ!

«...Как могли вы склонить всех родителей вот на такие дела – чтобы их дети летом работали в школе? Как вы привили такую любовь к труду на земле вашим учащимся? Пожалуйста, опишите. У нас так не получается. *С. Т. АЛПАТОВА*, с. Тарханка Казахской ССР».

«Наша школа тоже сельская и небольшая, но сколько мы ни бьёмся, ничего не выходит. Дисциплина у нас не очень плохая и успеваемость тоже, но дети ничего не берегут, всё ломают. Наказания пользы не приносят. Расскажите, пожалуйста, с чего вы начинали, как организовали труд детей. *Л. А. НИКИТИНА*, ст. Итларь Ярославской обл.».

«У меня к вам огромная просьба: пожалуйста, помогите организовать подобное хозяйство. Расскажите, с какими трудностями Вам пришлось встретиться и как Вы их преодолели. *И. В. КУЗНЕЦОВА*, биолог, г. Старый Крым».

Трудности... Теперь оставшиеся позади, они видятся иначе, проще, как пересказанное кино.

А начиналось очень непросто.

Софья Петровна подала председателю колхоза бумажку-отношение: «Школа просит выделить участок земли».

Мужиковатый, прижимистый хозяйственник глядел на неё с каким-то сердитым подозрением. – Участок? Это зачем вам участок?

Софья Петровна объяснила.

– Не могу, – поджал губы хозяйственник. – Не имею права! Потому – это есть земля, государственная собственность! Разбазаривать нам её никто не позволит.

– О каком вы разбазаривании говорите? – изумилась Софья Петровна. – Это же не мне, не вам, не в чьи-то частные руки. Это для большого государственного дела – для воспитания детей, их любви к труду. Это же будущие колхозники!

– Будущие колхозники пускай вон картошку помогают копать! А я не могу это – направо-налево, потом, пожалуйста, – к прокурору.

– Да почему к прокурору? Чего вам бояться?

– Я ничего не боюсь, а земля это не моя!

– Станный вы человек. Неужели по этому поводу мне надо ехать в райком?

– А это пожалуйста! Вы меня райкомом не пугайте!

У первого секретаря райкома он бушевал:

– Какое я имею право? И никто не имеет! Это незаконно. И не надо! Пусть вон идут в колхоз и работают!

– Колхозу они помогают и будут помогать. А это нужно им для постоянного труда.

Объясняли, убеждали, наконец секретарь райкома встал. Бывший учитель, он хорошо понимал необходимость того, о чём просила школа.

Тогда вот что, – сказал он. – Мы сейчас поедem к вам в колхоз, соберём общее собрание, и пусть решают колхозники.

Хозяйственник пожевал губами, похмыкал, глядя в пол, сдался:

– Ладно. Мы сами, на правлении... Школа загудела перестройкой.

На линейке Софья Петровна говорила, что теперь у них будет своё детское хозяйство, большое, красивое. Оно станет давать им необходимые средства, и можно будет открыть свою бесплатную столовую, закупить спортивного инвентаря, всяких игр, пособий, ездить на экскурсии в Москву.

Новая рать коммунаров глядела сотней именинников. Софья Петровна видела счастливо засиявшие лица девочек-юнаток, мальчиков, которые по первому слову брались за любое дело. Ставные, милые ребята! Для них это праздник!

Но она видела и холодные и даже злые глаза, в которых читалось: «Вот ещё! Приду-умали!» Давние знакомцы – разболтанные, непод-

дающиеся, привыкшие ничего не делать. Один из них, сурово глядя исподлобья, прогудел:

– А если кто не хочет?

Это был мальчик П., непослушный, грубый, ненавидевший всякую работу и любивший властвовать над ребятнёй.

Ему ответили, что в нашей стране работать должен каждый. Мальчик П. насмешливо полуотвернулся, дружки глянули на него с завистливым одобрением.

Софья Петровна понимала, что теперь всё пойдёт обостряться, всё, включая и отношения школы с известной частью мам. И всё будет дыбиться до тех. пор, пока одна сила не одолеет другую.

Хозяйство начинало организовываться и обзаводиться. На уроках труда делали ящики, набивали их перегноем, сеяли семена цветов, помидоров, капусты, готовили лопаты и тяпки. Вместе со всеми, когда лучше, когда хуже, работал и мальчик П., работали и другие, подобные ему.

Забунтовали они, когда пошла речь о звеньях: кого – куда. Звенья создавали по типу макаренковских отрядов, бригад. Принцип: в звено входят дети разных возрастов, живущие рядом друг с другом. Им удобно будет собираться, а работа пойдёт лучше, когда в маленьком их коллективе будут и дети из начальных классов и старшеклассники, уже что-то умеющие, способные научить младших.

Звеньевыми ставили опытных юннатов. Софья Петровна объявила, что она берёт шефство над звеньями и что, кроме них, создаётся ещё постоянная ремонтно-строительная бригада из мальчиков-старшеклассников. Её задача – всякие поделки, огораживание, благоустройство, ремонт мебели, инвентаря и самой школы. Руководить бригадой будет преподаватель труда и физкультуры Василий Николаевич Круглов. Ребята весело переглядывались: хорошо! Василий Николаевич – мастер на все руки, с ним интересно! Мальчик П. выкрикнул:

– А если я не хочу быть в этом звене?

– А я с этой звеньевой не хочу! – запетушился другой, почему-то краснея и косясь в сторону девочек. – Подумаешь! Будет командовать!

Но буря эта была не из самых страшных, она в тот же день и унялась, а вскоре небеса вдруг одарили Софью Петровну такой обнадёживающей улыбкой, что могло показаться: ну, весна!

Установились тёплые дни, Софья Петровна объявила общий выход на новый участок.

– Он очень запущен, – объяснила она. – Вы увидите: корневища сорняков там душат всё. Их надо выбрать до единого. У нас на участке должен быть образцовый порядок!

Участок начинался сразу за школой – целое поле длиною чуть не в полкилометра. Колхозники распахивали, боронили и перепаживали его (сговорчивее стал ершистый председатель). На взбуровленной земле, как разжиревшие черви, густо белели прожорливые корневища.

Младшие, старшие – один перед одним, ребята набивали вёдра жирными трофеями. И когда отходил воз, полный обезвреженных хищников, все останавливались и с облегчением провожали его глазами.

Вот уж и последний воз. Ребята стояли перед распаханной и, кажется, легко вздохнувшей наконец землёй и легко вздохнули и сами. Чисто, хорошо! И эта отдыхающая земля теперь будто роднила их и обещала им что-то радостное.

Софья Петровна смотрела на мальчика П. Он стоял с воинственно торчавшим чубчиком, и глядел вслед повозке. Сегодня он тоже наступал и чувствовал себя участником победы.

Лето шло с грозами. Затихла, опустела школа. Запустились травой цветочные делянки, на овощных грядках зазеленела мокрица, лебеда. Выходи на работу, детхоз! Беритесь за тяпочки, звенья! Все – на работу!

День начинался тихий, тёплый. Учительницы в нарядных косынках встречали ребят, как на Первое мая. Те подходили по двое, по трое, младшие добросовестно тянули: «Здра-австуйте!» и улыбались. Им нравились новые тяпочки с новыми ручками, остро наточенные в мастерской, нравилось, как приветливо встречают их учителя и старшеклассники. Дальние подъезжали на велосипедах, ставили машины к изгороди и чуточку обескураженно оглядывали собравшихся: «Мало...»

Мало. Этого как раз и опасалась Софья Петровна: кто сам не захочет, кого не пустят сердобольные родители... Она это предвидела, и на последней линейке предупреждала: приходите всем, учёт будет строгий. Объявила нормы выходов, установленные в зависимости от возраста, и всем показывала тетрадь в сиреновой обложке.

– Это тетрадь учёта выходов, вот так разграфлены странички: тут фамилии, тут даты. Будет отмечаться: «был», «не был».

Недовольные посматривали с откровенной прохладцей, мальчик П. скривил губы, будто говорил: «фу, да и отмечайте!»

Но сегодня он пришёл и только время от времени почему-то оглядывался на дорогу. Ждал дружков?

С дороги свернул к учителям какой-то помятый и небритый мужчина с велосипедом. Следом вынырнули из-под горки две женщины, возбуждённые, спорившие о чём-то.

– Это кто ж такой закон установил – детям отдыха не давать?! – ещё не подойдя налегла на голосовые связки одна из них, родительница мальчика П. – Зимой они спокоем не знают с этим учёном, теперь вы их ещё и летом надумали запрячь – хозяйство тут завели!

Разбрасывая руками и надрываясь до синевы, она притоптывала и приплясывала, забирала всё выше и злей, а рядом подхватывали на разные голоса то её спутница, то захмелевший дядя.

- Чужие – не жалко?
- Издевательство какое!
- Иксплатация!

Сердобольная кинулась к своему ленивому чаду, схватила за руку:

– Пойдём, сынок, ты тут ишачить будешь! – И, свирепо зашагав, поволокла его, спотыкающегося, под гору.

Работали молча.

Не разгибаясь, Софья Петровна взглядывала на вспотевшие ребячьи спины, на самих детей, послушных и примолкших, и чувствовала себя как будто виноватой перед ними. Стараются, стараются, маленькие труженики, верные активисты школы. Чем же вас порадовать, чем вознаградить?.. Ни копейки нет в школьной кассе. Хозяйство начинается с нуля. А работы, работы!.. Полоть, поливать, огораживать...

Становилось жарко. Софья Петровна разогнулась.

– Конец, ребята! На сегодня хватит. – Она не спеша оглядела каждого. – Теперь пойдёмте все под липы, чай будем пить!

Принесла из дома ведёрко мёду, хлеба, чашки, расстелила скатерть.

На траве, под липами, пила чай большая, весёлая, наработавшаяся семья.

...И до сих пор они влюблённо вспоминают то лето, свой дружный рабочий отряд и первый коллективный чай под липами. Вспоминают, как полюбили это ежедневное, после работы, чаепитие, как Софья Петровна приносила им со своей пасеки мёд, варенье, пекла им вкусные пироги. Какое это дивное, чудесное было лето, первое лето детхоза!

ИНТЕРЕСНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

С осени начались обычные занятия. При школе, в бывшем учительском домике, открылась для ребят столовая. Бесплатная. Для всех учеников.

Ещё не ахти какие разносолы подавались в этой столовой (не велик был пока «цветочный» доход), а мамы теперь встречали своих коммунаров с серьёзным, уважительным любопытством:

– Ну, чем вас там сегодня кормили?

И подолгу соседки толковали потом о детском хозяйстве. Какая-де там ни есть, а своя столовая. Ребята, можно сказать, сами себя обеспечивают. Это хорошо. И к делу приучаются. А то ведь совсем от рук отбились, ему уже отцовы штаны по колено, а он всё собак по улицам гоняет.

После обеда, в час игр, старшие пошли дрова складывать – гора поленьев громоздилась во дворе, первоклашки побежали к Софье Петровне.

– Софья Петровна, а мы?

– А вы ещё маленькие. Оглушили, как стая грачей:

– Нет, мы тоже будем!

Смотрит Софья Петровна – улыбка тёплая тает на губах: с каким удовольствием работают малыши! Когда бы они извели такое дома?

Сказала учительница шестому классу:

– Начнётся урок труда, принесите по двое носилок перегноя.

По пять принесли! Оказывается, это очень интересно – сделать больше, чем приказано!

После часа игр все классы садятся выполнять «домашние» (да, теперь уже в кавычках) задания. Младшие закончили рано. Марианна Сергеевна сказала:

– Ну, теперь идите домой.

Она ожидала, что все взвизгнут от радости и бросятся к вешалкам, но дети глянули на неё просительно:

– Не-ет, мы ещё поиграем.

Отодвинули парты, разулись, расстелили коврики, открыли шкафы с игрушками – куклы, мишки, машины, конструкторы... Вот и детсад!

В четвёртом классе было четыре урока, а обед начинается после пятого. Час свободный. Марианна Сергеевна распорядилась, чтобы все шли на воздух:

– Идите, играйте. Возьмите мячи, бадминтон...

– Мы – потом, после обеда, – сказали девочки. – А сейчас можно мы в классе уберём?

– Девочки и мальчики из восьмого класса схватили вёдра, тряпки – ринулись наводить чистоту в пионерской комнате и химкабинете. Перетёрли колбы, воронки, пробирки, палочки; перевернули стулья, протёрли все ножи и проножки, уголки и закоулки – блеск! Можно вешать табличку: «Химически чисто».

Вот такая началась жизнь.

Что произошло? Откуда вдруг этот радужный всплеск любви, привязанности к школе, хозяйского радения о ней? На каком основании? И почему нелёгкое это трудовое радение так легко стало переходить в удовольствие?

Всё очень просто. Когда открылась столовая, сразу изменилось лицо школы. Всё подчинив новому режиму, она стала для ребят родным домом, даже больше, чем родным. Здесь теперь у них было всё: учёба, питание, работа, игры, спорт, кино, музыка – вся жизнь. И какая! В каком родном доме было у них столько всего? У какой мамы, видящей их едва лишь час в день, было им столько доброго внимания, заботы об их развитии, об их человеческом становлении? Домой теперь они шли только на ночлег.

Им давно не хватало такой школы, они давно говорили: «Дома стало никому не интересно».

Теперь к концу уроков уже никого не оглушал голод, не гнал поскорее домой. У ребят заиграл румянец. Нормальный режим питания плюс калории и витамины да плюс то, что называется «за компанию и кислое – мёд» – и куда делись бледные, худые, вялые дети! Да, да, у родных мам такие встречались не за диковинку! И мамы только досадовали:

– Домовой их поймёт, чего им ещё надо! Ну вот мы росли – что мы видели? А какие были? Об дорогу не расшибёшь! А эти... Ну, что я от них, под замок, что ль, хороню? Всё открыто: и булки, и пряники, и в печке наварено – лопайте, сколько влезет!

А они не «лопали», они хватали что послаще: печенье, кусок булки с песком сахарным и на зов обедать кричали «Не хочу!»

Теперь мамы знали: у них там всё по часам. После второго урока – завтрак, после пятого – обед. И всё по потребности – «на счёт этого полный у них коммунизм». Одолеешь две кружки какао – бери две, хочешь три – пожалуйста, с сухариками, с сушками, с овсяным печеньем.

– Только вот заедаются скоро, – посетовала Прасковья Григорьевна, повар (она и завстоловой и школьный главнаб). – С лета придут – едят исправно, даже добавку просят. А вот пойдёт октябрь, ноябрь – всего уже варю меньше, остаётся. Глянeshь – на столе печенье, баран-

ки, сухарики – всё недоедено. Суп пополам с мясом, по полтарелки съели – больше не хотят!

Свежие, здоровые... Разве не победа?

Всё становилось на свои места. Менялся сам тон жизни школы, и учителя вдруг поняли: как много в ней до сих пор держалось на нервах! И как долго царствовало это изнурительное нервное напряжение! Теперь оно рассеивалось. В школу, казалось, вошла тишина, и стало легко говорить. В учительской заговорили об отрадном: дети стали активнее на уроках, слушают внимательно, появилась сдержанность, прекратились нелепые выходки.

Педагогическая механика переходила на «тонкую настройку». Сердитый окрик, нагоняй, вызов родителей – всё это стало ненужным, как грубые подпорки в новом доме. Жизнь ребят благополучно начинали править два самых спокойных импульса: «Хочу отметить» и «Делаю замечание». Они звучали на линейке. Вошло в порядок проводить общешкольную линейку ежедневно. Пять минут перед началом уроков. Сообщается обо всех хороших поступках, совершённых в школе вчера, и, может быть, кому-то высказывается замечание.

Установили раз навсегда: ничего не пропускать мимо внимания, особенно – хорошее. Проработал лишние полчаса, что-то дельное предложил, товарищу помог, коллективно оформили уголок – всё видеть, учитывать, всё держать на виду, отмечать на линейке. Иначе хорошие поступки будут затираться и в глазах детей обесцениваться («А это и взрослым бывает обидно», – подчеркнула тогда на педсовете Софья Петровна); а дурные – обретать право на существование и потихоньку завоёвывать «жизненное пространство». Нельзя!.. Речь шла теперь о такой активной нравственной атмосфере, которая вызывала бы к жизни и укрепляла всё самое доброе в каждом питомце.

Детхоз стал школой хорошего поступка. И этой школой безотказно руководил моральный стимул, запрограммированный в фразе «Хочу отметить».

Работал и материальный. Интересно и широко работал, вторгаясь и в психологию сердобольных мам и пап. Он начал разрушать «крепости», но ему предстояла задача и потруднее: сделать противников союзниками, безоговорочно убеждёнными и преданными общей цели.

База его крепла. От дохода в 1900 рублей детхоз в новом году пришёл к семи тысячам и затем сразу к семнадцати. Это равнялось почти половине чистого дохода, полученного в тот год колхозом, крупным, высокомеханизированным и пошедшим круто в гору при новом руководстве.

Материальный стимул переходил в наступление, не дожидаясь больших капиталов, и это тоже было наступление педагогическое.

Тёплым весенним днём, когда всем думалось о предстоящих работах на участке, объявили необычный сбор. Линейка была обставлена по-праздничному. Вынесен стол, накрытый красной материей, на столе какие-то свёртки, пакеты, коробки. И на виду у всех знакомая сиреневая тетрадь: фамилии, даты, «был», «не был».

– Премии будут давать, – догадливо проговорил мальчик П. с насмешливой прохладцей. – Ударничкам. Кому куклу, кому карандаш...

– ...премируется костюмом! – услышал он голос Софьи Петровны, заморгал от растерянности и осторожно покосился на ребят.

– ...премируется шёлковым платьем, – продолжала Софья Петровна.

Ребята бурно хлопали в ладоши. Повертев головой, захопал и мальчик П.

О доходах школы, о богатых премиях покатались громкие вести от избы к избе по деревням. А когда вышли ребята на участок, забегают родительница:

– Как тут мой работает?

На велосипеде подъезжает родитель:

– Это правда, что вчера в школе никаких работ не было?

Схлынули будни – праздничный звон по улицам. Три автобуса к школе подают. В Москву едут. В зоопарк, в цирк, в музей. Всей школой. Съездили, вернулись – не переслушать всех новостей и разговоров по деревням! Нет, это похвалить, похвалить надо школу за хозяйство! Доброе, верное дело придумали!

А по осени – новая поездка. Опять в Москву. Но это уже не для всех, это премиальная. Для победителей соревнования. Едут те, кто хорошо работал на участке, хорошо помогал колхозу, едут лучшие общественники. Нерадивые не едут. Они отошли с мамами в сторонку, разглядывают автобус. А автобус стоит красивый, диваны в нём мягкие, и пахнет от него праздником. Счастливики, нарядные, сияющие, вбегают, рассаживаются, машут руками и уезжают с песней.

А ленивые и «хитромудрые» стоят. Думают. Стоит и мальчик П., косится на свою сердобольную маму...

И снова будни.

Спешит, торопится к школе сердобольная, расстроена опять. Что с нею? Будет снова размахивать руками, шуметь до посинения: «Издавательство, иксплатация»? Остановилась, опустила руки.

– Софья Петровна, да что ж вы моего малого на работу не вызываете, – бегают, баклуши бьёт...

О ПОЛЬЗЕ НАСТРОЙКИ

Как естественно соединилось теперь всё в одно: учёба, работа и воспитание! Трудовое и эстетическое, знание и дело, коллективист и хозяин – всё слилось, спаялось и зазвучало единым хором здоровой детской жизни,

Но, оказывается, каким чутким надо оставаться дирижёру! И к настройке особенно. Она, как в оркестре, определяет всю игру. С неё те- перь в школе начинается день.

Это линейка. Я говорил о ней, и надо продолжить. Моральная за- рядка, настройка ребячьего коллектива. Это похоже на настройку музы- кального инструмента. Его не роняли, его нарочно никто не расстраи- вал, но возьмёшь в руки – какая-то струна «отпустила», фальшивит. Немузыкант будет играть и так, пока не расстроит всё вконец. Настоя- щий музыкант начнёт с настройки.

На этой пятиминутке не читают длинных нотаций, здесь работает острый, свежий, метко стреляющий пример – хороший или дурной. Цель – каждый день на достойном или недостойном поступке одного воспитывать всех.

Первый раз улановскую линейку я увидел осенью. Школа работала на уборке картофеля в колхозе. Утром, без пяти девять, раздался зво- нок, ребята сбежались в школьный коридор, выстроились буквой «П». Строй не безукоризненный, вид у ребят далеко не парадный, но всё как-то очень по-деловому. Даже Снежок, забавный пёс-коротконожка, непременный участник всех дел, взглядывал на Софью Петровну впол- не деловито: «Начнём?»

Начинает она безо всяких вступлений:

– Замечание делаю только Саше... Работал не хотя, одной рукой. Напарник его, Коля Шкыльников, можно сказать, тянул его на буксире.

Смех. Саша краснеет.

– Отметить хочу Азубова Женю. Его оставили в школе носить се- мена календулы. Но тут оказалось, что мешки не готовы. Тогда он взял- ся пока прибираться люпин. Потом переносил на чердак календулу и стал помогать устанавливать на кухне холодильник. В три часа освободился, но домой не поехал, несмотря на то, что у него флюс. Сел на велоси- пед и приехал к нам на картошку – помогать. Хороший поступок?

Я полагал, что строй с пионерской готовностью прокричит «Хо-роший!» Но здесь все стояли с серьёзными лицами и кивнули побудничному:

– Конечно.

И этот обиденный кивок сказал о них лучше и больше, чем я ожидал. Он сказал, что это нормально и каждому понятно, так и должно быть, и что любой из них поступил бы точно так же. Впрочем, был и восторг. Но он был вчера, когда ребята на поле увидели знакомую фигуру, спешившую к ним на велосипеде.

– Ребята, Женька едет! Женька! – закричали они.

Они были рады, что Женька не забыл их, что он такой молодец – помогать едет!

– Ну, а сейчас – на картошку, – заключила Софья Петровна. – Хорошо бы, ребята, нам управиться по теплу. Управимся и в Москву поедем.

Вот этот последний аккорд тоже очень важен. Огонёк впереди. Макаренковская увлекающая перспектива.

В поле я подошёл к Софье Петровне, она сказала:

– Вот ещё о ценности линейки. Малейшее замечание, а как оно влияет! Посмотрите на Сашу. Не так уж много я сказала о его вчерашней работе. Сейчас подхожу, он говорит: «Софья Петровна, поставьте меня теперь одного. Чтобы видно было, как я работаю». Я ему говорю: «Зачем же одного? Теперь и так видно, что ты хорошо работаешь, двумя руками». И вот смотрите, как старается!..

А мне вспомнился Петька Плотников. Вот в таком бы коллективе ему вырасти! Как благодарила бы теперь Анна учителей и как светло было бы у неё на душе!..

А в другой раз прозвенел звонок на линейку особую. Её называли «родительской». Такая придумана специально для пап и мам. Для их педагогической настройки.

Мне почему-то казалось, что детхоз сделал работу с родителями излишней. Зачем она теперь? Учителя объяснили: нет, школе и сейчас нужен родитель-союзник, родитель-единомышленник, и борьбу за него они и дальше будут вести всеми способами. Линейка – один из них.

В этот раз на неё пригласили отца и мать Никишиных. Владимир Фёдорович Никишин, глава семьи, когда-то окончил эту школу, его учили и Софья Петровна, и Мария Васильевна. Сейчас он механизатор, «золотой труженик, хозяйская душа» – так говорят о нём на собраниях. Жена его, Ольга Филипповна, старательница и заботница ему под стать – дояркой работает. Роднят их и взгляды, и понятия. Детям с малых лет

они внушают уважение к труду. «Всё хорошее на земле трудом, деточка, создаётся. И хороший человек – он от труда такой».

И, кажется, глядеть бы людям на эту семью да радоваться и при- мер брать! А вот поди ж ты! Бывало, только и слышно.

– Нешто это родители? Детей закабалили, работой занудили, жалости родительской нету!

И лишь сами дети не чувствовали себя закабалёнными.

Станут учителя эту семью в пример на беседах ставить – ёрзают бабы, отворачиваются – не переломишь.

Детхоз всему истинную цену показал: и родительской мудрости и пересудам несправедным. Кому легче всех и интереснее работается в детхозе? Никишиным, Шкыльниковым, Якуниным, Пименовым. В рабо- те ловкие, сообразительные, быстрые – с ними всем весело! Нина Ни- кишина с четвёртого класса стала руководительницей опытного звена. Сколько у неё наблюдений, впечатлений – с нею и взрослому интересно, а детям?..

На линейке, где все стояли в форме, при отце и матери, которые тоже были чисто одеты, Нине вручали премию. Вручали и говорили... Как же это славно, что не говорили здесь шаблонными, холодными формулами, которыми так безжалостно оперируют в иных школах, – «хорошо относится», «добросовестно выполняет»... Здесь говорили о её делах, в которых выделась вся Нина и её воспитание.

Нина, тонкая, серьёзная девочка, стояла, зарумянившись. Ребята ей хлопали, хлопали и её родителям, учителя жали им руки:

– Спасибо вам, что таких хороших детей растите, что так разум- но их воспитываете.

И ребята снова дружно-дружно аплодировали им.

Это было чествование семьи и публичное признание её воспита- тельских заслуг. Ребята рассказывали потом об этом чествовании сво- им мамам и папам, и те, порой пряча смущение, мотали на ус...

КАК ТРУДНО ОСТАВАТЬСЯ... ТРУДНЫМ

Старый фронтовой мой друг прислал мне однажды сердитое пись- мо:

«Что за мода у вас, у пишущей братии, пошла, – насел он на меня, – призывать людей быть разными? Что ни статья для воспитания, то поклоны этой самой людской разности: ах, непохожие, ах, несхожие, ах, обо всём по-своему думают! Ну, нашли вы себе заботу! Или вам вспо- мнить некогда, что похожих людей вообще не бывает, даже среди близ-

нецов? А результат этих «ахов» я вижу пока один: распространение незнакомой нам заморской болезни, которая именуется психологической несовместимостью. Совсем, браток, не безобидная мода. Я не буду тебе напоминать, кто сказал: «Расчлений и действуй!». Но пропойцы и хулиганы – они тоже разные. Остап Бендер тоже личность, и любой подонок может похвастать тем, что обо всём думает по-своему. К этому ли надо звать? Человек нужен! Настоящий, по-настоящему хороший человек, а не мутный набор индивидуальных особенностей. Юноше совершенствоваться надо, и не пугайте вы его дутой опасностью потерять своё лицо, свою индивидуальность. Если реально опасность таких потерь и существует, то плывёт она к нам не от педагогики, лишающей человека дурных качеств и развивающей добрые, а от того самого «чужевластья мод», которое бомбил ещё Грибоедов. Пусть человек смелее расстаётся со своими индивидуальными прорехами и не стесняется перенимать у живых и литературных героев их лучшие качества, – пусть не одолевает его при этом пустопорожний страх сделаться на кого-то похожим. Нам не о том, браток, хлопотать надо, что делает людей несхожими, а о том, что роднит, сближает и соединяет их. «Наша сила – в единении» – помнишь? И радость наша – в содружестве человек, больших и малых».

Сердитое, но отрадное для меня письмо. Я вспоминал о нём в Уланове, знакомясь с жизнью ребят-коммунаров.

До чего они были разные вначале и чужие друг другу, эти мальчики и девочки! Десять минут поработало звено – и уже перессорились, уже плачут и бегут с жалобами. Этот не умеет тяпку держать и гонит от себя звеньевую: «Не лезь!» Тот оставляет половину травы, а этот, наоборот, выдёргивает всё подряд – и мак, и сурепку. Тот никак не успевает за старшими, а этот вообще ничего не хочет делать. Звеньевая скисла: «Я с ними не могу». Их восемь, она одна. Думай, педагог! Тут тоже нужна доводка... Конечно, одна и восемь – не годится. Даже одна и пять – трудно. Одна и три! И по возможности так: двое опытных и двое неумелых.

Вот этой дорогой и двигались: трудность–поиск–решение. Одним надо было долго помогать, другие легко определились сами. А неподдающимся порой не удавалось и помочь. Мальчик П. держался, особенно, полуукрадкой курил, всем видом своим демонстративно показывал, что ему на всё и на всех наплевать. Его попробовали вовлечь в общественную работу – не поможет ли она ему найти общие интересы со всеми? Поручили: будешь следить за порядком в пионерской комна-

те. Он это принял, но порядок утверждал по-своему: диким взглядом и кулаком. И опять оставался на отшибе – всем чужой.

Осенью, как обычно, убрали в колхозе картошку. Ребята и девочки, согнувшись, подбирали клубни. Наш герой, по своему обыкновению, филонил, отстал, ворчал, что «всё это надоело», и вдруг нашёл развлечение. Размахнувшись, он запустил картофелиной девочке в спину. И обрадовался: точно! Девочка вздрогнула от удара и заплакала. А он уже бил по второй, по третьей «цели» и ликовал: сила и меткость! Учительница рассердилась:

– Прекрати сейчас же!

Он сделал невинный вид, начал усердно подбирать картошку, а когда все забыли о нём, исподтишка кинул опять.

Что с ним делать? На линейке объявили решение:

– Отстранить от работы!

– Иди домой, – сказала учительница, – помогай бабушке дома.

Помрачнел забияка. От него отвернулись все, вся школа: «Не уважаешь нас, не признаёшь наших правил – уходи! Никому такой не нужен!»

Он не уходил. Он шёл вместе со всеми на картошку.

Ты отстранён, – повторила Софья Петровна. – Иди домой.

Виноватый будто не слышал. На поле стал крайним и погнал две борозды один. Один вместо четверых! Весь день работал молчком. А утром на линейке вдруг объявили, что он хочет что-то сказать. Из шеренги он вышел тусклый, помятый, постоял и голосом, тоже тусклым и помятым, проговорил, опустив голову:

– Простите...

Это было не только признание вины. Признание коллектива!

Оглянется назад Софья Петровна – сколько всякого пришлось искать и находить! – А оглядка – гостя аккуратная: каждый год является. Приходят в сентябре первоклассники, новые ученики из соседних начальных школ, приезжают из других мест. С ними всё повторяется сначала.

Очень своеобразный и трудный парнишка приехал с Сахалина. Он был худой и натопорщенный, как побитый зверёк. Ему шёл двенадцатый год. В школьном дворе, шумевшем играми нарядной ребятни, он стоял одинокий и настороженный. Какой-то мальчишка остановился около него, спросил:

– Ты чей?

Робея, новичок принял независимую позу, глянул исподлобья:

– А тебе чего?

Через минуту они подрались. Учительница заступилась за него, сказала ребятам, что нельзя так встречать новичков. Тогда парнишка подошёл к ней поближе и сказал тихо:

– А вот этот ругался. – И указал глазами.

В свободный час коммунары с гордостью водили новичков по своему хозяйству, остановились около теплицы, – она весело сверкала стеклянной крышей.

– Это мы сами строили, – сказал рослый паренёк с красным галстуком. – И фундамент закладывали, и стены, крышу стеклили.

– Врать-то! – отвернулся сахалинец. – Са-ами!

Коммунары рассмеялись: вот чудак, не верит. Не малыши, конечно, старшеклассники, и не одни, с Василием Николаевичем, но руками-то своими! И вот эти дорожки бетонировали, и строили вон ту каменную лесенку и вот эти два крыльца со ступеньками. И огородили всё! Спортивный городок оборудовали! А в школе полы покрасили, панели, парты. Вешалки поделали, подставки...

Девочки в белоснежных кофточках с алыми галстуками повели новичков на опытный участок и стали рассказывать, какая их школа знаменитая. С 1962 года она участница Выставки достижений народного хозяйства, которая в Москве. В премию получили целую фотолабораторию, аппарат ФЭД, магнитофон. Есть даже девочки в школе, награждённые медалями выставки, – звеньевые-опытники!

– Посмотрите, какой у нас опытный участок! – щебетала звеньевая со вспотевшим под чёлкой лбом. – На этих грядках мы проводили опыты. Научные. Знаете, как интересно!

На участке волнами шли гряды с картошкой, со свёклой, капустой, с морковью, с огурцами и помидорами. На грядках таблички: опыт такой-то, звено такое-то, а рядом – «контроль».

– Интересно! – опять повторила звеньевая. – Только тут надо внимательно вести наблюдения, – продолжала она, разглядывая сахалинца. Он смотрел по сторонам и смурягал руками зачем-то сорванный цветок. – Вообще плохо, – сказала она ему, – когда человек невнимательный и неорганизованный.

Сахалинец, вспыхнув, куснул её глазами и отвернулся. Рядом учительница о ком-то рассказывала родителям.

– Ну, что там – пятый класс, кнопки! А они у нас уже хозяйки. Скажу им: «Сегодня, девочки, пикируйте рассаду, ящики там возьмите». И уже не заглядываю! Сами всё найдут, просеют землю, напикируют, поставят, куда надо, и притенят. И уберут за собой. Все – как взрослые!

– Понял? – сахалинец толкнул локтем другого новичка, Сашку. – Тут запрягут – будь здоров!

– А тебе хочется цветы растить, проводить опыты? – подошла к нему звеньевая.

– Не получится, – с солидностью ответил сахалинец.

– Почему?

– А так. Я вообще... неорганизованный.

– Вредный какой-то, – переглянулись девочки и отошли.

Скоро началась уборка цветочных семян. Под навесом стояли банки из-под масляной краски, все одинаковые, как пчелиные соты. Это и тара и мера. Коммунары разбирали их и шли на плантации. Сахалинец нёс банку, как грязную галошу, и плёлся с превеликой тоской на лице. Девочки-одноклассницы показали ему, как обирать семена. Пальцы у них работали проворно, и ни одно мизерное семечко не ронялось на землю.

– Понял? Это очень просто!

Сахалинец сопел. Пальцы его не слушались, семена из-под них сыпались наземь, копать в этих засохших цветах было неинтересно. Сашка топтался рядом, уныло и рассеянно щипал сухой цветок.

– Давай скажем, – прошептал ему сахалинец, – «Мы не будем, мы не умеем». Я не люблю работать!

И тут они увидели, что между ними и учительницей стоял, ничего не делая, ещё один мальчик, тоже пятиклассник и тоже новичок, из какой-то соседней начальной школы. К нему подошла учительница, крупная, грузная, – Марианна Сергеевна.

– Ну, а ты что заскучал? – Что-то ласковое теплилось в её сомкнутых красивых ресницах.

– А я не хочу работать! – петушисто глянул на неё мальчишка.

Все подняли головы.

– Ну как же ты не хочешь? – удивилась Марианна Сергеевна. – У нас это нельзя.

– Я не люблю работать!

– Ты не любишь? – вспыхнули девочки. – А ты кушать любишь? В столовую дак ходишь?

Мальчишка ковырнул ботинком землю.

– А я и в столовую не буду ходить.

– Нельзя так, Алёша, – тронула его за плечо учительница. – Давай мы с тобой вместе. Вот смотри.

Они склонились над рядочком. Сахалинец с Сашкой еле-еле копались в цветах и заметно отстали.

– Эй, новенькие, не стыдно отставать-то? – крикнули им девочки.
– Подумаешь, указчики! – огрызнулся сахалинец.
Подошла Софья Петровна, девочки загалдели:
– Мы с ними работать не будем! Лентяи бессовестные!..
– Видите, девочки, – примирительно заговорила Софья Петровна.
– У них в школах так не работали, как мы. Им ещё надо привыкнуть, научиться...

Она занялась с отставшими сама.

– У наших руки уже разработаны, пальчики ловкие, – рассказывала тихонько, будто не замечая, с каким погребальным видом слушали её два лентяя. – Улановских учеников можно теперь отличить на работе по рукам. Умелые, быстрые руки. Вот привыкните, разработаете, и у вас такие будут.

Но ленивцы вовсе не хотели привыкать и разрабатывать. Софья Петровна только отошла, как они разогнулись и остановились отдыхать, потом срочно побежали куда-то.

Пришлось их поставить на отдельную полосу.

– Вот это до звонка постарайтесь убрать, и пойдём обедать. Вам даётся почти вполвину меньше, чем другим.

Было ясно: в этой школе от работы не увильнёшь. Ленивцы засопели, копаясь в цветочных головках. Сахалинец то просыпал семена мимо банки, то нечаянно опрокидывал её, то совсем забывал, что делал, и проходил необобренные головки.

Уже хотелось есть. Группы одноклассников заканчивали свои полоски. Сейчас пойдут обедать. А тут ещё вон сколько работы! Мальчишке становилось тоскливо и обидно. Им всем легко, они умеют, а он никогда не убирал этих семян – что он, виноват? К обиде он был болезненно чувствителен. Может быть, потому, что рос без отца, был заброшен матерью, и маленького его обижали все, кто хотел.

– Ну, дело налаживается? – услышал он чей-то голос.

К ним с Сашкой подходили девочки, ребята и две учительницы.

– Хорошо, давайте мы вам поможем да пойдёмте обедать.

Сахалинец повеселел и даже пальцы его заработали живее. Артелью полосу закончили быстро. Хмурь парнишки незаметно сошла, ему теперь хотелось заговорить с ребятами, сказать им что-нибудь интересное, хорошее, но ничего не приходило в голову. Он шёл и молчал.

Дома сказал бабушке:

– Ребята тут знаешь какие дружные! Помогают, кому что-нибудь трудно...

Потом он как-то прибежал с мальчишками к Софье Петровне, возбуждённый, запыхавшийся.

– Можно, мы лестницу возьмём? Там под крышей голубка, у неё крыло перебито, мы перевежем...

А однажды... Это было перед вечером. Пролил дождь, речка, что бежит внизу, посреди деревни, зашумела, разлилась и подмыла у перехода кладки. Чей-то мальчуган топтался около них, никак не мог набраться смелости перейти на тот берег.

– Боязно? – подошёл к нему парнишка с тонким смуглым лицом. Это был сахалинец. – Давай, я тебя переведу.

Он не думал, что это станет кому-нибудь известно, и утром удивился, когда на школьной линейке услышал свою фамилию.

– Вот видите, – сказала Софья Петровна, – кто-то говорил, что он вредный. Нет, душа у него добрая, хорошая.

Все зашевелились, стали искать его глазами и улыбаться, а он порозовел от смущения и радости и опустил лицо. Весь этот день он ходил лёгкий, отзывчивый, хорошо отвечал у доски, а на уроке труда – первый бежал помогать девочкам.

Он рос быстро, смуглый, жилистый, сам чувствовал, что становится крепким, и ему приятно становилось помогать на работе, кому трудно, в звене брать на себя то, что потяжелее. Он делал гряды на опытном участке, сам вызывался прокладывать борозды, которые девочки следом засевали семенами цветов, и, хотя опытничество его не влекло, а тянуло парнишку больше к технике, он оставался надёжной силой в звене, и это ему нравилось. Часто после занятий он бежал к Василию Николаевичу в мастерскую, брался там пилить и строгать, делать ящики для рассады, кормушки для птиц. Хотелось быть хоть немножко мастером на все руки, как Василий Николаевич. А тут и подвернулось дело, о котором парень мечтал. В школе организовали тракторный кружок. Приехал в родное село Саша Егоров, он окончил институт, отслужил в армии, поступил работать инженером в колхоз и вот... кружок!

– Здорово, правда? – влетел сахалинец в мастерскую. – Я уже записался.

Одна из девочек хитренько прищурилась:

Тебе, Толя, это не подойдёт, ты ведь неорганизованный.

Толя осёкся, с укором глянув ей в лицо. Потом ответил спокойно, по-взрослому:

– Этого у меня один, может, процент остался!..

А сердобольная опять семенит – поспешает в школу, со смирением слушает, как тут выходит на правильную дорогу её непутёвое и грубое чадо,

– Ничего, налаживается, за дело берётся.

– Да в школе-то, на людях, он, Софья Петровна, берётся, – выкладывает свою боль-жалобу мать, – а дома, видишь как, охапку дров не принесёт!

Называется, приехали! Улыбнуться бы теперь Софье Петровне да напомнить сердобольной насчёт «иксплатации», но где там! И на ум не пришло – забеспокоилась:

– Странное явление! Как же так? Дома!.. Это не хорошо, это упущение. Какой же он будет хозяин в доме, глава семьи? Завтра мы поговорим на линейке. Фамилий я никаких называть не буду, но...

Очередной разговор на линейке её сын выслушал серьёзно. В тот раз, когда его отстранили от коллектива, он много прочувствовал и передумал. И теперь, хотя имени его никто не называл, он сам принимал на свой счёт всё, что говорилось. В конце вместе со всеми сказал только одно слово:

– Понятно.

А летом его позвали в правление колхоза. Там сидели Софья Петровна, председатель колхоза Иван Павлович Чибисов, зоотехник, заведующая фермой. Спросили:

– Ты пойдёшь телят пасти? На лето. Задумался парень. Пастухом быть! Крутая, гордая натура его покорибилась. Но на него смотрели взрослые люди и ждали. И каким-то краем сознания он понимал: надо! Для общего дела надо, для колхоза. И опять сказал только одно слово:

– Ладно! Прошло время, и это общее, колхозное «надо» снова постучалось к нему. Заболела доярка, а парень между делом научился доить коров, помогал бабушке на ферме. Не по нраву было «бабье дело», но помогал. И на этот раз потоптался, смиряя гордыню, и кивнул головой: «Ладно». Целый месяц он самостоятельно обслуживал группу, как взрослый, а когда вернулась доярка, прощался с коровами смешно и трогательно.

– До свидания, Дурёнки! Привык я уже к вам! Но профессию, как и Толя-сахалинец, мальчик П. выбрал механизаторскую: пошёл в СПТУ. Софья Петровна сказала:

– Что бы из него вышло в других условиях? А сейчас растёт нормальный рабочий человек.

Мне интересно было: а как же Сашка, тот, что вместе с Толей-сахалинцем сперва невзлюбил эту школу? Научился ли он за трудным радостное находить?

Я увидел его на спортплощадке. Сашка чувствовал себя празднично. Он начинал учиться в восьмом классе, а за отличную летнюю работу на участке ему под дружные ребячьи аплодисменты вручили премию.

Нет, нельзя из этой школы выйти никудашным!

САМОЕ НЕВОЗМОЖНОЕ

Однажды мы долго ходили с ребятами по участку, и я спросил, а можно ли у них теперь учиться кое-как?

Ребята остановились, подумали и помотали головами: «Невозможно».

Да! Сама обстановка в коммуне такова, что это исключается.

Вот кончились уроки, все пообедали и высыпали во двор. Час игр. Час безудержного визга, смеха, песен и беготни. И всё это смотрится как необычный праздник, как какой-то весёлый ребячий фестиваль. Игры, пляски, музыка, мелькание множества нарядных хула-хуп – кажется, вся площадь крутит эти разноцветные обручи, голубые, красные, зелёные. Взлетает мяч, взвиваются баскетболисты, мелькают скакалочки, ракетки бадминтона, какой-то класс заводит «ручечк»...

Час, полтора... Не пустое, расслабляющее ничего-неделанье – активный, полнокровный отдых. Он и даёт разрядку, он и заряжает. С этого праздника не пойдёшь бессмысленно болтаться по улице. Скука становится неприемлемой.

И школа снова погружается в занятия. Вся. Все классы, все 112 человек. «Делают уроки». Каждый сидит на своём обычном месте, в своём коллективе, со своим классным руководителем. Это не группа продлённого дня, в которой всегда стоит изнуряющий шум. Здесь обычная деловая обстановка. Вот человек запутался в задачке. Дома он уже давненько поглядывал бы в окно и махнул бы, пожалуй, рукой: «Да ну её, спишу у кого-нибудь». Тут к нему подходит учитель, подсказывает на помощь сильного ученика. Что-то непонятное для многих разбирают коллективно.

Всё вскрывается. И «белые пятна» заполняются тут же.

Для «кое-как» не остаётся никакой жилплощади.

В пять часов, в пять тридцать школа пустеет.

Учителя пробыли здесь кто пять, кто шесть часов, некоторые – семь. Софья Петровна больше. Трудно ли им? Очень? На этот вопрос они ответили, по-моему, довольно убедительно:

– Работаем много, но работать легко. Перенапряжения нет. Потому что обстановка в классах нормальная, нервы трепать не приходится. На дисциплину мы энергию не тратим. И все понимаем: нужно до пяти – будем до пяти, нужно больше – и больше будем.

Знаю: они благодарны Софье Петровне. Ей труднее, чем другим. Целый день в заботах, целый день на ногах. Всё, что она может взять на себя в многотрудных педагогических и хозяйственных делах, она берёт, стараясь по возможности разгрузить других. Она умеет беречь силы товарищей.

– И знаете, – говорит, – как-то не устаю. Держу себя в строгом режиме и – прекрасно!

Но никаких сил им не хватило бы, когда б учителя всякое дело, большое и малое, тянули сами. А у них кругом помощники – их актив и смена – ученики! Кто работает затейниками, организует игры с малышами? Пионеры. Кто в школе тренеры, судьи, лаборанты, киномеханики, библиотекари? Они же – ученики. Они дежурят по школе и по столовой, по комнатам в общежитии, следят за порядком в сельском клубе. Они высвобождают учителей всюду, где можно. «И прекрасно справляются!» – замечает Софья Петровна.

Невольно «розовая» приходит мысль: вот где питомник будущих отличных сельских учителей! Ведь есть же здесь и дети с педагогическими задатками!

Есть, конечно! И эти задатки в условиях школы-коммуны проглядывать начинают рано и ясно. Однако до последних лет питомцы Улановской школы не проходили в пединститут. Причина? Слабые знания? Нет! Слабина в другом. Годами укоренялось в институтах недоверие к сельским абитуриентам, к уровню их развития, и на приёмных экзаменах оно срабатывало безотказно. До сих пор в Уланове помнят, как обидно по этой причине сложилась была судьба Люды Мухиной. Дочь колхозных животноводов, обладающая завидным педагогическим талантом, Люда с порога пединститута уходила в ГПТУ – недобрала одного балла. При хороших знаниях недобрала!

В школьных сочинениях она писала: буду только учительницей и работать мечтаю только в селе. Её литературные сочинения читали в учительской вслух. Была тема: «Что я вижу из своего окна?». Сколько она увидела! Это была песня о родной деревне, о труде, о жизни, о людях села. Девятый и десятый класс она оканчивала в Медыни. Прие-

хала в Калугу, в педагогический – очень волновалась. Горожанкам было попроще: привычная среда, привычная обстановка. Но главное – Люда сразу почувствовала: приёмная машина настроена «резать» и отсеивать сельских. И вот... Один балл! Хотя потом оказалось, что современные победительницы высокого конкурса, ставшие студентками, едва тянут на «тройку».

А Люда пошла на штукатурку. Потом – на бухгалтера. Приехала работать в родной колхоз. Её влекло к детям, к школе, она бы рада поступить в пединститут на заочное отделение, но туда бухгалтеров не берут – надо учительствовать. Отчаялась, поехала в роно: «Доверьте!»... Об этом ходатайствовали и её улановские учителя. – Девушку направили в далёкую начальную школу – там было всего три ученика. Но теперь она значилась учительницей, документы на заочное от неё приняли. И на экзаменах немало удивились и знаниям её, и способностям. Её тут же заметили представители МГУ (так случилось), и она была взята в Московский университет. На очное отделение!

Так отрадно закончилась эта грустная, обидная история, в итоге пролившая истинный свет и на качество общей подготовки питомцев Улановской...

«РАБОТЯГИ» ИЛИ ПОЭТЫ?

Можно предвидеть скрытый протест в форме вопроса: а что же всё-таки хорошего? Учёба, работа, какой-то час игр и опять уроки и работа, нередко грубая и грязная. И это – детство! Да неужели не огрубляет и не обедняет их души такая жизнь, не лишает их чувства простора и света, не глушит в них те нежные и чистые струны, без которых человек всегда будет страдать душевной и эмоциональной недостаточностью?

...Я хожу с ними по саду, по цветникам, спускаюсь в теплицу, пропахшую дымом, и не враз догадываюсь, какое это всё родное для них! Они рассказывают обо всём, что им приходит в голову, и как будто лепят бесхитростную мозаичную картину под названием «Наша жизнь».

Нина Киселёва обо всём говорит увлечённо, весело – о школе, о дружбе, о труде, о том, что папа её, механизатор, любит цветы. У Нины светлое поэтичное лицо, чёлочка и смеющиеся ямочки на щёках. Она из Самсонова, это недалеко, а здесь учится с пятого класса.

– Мне школа Улановская очень понравилась: красивая и много цветов. И такие все ребята дружные! Вот убираем картошку. Девочки быстрее управились – идут мальчикам помогать, мальчики быстрее –

все к нам! В играх, в спорте дружные. Девочки подсказали: Нина у нас чемпионка школы по лыжам. А у ребят Исаев.

Нина: – Мы с ним на одной парте сидим и в одной деревне живём. Вместе – на лыжах, на велосипедах. У нас все-все ребята умеют на велосипедах! И девочки. Меня папа научил. А на лыжах я больше всего люблю.

Смотрю на неё – живая звонкая Поэзия! А Поэзия вдруг останавливается около грядки и объясняет хозяйственно:

– Земля тут трудная – глина, камни. Мы тут – лопатами. Сначала как-то неохота братья. Потом только один взялся – и всё-е! И девочки. Пошло-о! А ведь растения все любят рыхлую почву...

Это уже проглянул практик-агроном. Но через минуту агроном становится просто девочкой двенадцати лет:

– В младших классах у нас игру-ушек! Мы тоже другой раз берём. Шьём куклам кофточки, платья...

Аня Гришина: – Мы здесь всё время, весь день, В восемь уйдём из дома и до вечера. У нас тут так интересно! Утром проснёшься – что-то хорошее тебя ждёт. Школа! Прямо тянет, так и хочется поскорей туда!

Аня собранная, стройная девочка, быстро увлекающаяся и умелая – из тех, о ком говорят: её куда ни поставь... Она звеньевая, живёт в деревне Пушкине – отсюда километра два. Ведёт нас в теплицу. Теплица опустела до весны. Здесь сложены порожние ящики, пахнет старой баней. Что интересного может рассказать о таком невзрачном помещении подросток?

Аня: – Мы зимой пришли очищать теплицу – она завью-южена вся, стёкла кое-где побились... – Она чуточку морщит нос и тянет слово «завьюжена», чтобы передать ощущение стужи.

– Мы затопили печку, ребята стёкла вставили – начало нагреваться. Мы здесь всегда раздетые работаем. Потом вода нашла. Отливать! Мы были на труде – отпросились у Василия Николаевича сюда.

И дальше они рассказывают уже дуэтом – включилась маленькая, ловкая на подхвате Галя Якунина, чёрненькая, прыткая, глаза-кружочки, зачёс, будто телёнок лизнул. Она из Михеева.

– Мы воду отливаем, и ребята бегут. Сами! Урок уже кончился – бегут! Помогать! – Глаза-кружочки у Гали горят азартом. – Ой, в марте это у нас самое любимое – теплица. Пообедаем и бежим, начинаем рассаду поливать. Здесь полно было рассады! На всех полках.

Аня: – Очень красиво смотреть. Идешь, теплица открыта, глянешь – всё зелено. Ещё деревья голые, ещё ночью морозы какие, а тут – ле-

то! Когда солнце, то прямо сказка в теплице! Доярки идут мимо – останавливаются. Интересно им!

Нина: – Мы всю зиму в школу – на лыжах.

Аня: – Все! Василий Николаевич даст нам домой лыжи – и носимся! Без пальто. Тут нам два километра. Идём, нас восемнадцать или девятнадцать человек – длинная цепочка.

Нина: – Приходим все запорошенные, вспотевшие – здорово так!

Галя: – Ой, а идёшь – краси-иво! Особенно когда иней. Деревья запушит, стоят все в белом, а иней осыпается, осыпается искрами...

Аня: – А летом – на велосипедах. Едем в Уланово капусту поливать. Опять цепочка наша. Лети-им!..

У дорожки светились нежно-лиловые астры.

Нина: – Мне даже во сне эти астры снились.

Галя: – Днём на них насмотришься, ложишься спать – цветут перед глазами. Долго. Пока уснёшь.

Вспоминают все, и нет ничего для них неинтересного. Как просеивали для рассады землю, как ребята носили перенгой и пугали девочек хрущами – «они так ножками перебирают...» – и как не давал очень-то расшалиться Коля Шкыльников, «хороший, добродушный парнишка».

И тут же – простая хозяйственная проза:

– Если бы не цветы, школа наша была б не такая. Мы бедненько б жили. – Это Нина Киселёва,

Аня: – Софья Петровна говорила, прошлый год за настурцию пять тысяч получили.

Нина: – А за картошку девять.

Вера вдруг отмахивается от хозяйственных тем, подбегает к громадному красавцу георгину.

– Смотрите, какой георгин! Богатырь, правда? А вот спрятался маленький, а какой красивый! – И конопушки под глазами собираются у неё счастливыми гроздьями. – Теперь где только не цветут, наши цветы! В Архангельске, в Чечено-Ингушетии, на Урале.

Идём по школе. Никого... Все двери открыты. На вешалках кем-то оставлены дорогие куртки, шапочки... Не пропадут?

– Сто лет будут висеть – никто не тронет! – Вера махнула рукой.

Нина (мягче): – Тут всё открыто: игрушки, пособия, спортивные всякие вещи. Можно заходить, играть

Аня: – У нас ничего не ломают, не раскидывают. Поиграют – и всё уберут на место. Сами. Марианна Сергеевна говорила: за все годы не сломано ни одной игрушки!

Галя: – А раньше, говорят, без дежурного учителя боялись ребят и в школу впускать!

«Раньше»... Для них этот вчерашний день – уже седая старина!

Заглядываюсь на них: хозяйева... Уже сегодня хозяйева всего, что вокруг. Они учатся всё уметь, и с ними забываешь, что есть на свете лень, равнодушие, инфантильность. У них столько жизни, столько точек делового, творческого соприкосновения с жизнью!.. Все они разные, но как много общего у них! Такого, что роднит их и объединяет их стремления! «Трудная земля» и любимая школа, завьюженная теплица и украшенные города и родные улицы, белый иней, «цепочка» и встречи с Москвой, работа дружная, и ясный их завтрашний день. Нет, эти не вырастут ни безрукими скептиками, ни равнодушными «работягами» – «нам абы гроши». Эти не оставят после себя пустырей и избушек на курьих ножках. Тут они – к огорчению поклонников и толкачей залётного модерна – абсолютно одинаковы!

И меня не удивило, что ветер дальних странствий не завихряет никого из них. Куда им идти отсюда? Зачем?.. Уже сейчас, быть может, ещё не вполне осознанно, они чувствуют здесь ожидающий их жизненный простор. Здесь столько можно сделать! Я спросил у них:

– Ну, а окончите восемь классов – потом?..

– В девятый, в Медынь.

– А потом? – Я ожидал, что Галя, например, изберёт что-нибудь близкое к цветам, а она ответила:

– Я наверно – на ферму.

– Да? А цветы?..

– И цветы!

– На ферме?!

– Везде! Кругом!

Нина Киселёва ответила: «Никак не выберу». О ней сказала Софья Петровна: «У неё склонности организатора. Умеет распорядиться, потребовать. И умница какая! Ей быть бригадиром, агрономом». А сама Нина в последнем, предвыпускном сочинении написала:

«Кем я буду, я ещё твёрдо не решила. Или агрономом, или учителем, или бригадиром, как папа. Но работать я буду только и только в селе. Жизнь тут люблю, красоту нашу и простор. Люблю тут делать всё, люблю делать и видеть, как хорошо становится!»

Человеку, который не знает любви к труду, неведомы такие мысли и такие желания.

«Делать и видеть, как хорошо становится» – это и отношение к жизни и заявка на своё место в ней. С этим питомцы школы идут на-

встречу своему завтра, и многие, многие вот такие, как эти, драгоценные люди – трудолюбцы оседают в родных деревнях, в родном колхозе. Идут в сельскохозяйственные училища, техникумы, институты и возвращаются «делать и видеть». Говорю «многие». Но, надо сказать ещё и лучшие, это именно так – лучшие по знаниям, по трудовой подготовке и по своему нравственному здоровью. Кто шёл когда-то отсюда в СПТУ? Те, кого куда больше не могли принять. Сейчас идут безупречные. «Способные, неизбалованные, хорошие физкультурники, большинство даже презирают курение, – аттестует их Софья Петровна. – Любят труд, любят технику, учились хорошо...»

И ведь всё это – не просто люди с образованием, изучавшие алгебру и химию. Это люди, которые прошли новейшую школу воспитания в духе коммунистического бытия и коммунистического трудолюбия.

Они сейчас становятся главной силой колхоза.

В их руках вся техника – богатый тракторный парк, грузовые машины, комбайны, электрические моторы – то есть все самые трудоёмкие работы на полях, на лугах и в животноводстве. В руках питомцев школы техническое, зооветеринарное, агрономическое обслуживание, плано-экономическая работа, учёт и всё множество рядовых дел в полеводстве и на фермах.

И примечательно: свою приверженность к родным полям они показывают целыми семьями. Родители окончили эту школу и остались здесь, сейчас остаются все их дети. Два брата Егоровых: Александр (тот самый Саша) и Алексей. Один поехал в Костромской сельскохозяйственный институт – вернулся инженером, отправился туда же и второй и тоже прибыл с дипломом, оба сейчас инженеры колхоза. Братья Акишины, Валерий и Владимир, в таком же порядке вышли на ветеринарную службу. А у доярки Марии Фильковой целый букет: Олег из армии вернулся – сел на грузовик, сейчас шофёр первого класса, Алла окончила техникум – пошла в контору экономистом, а Люда – на трактор. Села на него ещё в школе, в кружке у Саши Егорова, то бишь, уже у Александра Сергеевича, села ловко, смело, влюблённо, – ребятам на зависть! И потом не ломала голову – кем быть, поступила в СПТУ, и там же – в вечерний девятый класс.

Такие букеты украшают «Зарю». Молодеет, богатеет, на глазах красивее становится этот крупнейший в районе колхоз, владелец восьми тысяч гектаров земли. Огромный, организаторский труд вложил в него Иван Павлович Чибисов, бывший механизатор, один из героев моих первых послевоенных очерков, теперь уже давний председатель колхоза. Но он частенько говорит:

– В том, чего мы достигли, заслуга большая принадлежит школе. Школа – это неотъемлемая часть колхоза, это питомник наших кадров.

Хорошо, правильно говорит. Но ещё лучше делает. Чем он только не помогает школе! Молоко в ребячьей столовой – колхозное, мясо – колхозное, по самым льготным ценам отпускаемое, телевизор с огромным экраном в школьном интернате – колхоз подарил. Строительные материалы, транспорт, удобрения, тяговая сила...

«Питомник кадров». Очень правильно!

И всё было бы как нельзя лучше, когда б поперёк дороги иных питомцев не становились в слезах всё те же сердобольные мамы...

«ТЫ ЖЕНИ ЕГО ТАМ, В МОСКВЕ, ПОСКОРЕЕ...»

Ах, мамы, горем крещённые сельские страдалицы-мамы! Как вас утешить и отогреть? Сколько сил положили вы, надорванные, сколько слёз вы пролили, чтобы родных чад своих видеть благополучно устроенными в красивых больших городах! И сколько же молодого люду унесли с деревенских косогоров потоки ваших неотразимых слёз! Сколько сильных, потомственно талантливых в сельской трудовой жизни парней и девчат превратили они в горемычных по городам работяг и скучных конторских сидельцев! Мамы, мамы, скольких сыновей и дочек оттеснили вы своей горячечной любовью от деревенского труда, тем отравив их от всякого труда вообще.

«Пусть хоть им будет чем вспомнить детство!» Кого они радуют теперь?

Немалые муки терпело выносливое учительское сердце, когда улановские любящие мамы слепо сталкивали с найденной в труде дороги своих чад – питомцев детхоза. К счастью, это удавалось им не всегда и далеко не навсегда.

Было в школе три неразлучных друга: Николай Стебаев, Володя Акишин и Володя Ордин. Вместе работали в школьной стройбригаде и на участке, вместе появлялись на сцене, на спортплощадке, вместе носились на велосипедах по лесам и полям. И жить, и работать им тут хотелось вместе. Но вот окончили они школу и вдруг увидели, как мало в этом мире зависит от их ребячьего хотения. Мать сказала Николаю:

– Пойдёшь в гэпэту.

– Но мама, мы решили...

– Чертоломить в колхозе? Кто это решил? Володька Ордин? Так он тебе и останется в колхозе! У него мать в Медыни, в райисполкоме

работает, при печатях сидит. Она ему любую справку... И – пожалуста, только вы своего Володьку и видели!

«Чертоломить»... Сколько Николай помнил, мать всегда говорила о колхозной работе в сердцах, всегда приходила с фермы злая. Она везла свой воз и глядела на него не так, как тот строитель с тачкой, который на вопрос: «Что ты делаешь?» отвечал гордо: «Я строю храм!» Она везла его как тот другой строитель, который на этот же самый вопрос ответил с раздражением: «Таскаю вот эту проклятую тачку!»

Сын её, в общем-то, понимал. Понимал, что мучит её застарелая в душе болячка, никем не успокоенная, никем не признаваемая. Ведь чего только не перенесла она в деревенской своей жизни!

Где-то говорили о крестьянской любви к земле к деревенской воле – не понимала она этого, не привелось ей узнать такой любви. Сказала как-то:

– Война всё у нас взяла: и здоровье, и радости, а получить не дала ничего – ни образования, ни платы мало-мальской – одни тяжести нам оставила. – И словно черту подвела: – В деревне им конца-краю нет.

Но если бы всё в жизни сына шло по этому страдальческому желанию матери, по её слепой жалости, каким бы он вырос, Николай? Не вечно ли мучился бы своей отвращённостью от труда? Его школа спасла. И не его единственного.

Ах, побольше бы сейчас таких школ!

И в училище, и в армии, и потом в Москве, работая на заводе, Николай помнил свою школу как что-то самое любимое и самое родное. Вот кто «виноват», что улановских ребят и девчонок так неудержимо тянут к себе родные пригорки. Школа! Теперь все они понимают, какую нелёгкую заботу она взяла на себя. Ей пришлось даже «отвоёвывать» ребят у непомерно жалостливых мам, чтобы каждого приучить к труду, к работе на земле, каждому помочь полюбить этот труд и – мало того! – всех научить работать с мыслью о жизни, о том, что ты создаёшь и преобразуешь её. Только так!

Ещё тогда, в школьном детстве, Николаю нравилось смотреть на колхозные новостройки. Это было весело видеть, как поднимались и прихорашивались новые дома, контора, столовая, ещё что-то – всё в голубом с белой кружевной отделкой. Впереди бежал такой же красивый голубой штaketник, а сквозь него проглядывали нарядные клумбы. За этим виделась жизнь, которая придёт в деревню завтра. И всё это как будто перекликалось со школой, с её цветниками, крылечками, лесенкой – со всем, что делали там ребята, перекликалось как-то по-

своему, по-родственному, и от этого на душе у парнишки становилось солнечно.

Разные, ничем не похожие ступени жизни прошли они – сын и мать и совсем по-разному смотрели на родное село, на колхоз. Мать видела в нём изнуривший душу тяжкий прошедший день, которому, казалось ей, нет и не будет конца, а сын – день новый, наступающий, которому он готов был расчищать дорогу.

В Москве, отстояв смену, он спешил в метро и мчался на Профсоюзную, к Володе Акишину – тот тоже оказался столичным рабочим. Вдвоём они ходили по Москве, по её музеям и выставкам, любовались затейливыми узорами цветников и вспоминали цветники свои, школьные. Вспоминали Уланово, родной вечерний запах своих делянок и окрестных полей, наполненных тишиною,

И лес вспоминали, и речку, и Володю Ордина, и не чаяли дожидаться субботы, чтобы поехать домой.

Володя Ордин работал там, в Уланове (ему и в голову не приходило думать о какой-то «спасительной» справке!). Отслужил в армии и, решительный, смелый, пришёл в родной колхоз, стал агрономом по кормам.

Они собирались втроём и обдумывали операцию «Возвращение».

Николай, интеллигентный, сдержанный, с мягким девичьим взглядом, признавался:

– Жаль, конечно, мать. Расстроится, расплачется... Но в конце концов она поймёт.

Володя Акишин только рубанул ладонью: «Всё!» Он выглядел постарше своих друзей, рослый, опытный в делах практических, до армии успел поработать в колхозе веттехником и теперь всё решал сам, ни с кем из родных не собираясь и советоваться.

– Пойду на комплекс. Конечно, ненормированный день, что случится, будут поднимать и по ночам. Но к этому уже готов. Это я уже испытал.

Тем временем мать его писала сестре в Москву:

«У него хватит ума вернуться, променять Москву на колхоз. Ты же ни его там поскорей, чтоб он и думать забыл про деревню!»

Николай к разговору с матерью готовился долго и, когда наконец начал его, старался говорить как человек взрослый, но волнения унять не мог. В нём было ещё что-то юношеское, хотя виделся он статным, вполне сложившимся человеком, похожим на молодого инженера. В кругу товарищей он обычно был спокоен и мягок, и улыбался, по-

девичьи откидывая голову и прикрыв глаза. Теперь слова шли у него напряжённо и горячо.

Мать смотрела на него с расстроенным и гневным лицом.

– Ну, что с дураком делать? – она уронила тяжёлые руки. – Мос-с-ква! Да люди спят и видят... Все умные давно там! – Она сердито бледнела, голос её наливался отчаянием. – На таком ты заводе устроен, все у тебя условия – чего тебя сюда нелёгкая тянет? Я тут билась, билась, здоровье потеряла, отец.»

И заливалась слезами.

Володя Ордин на правах «старожила» сказал друзьям:

– Перебирайтесь. Я поговорю с председателем. Работы хорошей много, а насчёт жилья – колхоз новые дома строит, квартиры, думаю, будут.

Они вернулись, и Николай принялся осваивать новые специальности. Было удивительно: он чувствовал себя легко и как-то капитально оттого, что на него нагружали много. На него нагружали всю механику по приготовлению кормов – добрых два цеха. И сверх того – поливочные машины на пастбищах. А два цеха – это практически значило готовить корма на сотни голов скота ежедневно.

Хорош возок! Но такого и хотелось.

Зимовка шла аховая: бескормица. На газетных страницах, в радио-передачах нарастала тревога; спасти, сохранить скот, удержать надои! Никогда ещё от Николая не зависело столько, сколько в эти последние месяцы зимы. Всё решала его «кухня». Она могла отвести, разрядить бескормицу. Она могла превратить стога жёсткой малопитательной соломы в добротный корм, в мягкую, ароматную, распаренную кашу, которая так надёжно поддерживает коров.

Он работал помногу, спокойно и молча, целыми днями. Запускал в кормоцехе своих стальных слонов, они гудели, рокотали, фыркали паром, всё заполняя тёплым духом кормовых дрожжей и пареной соломы, выдавая на фермы горячую вкусную массу, а он хлопотал среди них с одной беспокойной мыслью – тобы только не было поломок, чтобы не остановился этот спасительный конвейер.

Должность у него – механик кормоцеха, но какие там границы – «это моё дело, а это не моё!» Руки зрячие – все дела видят.

В просторном цехе стоит его «слон» по имени АВМ. Его назначение – вырабатывать фуражную муку. Он встречал Николая покорным молчанием, потом вздрагивал, загудев, и с этой минуты механик превращался в мельника. Такой необычный молодой мельник, с аккуратной театральной бородкой – в «Русалке» бы ему князя играть!

Конечно, нагрузка! Но вечером, дома, когда все уснут, когда уснёт и Галя, жена, и крошечный сынишка, – Николай, притенив комнату от света, будет ещё долго сидеть за столиком, наполненный добрым покоем. Он будет конспектировать учебники, решать задачи, листать и перечитывать с детства любимый журнал «Юный натуралист», с которым когда-то в школе сдружила их всех Софья Петровна...

Иногда в цех к нему влетали оба Володи – Акишин и Ордин, и это означало, что срочно требуется его помощь на фермах – или грузить окот, или привязывать молодых коров, или там трудный случай с отёлом... Николай останавливал агрегат, отряхивался и шагал с ними.

...Вот и снова они вместе – три товарища. Дела и заботы, будни и праздники – снова все вместе. Только уже на другом, на недетском «витке». И чем-то новым они были теперь близки друг другу. Единством жизненных стремлений? Похожестью судеб?.. В один год поженились (не в Москве, конечно, в Уланове! И по такой причине здесь сразу прибавилось ещё три молодых специалиста – медицинская сестра, веттехник и агроном). В один год стали отцами. В один день и в один час вступили в партию. И тогда старшие уважительно и благодарно отметили их устремлённость вперёд и их стойкую деловую энергию, которая, в частности, помогла благополучно выйти из такой трудной зимовки. А Николай потом сказал:

– Радует, что много делаем. Хочется, чтобы ещё интенсивнее у нас шло строительство, и чтобы всё вообще обновлялось быстрее!..

«К РЕБЁНКУ В ГОСТИ...»

Два родных дома стало теперь у коммунаров: один папин-мамин, другой – «наш». Какой годнее – сразу и не скажешь.

«Наш» – это ребячий. Стоит высоко на горке, через дорогу от школы, у всей деревни на виду. Большой, уютный. Внутри – как в гостинице: всё блестит. С улицы войдёшь – коридор. Широкий и длинный. А вдоль коридора – двери, двери, – много дверей, штук десять. Там комнаты. Не очень большие – на четверых. Четыре кровати, стулья, тумбочки. И нарядные шторы. И крашенные блестящие полы. И ещё центральное отопление. И высокие-высокие потолки. А кровати новёхонькие, постелька – что снежок, своя тебе простынка, свой пододеяльничек – спи, как князь. А ещё есть игровая комната. Телевизор там, бильярд, радиола, шахматы и шашки. И умывальная комната есть.

Вот такой это дом. Светло, теплынь и красота.

Осенью слетелись новосёлы – первым делом учиться кровати заправлять. Как застилать, как одеяло подвёртывать, как выравнивать, чтоб всё – «по шнурочку». Стараются, подглядывают друг к дружке – пыхтит ребятя! Не было такого дела у мамы. А вечером – наигрались, натанцевались, – сказки слушать. Это как праздник.

А потом идут в умывальную комнату, берут тазики, моют ноги и – в постельку. Отбой.

А утром – зарядка, потом завтрак – там гуляш, какао, чай, сухарики, хлеб с маслом. Потом будет обед, потом ещё полдник, потом ужин... Четыре раза! И можно ещё пятый раз сходить, вечером, кому чаёк захочется. Поправляйся, не ленись! Бесплатно.

Опять же, у мамы ничего такого похожего не было. У родной мамы! Никто не знает – почему. А спросили у ребят, по сколько раз в день их дома кормили?– переглядываются. Тёмная неизвестность! Большей частью ни по сколько: ухватил кусок булки и побежал.

Из одной деревни привели девочку – чахлая, золотушная, думали, с лёгкими худо, врач сказал – нет, просто запущенная, авитаминоз. Пожила в коммуне, посвежела, вычистилась, румяная стала, хохочет, как звонок.

А Шурик? Шурик тоже был не лучше. Дома раскордаш, постель грязная, в ушах у малого хоть репу сей. «Шкелетом» звали, спину сквозь живот почесать было можно. Так мама «заботилась». Жил от Уланова далеко, день придёт в школу – три дня нет. Выше двойки редко поднимался. Попал в интернат – теперь и маме полюбоваться есть чем: здоровый стал, чистый.

Настаёт суббота, просыпается девочка, что золотушной была, потягивается:

– Не хочется как домой идти-и!..

Мама, мама! Слышала бы ты эти дочкины слова!

Да, это ребята не из самых хороших семей. А вот как удивила маму девочка из семьи совсем нормальной. Уезжает мама на курсы – куда дочку деть? Папе некогда с нею... В интернат! Согласилась Софья Петровна: оставляйте. Месяц ли, два ли, приезжает мама с курсов, пошла за дочкой. Встретились, обнялись, рады до слёз:

– Ты по мне соскучилась, доченька?

– Очень! – ответила маленькая. – Только знаешь что, мамочка?

Мне тут так нравится!..

...Пишу и рука останавливается. Прочтёт иная сердобольная – сотрёт меня в мелкий табак. В штыки пойдёт! Это-де куда вы, голубчик, гнёте. Подо что «базу» подводите?..

Но уж, видно, будь что будет, доскажу до конца.

Собрали детей из окрестных деревень, заполнили все комнаты – ладно. И вот тебе сюрприз: улановские идут:

- Можно, мы тоже тут будем жить?
- Да зачем же, деточки, у вас свои дома вот они? – Тут хорошо.

Ничего не скажешь – рыба ищет, где глубже!..

Стоит Софья Петровна озадаченная: вот тебе раз! Когда затеяла строить этот дом, все говорили: желающих будет мало! И пострашнее говорили, даже близкие: «Ох, какой вы хомут себе вешаете! Соберёте ребят, они через два дня заскучают по дому –разбегутся, их и в школу потом не дозовёшься». Тревожилась: «А вдруг!..» И сама себя успокаивала материнской догадкой: «Если хорошие будут условия, забота, ласка – куда они побегут?»

А теперь стояла и думала: из родного дома... Почему?

И вспомнила: «А дома стало никому не интересно». Да! Так стало. У них нет настоящей жизни дома. Как на вокзале...

Но и принять всех желающих нет возможности. Пришлось взять только троих. Потесниться, но взять. Очень просили. Плакали. Обещали «всё равно» убежать от папы с мамой. Потому что – как вечер, так у них «Шумел камыш»...

Получилось – у живых родителей школа отобрала детей. Без суда, без лишения родительских прав, но, как говорится, всерьёз и надолго. Вон он, отчий дом, рукой подать, а вот он «наш». Какой роднее? Легла между ними полоса отчуждения.

И вот шагает на горку папа. Побритый, опрятный – честь честью. Рядом мама семенит в новом подшальнике. К ребёнку в гости! Идут мирные, добрые, друг с дружкой разговаривают по-хорошему. Благодарить!

Под одной крышей с ребёнком жили – далёкими были. Разлучились – сближаться начали.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА

Всегда к ним едешь с удивительным, каким-то согревающим душу предощущением тепла и сердечности, с каким едешь к родным и очень дорогим тебе людям. И уже представляешь: сейчас Софья Петровна, всё разговаривая, пойдёт отводить тебе свою новую отдельную комнату, которая у них только зовётся её комнатой, а на самом деле служит домашней гостиницей, где находили покой и отдых многие гости. А Марианна Сергеевна, тоже на ходу рассказывая что-то, начнёт растапли-

вать там лежанку, облицованную кафелем, и ты ни секунды не будешь чувствовать, что кого-то стеснил, отнял у кого-то время и доставил лишние хлопоты. А оттуда мы сразу перейдём в кухню, за квадратный обеденный стол, у которого всегда ждёт гостя самое уютное место – в уголке, и пойдёт кружить и петлять сюжетами наша устная «педагогическая поэма», заворачивая то в литературу, то в науку, то в международную жизнь. В этот раз мы опять сидели вчетвером, пили чай с вареньем, говорили о писателе Григории Александровиче Медынском и его жене, удивительном педагоге Марии Никифоровне, которых помнила Мария Васильевна по первым годам революции в Медынском уезде. Я передал, с какой высокой и жадной заинтересованностью Медынские слушали рассказы о «педагогическом наступлении» в Уланове, и вспомнил взволнованный, горячо обращённый ко мне вопрос Григория Александровича:

– Откуда, из каких глубинных душевных источников родился у Софьи Петровны этот педагогический подвиг?

И тогда Софья Петровна сказала, что нет, она не назвала бы это подвигом, что это дело жизни и что сама она, думая об этом, часто возвращается к своему детству. Она стала вспоминать свою деревню, свой колхоз, что на Брянщине, под Унечей, несколько раз возвращалась к образу матери и дважды, с душевным пониманием и преклонением – к образу отца. Сначала у неё всё рисовалось неброско и некрупно – обычное деревенское детство, кругом дела и заботы – и трудные, и полегче: огород, поросята, куры. За всем приглядеть, всех накормить, везде убрать. Дети знали в семье, что это их обязанность, никто за них этого не сделает, маме некогда, у неё на ферме дела. И, оказывается, как важно оно в детстве, вот это чувство, что, кроме тебя, тут никому... Сколько сразу рождает оно драгоценного в начинающемся человеке! Самостоятельность, ответственность, собранность, хозяйское умение видеть, что не сделано и что сделано плохо, навык распределять дела по порядку во времени.

Им было трудно? Они плакали?

Хныкали иногда. Вначале. Когда всё получалось нескладно, немело. Тогда они казались себе немножко похожими на необъезженного жеребёнка, которому первый раз кладут на спину седло: ему и дико, и боязно, он рвётся и бросается в стороны. Не совсем, но немножко было похоже. Надоедали дела. А мама повторяла своё обычное:

– Пусть немножко и трудно, но это только на пользу вам, не во вред. Вред не отсюда приходит.

Она не была очень грамотной, но в ней жила какая-то природная педагогическая мудрость. Она знала, что это плохое воспитание, когда ребёнок работает только на побегушках: положи тут, сбегай туда. Ты дай ему свой круг дел, дай ему работу всю целиком и чтобы он мог обязательно дойти в ней до конца – там радость будет, отрада, она и вознаградит за всё.

Можно как сделать в саду? Прибрал мало-мальски и ладно, и иди. Пойдёшь, и тебе даже оглянуться не захочется: душа скучает и спит. А они доводили всё до идеального порядка и чистоты, до того, что становилось красиво. И тогда хотелось любоваться. Приходило чувство наслаждения, душа занималась долгой и горячей радостью.

А рыженькая, десятилетняя девочка, будущая Софья Петровна, каждый день прибегала на садовую стёжку любоваться, и ей думалось иногда, как было бы хорошо, если бы все соседские девочки и мальчики знали такую радость! Она рассказывала им о ней, но был мальчик, который не хотел ничего этого знать, и она переживала за него. Как плохо, что она не смогла убедительно ему объяснить!..

А мама доила на ферме коров, выпаивала телят, о ней говорили, что на ферме она самая старательная, самая передовая. И дети ни разу не спросили у неё, почему, зачем она так много работает. Они сами знали: это очень нужно! Они первыми бежали в клуб на колхозное собрание, садились на самый первый ряд и слушали, что говорил председатель об их маме. Он говорил о ней самые хорошие слова, вручал ей премию и руку жал. А они сидели с алмазно сверкающими глазами и вместе со всем залом хлопали своей маме в ладоши, счастливо переглядывались между собой. Радость! Так вот какая она ещё бывает, радость! До этого она словно пряталась где-то за буднями...

Тебя любят, мама! – объясняли они ей и вдруг обнаруживали, что она тоже к людям обращена душой и не меньше, чем радости, умеет видеть их печали. Приходили дни, когда все в доме чувствовали себя вдруг побогатевшими: в сенях появлялась свежая, духовитая свиная туша. Мать первым делом отрезала тогда кусок свинины, завёртывала в бумагу и подавала детям:

– Отнесите Аксинье.

Аксинья, соседка, была слаба здоровьем, жила бедно. Соня приносила ей мясо и видела, как благодарна старушка.

Этому тоже надо уметь научить ребёнка – чтобы он мог войти в положение другого человека, мог увидеть боль в его глазах.

А за этим открылся целый мир – мир человека большого по доброте и отдавшего всего себя людям.

Она говорила об отце. Он был фельдшером, и дома его видели редко: волость большая, деревень, деревень!.. С утра принимает, а тут уж подводы стоят – и туда ждут, и туда... Увезут, а привезут – когда в полночь, а когда под утро.

Дочке он как-то сказал, когда подросла:

– Тебе врачом нельзя: женщине это трудно. Врач по первому зову – иди. Ночь. Слякоть. Долг врачебный. Превыше всего!

И светло, и возвышенно становилось на душе у дочки. Каким особому дорогим становился ей папа, человек с дивным сердцем, человек, так мудро жертвовавший какими-то благами жизни во имя долга и любви!

Софья Петровна опустила чашку на стол и вздохнула успокоенно и легко.

– И уж старый был, – продолжала она медленно и негромко, – а придёт кто за два, за три километра к больному звать – собирается, поплёлся. Долг! Превыше всего!..

Софья Петровна вспоминала свои школьные зимы, мешки книг, которые успевала прочитывать и в которых находила людей ещё более высокого подвига, чем те, кого знала в жизни. У неё стоял перед глазами простой сельский избач Сергей Жаров, который каждую неделю приносил на себе мешок книг из Унечи. Девочки читали их подряд, без разбора – и Тургенева, и Джека Лондона, и передавали другим. Потом этот мешок уходил обратно в Унечу, а оттуда двигался другой. Соня знала всех ребят и девчат вокруг, кто много читает; и ей нравилось, как быстро расширяется мир их интересов. Она и сейчас знает, где эти люди – в своих делах они видны издали, никто не затерялся на житейских дорогах.

Она шла к детям, шла их учить, готовить к большой жизни, и можно, кажется, без труда почувствовать, с чем и какая она к ним шла. «Мы умели всё», – сказала она, имея в виду те несчитанные сотни дел, которые умеет выполнять каждый сельский трудолюбец. Но с нею шли и знания, шла всю её захватывающая, учительская любовь. Ей казалось, что каждый понимает эту беспокойную и благородную страсть, когда тебе неодолимо хочется взять за руку маленького, растущего человека и научить его всему хорошему, помочь ему подняться в делах и чувствах до самых счастливых высот.

Скольких она вывела так? Можно долго перебирать в памяти удаchi и неудачи, но потом всё подойдёт к одной полосе. Что-то переменялось вокруг. Что-то ушло трудное – нехватки деревенские, худая оплата, но что-то по-новому трудное и очень тревожное пришло взамен. Мода

жить налегке, избегать серьёзного труда... Двум мальчикам поручается убрать в классе. Один со злой досадой взял тряпку, повозил ею в углу и бросил. «А это пускай Лёнька убирает!».

Мальчик, мальчик, какой же ты вырастешь? Чем порадуешь нас? Ты же будешь всю жизнь ловчить, всю жизнь искать, где легче!.. Как повернуть тебя на настоящую дорогу?

Учительница идёт к родителям, подходит к дому. У крыльца валяются железные грабли, какой-то чугунок, разбитые бутылки, банки, чьи-то новые туфли, облепленные засохшей грязью. И во всём этом хаосе беззаботно и весело скачут взрослые мальчики и девочки, привычно перешагивая через стекляшки, банки и хищные зубья граблей.

Как же они не понимают, что это беспорядок, что нельзя так жить, нельзя быть такими! Не понимают. А где же взрослые, где родители? Это же вторая беспризорность. Это недопустимо... Жеребёнок останется диким, он уже не будет хорошим скакуном. А взрослые в лице сердобольной мамы спешат успокоить учительницу:

– Пуцай побегают! Только и ихнего. А что им, в деревне, что ль, жить?!

И не у родной, а вот у этой школьной матери, которую судьба оставила без своих детей, сердце заходится болью и жалостью к заброшенным ребятам, обречённым на пустую, бессмысленную жизнь.

И тогда началось педагогическое наступление.

И мы опять говорили о тружениках сельских школ, обо всех, чьё учительское сердце и разум дают здесь простор новому, чья энергия и духовная сила питают жизнь села, – обо всех одиннадцати учителях школы, об одиннадцати коммунистах. И вспомнили про улановские субботы. Их не заглушали ни телевизоры, ни радиолы, ни ежедневные кинофильмы в клубе. Потому что ни один телецентр не знает, не может знать, какая духовная пища сегодня нужнее в Уланове. Школа привозит фильм, самый ожидаемый и самый нужный, даёт беседы самые волнующие – и клуб полон! Каждую субботу! В зале взрослые люди, но все они – «мои ученики». Они уже не ходят в школу, и на линейке Софья Петровна не отмечает их добрых поступков или ошибок. Теперь они собираются здесь. Воспитание продолжается. Оно касается и рядовых, и тех, которые «на должностях».

– Многие просят совета, – глазами указала на письма Софья Петровна. – Что мы можем рекомендовать им? Что? Искать. Искать и искать. И обязательно найдёшь! Если бы не цветы, у нас был бы какой-то сортовой или ранний картофель, или были бы кролики. Василий Николаевич наделал бы с ребятами клеток за месяц! И это стояло бы на

самой настоящей научной основе и всё – по-макаренковски! – Никогда не горячившаяся, она продолжала, всё увлекаясь, – А возьмите селекцию, выведение новых сортов – это же так интересно!.. – И уходя в мечту: – Вот пойду на пенсию – организую кружок селекционеров...

Да. Сколько она ещё могла сделать!.. Не сбылось...

Мы успели тогда поговорить о школах, которые берут улановский опыт и развёртывают у себя.

– Вот подвижники! – указала Софья Петровна на отдельную пачку писем. – Вы посмотрите, с чем они столкнулись и что им довелось преодолеть. Вот это действительно, пожалуй, подвиг!

ПОДВИЖНИКИ ИЗ КРУТОГО МАЙДАНА

Они ехали в Уланово издалека, из Горьковской области, из Вадского района, что за Арзамасом, ехали, пробираясь через длинную вереницу пересадочных пунктов, и уже это было для них трудом немалым, особенно для Александра Михайловича с его никудышным здоровьем и таким зрением, что даже сквозь свои толстые очки он плохо видит. Их было двое: муж и жена, Александр Михайлович и Нина Леонидовна Гороховы. Он – директор Крутомайданской восьмилетней школы, она – биолог, заслуженная учительница республики. Они всё записывали в Уланове скрупулёзнейше: сколько дней семена замачивать, на какую глубину сеять...

Что привело их сюда, что заставило решиться, забыв о себе, о своём здоровье, развёртывать дело, явно обещавшее им полную чашу забот, тревог и даже страданий?

Прочитал я их письма к Софье Петровне и понял: ничего не надо объяснять, надо напечатать эти письма. Нина Леонидовна ответила мне на это: «Поступайте по своему усмотрению». Тогда слово письмам...

17 февраля 1971 г.

Уважаемая Софья Петровна!

Немедленно по приезде домой начал практически осуществлять план. Совхоз выделяет землю, удобрения и пр. Был я в Горьком, в конторе «Сортсеменовощ», написал им бумагу с просьбой о разрешении выращивать семена календулы, настурции и люпина. Они звонили в Москву, в «Россортсеменовощ» и передали мне, что агроном по цветоводству, Антонина Сергеевна, отказала нам. Говорит, что не имеет смысла из-за одного гектара цветов специально готовить агронома-апробатора

и пр. Что вы посоветуете? Ведь речь идёт прежде всего о воспитании детей, о том, чтобы на деле прививать им любовь к сельскохозяйственному труду. Как получить разрешение и семян? Нина Леонидовна согласна выехать на курсы апробаторов. *А. М. Горохов.*

4 марта.

Дорогая Софья Петровна!

Большое вам спасибо за присланные семена, за советы, за гостеприимство, оказанное нам. Спасибо вам за то, что вы есть, живёте на земле и делаете столько полезного, прекрасного... Я счастлива, что обрела в вашем лице хорошего друга. Мне хотелось (при посещении школы) расцеловать вас, поклониться вам и сделать для вас что-то хорошее, приятное, но я боялась показаться назойливой и неискренней. При беседе в Москве с Антониной Сергеевной я слышала много раз самые восторженные слова о вас и вашей деятельности. Мы посетили её 2 марта и кое о чём договорились. Нам разрешили выращивать настурцию, гипсофиллу многолетнюю, горицвет многолетний, люпин, мак, годецию и астры.

Сегодня мы только приехали домой, завтра планируем набить 60 ящичков землёй, прогреть, а послезавтра посеять в эти ящички астры.

Надеюсь своих учителей втянуть в работу. Сегодня мужчины ремонтируют с ребятами ящички, а завтра землю будут носить. Планируем цветочный участок огородить.

С искренним уважением *Н. Л. Горохова*

19 марта.

Софья Петровна! Милая! Вы можете нас поздравить. Мы были участниками «малой Тимирязевки», нас вчера чествовали, вручили нашему коллективу Почётную грамоту Министерства сельского хозяйства СССР за опытническую работу на пришкольном участке и в поле совхоза. Жаль, что вы не принимали участия в этом соревновании. Тогда бы я выразилась словами одного первоклассника, который побывал на нашей выставке цветов и сказал мне:

– Если бы я был самым главным, я бы все ордена отдал вам!

Спасибо вам, дорогая моя Софья Петровна, за тёплое письмо, за советы, за веру в меня. Астры мы посеяли в ящички, поставили их в мастерской. Через 6 дней появились всходы. Чтобы растения не вытянулись, мы вынесли их в парник, а на другой же день похолодало и вот

нет ни одного солнечного дня. Температура в парнике +10. Рост прекратился. Беспокоюсь.

13 апреля.

Дорогая моя Софья Петровна!

Очень бы хотела посидеть с вами за столом, за партой – где угодно и поговорить. Как успевать всюду?

Много времени отнимают всякие общественные просьбы. Институт усовершенствования учителей просит написать доклад, как работа на пришкольном участке помогает мне в учебной работе. Для районной газеты надо написать статью, как я воспитываю любовь к природе. Ну как это рассказать? И надо находить время проводить беседы на ферме.

Я вас буду информировать о своих цветочных делах постоянно, а вы, пожалуйста, подсказывайте нам. Подсказка о настурции очень кстати, спасибо вам. Посылаю вам семена гипсофиллы (она есть у вас, я видела, но у нас – белая). Что бы вам послать ещё? О чём вы мечтаете? Мы вчера из Риги от Брисони (он селекционер по гладиолусам) получили детку и луковицы сортовых гладиолусов. Это бесплатно, в дар юннатам. Сколько же на земле хороших людей и как хорошо с ними общаться!

10 июля.

Давно я не писала вам, дорогая Софья Петровна!

Сколько же у нас неудач! Одна за другой. Замотали они нас. Мы все культуры высеяли, а дождей нет и нет. Солнце палит! Целый месяц. Побрызгал дождишко, промочил землю всего на 1–2 сантиметра и опять палит. Посевы люпина изрежены, семена жарятся в сухой земле. Правда, многие из них живы. Но растения, поднявшиеся из земли, сохнут. О всходах годееции и говорить нечего – она и с поливом на нашей земле взойти не могла.

Не везёт! Боюсь, Антонина Сергеевна больше не разрешит нам заниматься цветоводством, а я не хочу бросать начатое. Ребятам это так нужно, да и очень хорошее подспорье школе.

Обидно. Работать мы хотим, а что получается!..

16 августа

Дорогая Софья Петровна!

Не писала вам целый месяц. Была несколько дней в Краснодаре, радовалась цветам.

А что у нас? Дожди многое выправили. Люпин цветёт вовсю, настурция тоже очень обильно, вот вызреют ли семена? Астры зацвели.

Беда, рвут астры! Что делать – не придумаем. Рвут и дети, и взрослые из города. И измучили нас сорняки.

Теперь работа, как будем убирать, сушить. Нет у нас пока никаких сушильных помещений. Без своих средств много не построишь. Директор совхоза не спешит нам помогать, а районные руководители ратуют только за овощи, которые мы тоже выращиваем. Разумеется, на серьёзную поддержку рассчитывать не могу. Очень неприятно слышать всякие колкости, но что делать? Всё бросить? Это немислимо...

Вы знаете по себе, что мне совершенно ничего ни от кого не нужно – ни почестей, ни похвал, я просто люблю живое дело, причём любое. Если бы я была поваром, я бы и там думала, как лучше и краше всё сделать.

Очень часто расстраиваюсь из-за всяких пересудов родительских и нареканий. Один папаша три раза подходил к моему окошку и кричал:

– Мучители! Замучили вы наших детей работой! Надоели вы нам со своими цветочками!

А на участке и в поле красиво, как в Краснодаре. Участок весь пылает – тысячи гладиолусов в цвету!

16 октября.

Софья Петровна, учитель мой!

Мне бы сейчас встретиться с вами, выплакаться у вас на плече и обо всём подумать, посоветоваться. Жаль вас огорчать, но всё равно вам будет известно о нашем провале.

Отвечаю на ваш вопрос: «как закончили. год, что получили?»

Почти ничего, дорогая Софья Петровна. Собрали около 200 кг люпина, около 100 кг настурции. Астры остались в поле под снегом. Снег выпал неожиданно 2-го октября и лежал дней 10. А сейчас идут дожди.

Работали всей школой самоотверженно, честное слово! Но для созревания семян наших культур не хватило времени. Люпин собран не весь, только половина (какие соцветия ушли под снег, какие бобы!).

А родители меня совсем заругали. Здесь население зажиточное, мужчины – плотники, денег у каждого не на одну машину, и дико им, что их дети «копаются в земле». Сами в совхозе работают плохо и детям

работать не дают. Трудно выслушивать оскорбления, а раздаются они слишком часто.

А как дела у вас? Когда поправитесь, напишите, пожалуйста...

22 ноября.

Спасибо вам, дорогой мой учитель, за советы и утешения.

Трудно нам было, но кое-что мы получили. Люпин должен пойти первым классом. Тогда мы получим за него около четырёх тысяч или даже побольше. Таких денег у нас в школе никогда ещё не было. Сначала работники лаборатории дали нашему люпину заниженную оценку, сказали «засорённость».

Я осмотрела все партии и не обнаружила ни одного сорнячка, очень редко можно было найти комочек земли. Мы его собирали руками, сушили отдельно, рядом с ним никаких других семян не было. Александр Михайлович попросил взять новые пробы. Ну вот, теперь всё правильно. Картофеля сдали государству на две тысячи рублей. Одним словом, мы богачи!

У ребят двухразовое бесплатное питание: завтрак и обед.

От всех переживаний я давно оправилась, заключили с Москвой новый договор, обязательства школой взяли очень большие. Антонина Сергеевна недовольна нашими результатами, но на первый раз милостиво нас прощает.

Готовим вечер по биологии: «Хлеб наш насущный», много хлопот. Теплицу пока не построили. Совхоз передал нам автомашину, дело за шофёром.

10 марта 1972 г.

Здравствуйтесь, дорогая Софья Петровна!

Сейчас началась у нас новая весенняя посевная. Все окна заставили ящиками, горшками. Я должна каждый день что-то сеять, садить, искать. Без этого нет для меня покоя и удовлетворённости.

Теперь мы «стреляные», опыт у нас есть, думаю, этот год будет удачнее.

Осенью проведём выставку на тему: «Цветы нашей Родины».

Представим в цветах каждую республику.

19 апреля

Приближается весна, новые тревоги и «страдания». Весна идёт опять плохая: грязь, дождь и совсем нет тепла. В нашем селе столько

грязи, что алкоголиков вытаскиваем с помощью досок, жердей и даже откапываем лопатами. Вчера был единственный солнечный день, а сегодня опять дождь.

У меня было вчера четыре урока труда, и какую огромную работу выполнили ребята! Вырыли котлован для парников на 13 рам, набили его навозом, перемыли парниковые рамы, очистили от поломанных ветвей сад, вырезали старый малинник, отправили посылку в Балахну, вскопали грядку земли, посадили 4 сорта смородины, – обработали 2 гряды тюльпанов, очистили 2 междурядья от мусора, вырезали на флоксах старые побеги. Взрослые, наверно, не сумели бы сделать столько много за 4 часа, а это дети. Но какие они у меня теперь горячие и азартные в работе! Не чета тем папам, которые на работе больше всего обожают перекуры!

Объявила всем ребятам благодарность. Замечательный народ!

Ученикам пятого класса, опытным, дала каждому по одному сорту помидоров и каждому свой опыт, свою задачу. Им же даю по сорту смородины, ну и, конечно, у каждого своя полоска цветов. Работают с увлечением!

...Софья Петровна сказала мне, что участок этой школы стал своеобразным ботаническим садом с обширным набором местных и экзотических растений. Я написал Нине Леонидовне – спросил: не преувеличение ли? Она ответила:

«У нас собрано более 400 видов различных растений. Выращиваем все сельскохозяйственные культуры, которые распространены в Горьковской области, есть и редкостные для наших мест растения. Есть у нас рожь, пшеница, ячмень, овёс, просо, кукуруза, вика, горох, бобы разные, кормовой люпин, подсолнечник Пустовойта, гречиха, фасоль 5 сортов, картофель 6 сортов, лён, конопля, чумиза, чина, кормовая мальва и др.

На поле овощных культур растут ежегодно помидоры – более 20 сортов (один год было 80 сортов), тыквы 2 сорта, огурцов 10 сортов, свёкла, репа, редиска, редька, турнепс, брюква, морковь, лук, перцы, баклажаны, капуста брюссельская, савойская, кольраби, цветная, листовая, брокколи и белокочанная, кабачки разные, патиссоны, чабер, петрушка, шпинат, сельдерей, пастернак, щавель, ревен, хрен, артишоки, чуфа, индийские кабачки, люффа, декоративные луки, многорусный лук, чеснок и др.

И цветы – более 120 видов. У обелиска воинам-односельчанам дети ежегодно высаживают более 5 тысяч самых красивых цветов. А на

участке одних гладиолусов более 6 тысяч, 5 тысяч чудесных тюльпанов, тысячи флоксов.

В начале 60-х годов на участке было высажено 150 яблонь, 350 кустов смородины самых лучших сортов, 110 кустов крыжовника, 500 кустов сортовой малины».

Подумалось: перечислить всё это – и то труд, а найти, привезти, вырастить?.. Откуда пришло такое богатство в неведомый Крутой Майдан?

Нина Леонидовна отвечает:

«Это длинная и интересная история. Мы устанавливали связи с институтами, ботаническими садами, школами, хозяйствами и наконец с любителями-энтузиастами. Нужные адреса находили в журналах «Картофель и овощи», «Садоводство», «Цветоводство». Разослали письма-запросы во все концы Союза. Отказы не убавляли наших желаний. Мы получили семена, луковицы, растения почти из всех союзных республик, с Сахалина, из Прибалтики, из Перми и Ферганы. Три кустика флоксов выпросили у цветоводов Московского Кремля, размножили их, сейчас кремлёвских флоксов на участке тысячи. С первых дней у нас появились добровольные шефы, а вскоре мы сами стали шефами. Дали объявление в журнале «Цветоводство», посыпались запросы, и наши юннаты за три года разослали десять тысяч пакетов и посылок. Их получали школы, больницы, воинские части, предприятия...»

...Выписывать, разводить, выращивать, да столько культур! А в школе всего 126 учеников, считая и первоклашек. Не «задавил» ли их труд?

«Нет, конечно, – пишет Нина Леонидовна. – Потому что все дела равномерно распределены среди учащихся. А дети столько много могут сделать! Всей земли у нас около 4 га, её обрабатывают они и справляются без перенапряжения. При правильной организации труда объём работы можно даже удвоить. В школе нет ни одного ученика, который не выполнил бы свою долю работы, а трудятся все – и первоклассники тоже.

Как организуется? Вот начинается сев. Пора ответственная, надо всё сделать быстро и правильно. Севом руковожу сама. Составляю график: какой класс за каким выходит в поле. Работают только по одному часу. К 8 часам приходит пятый класс. Все с баночками, в них насыпают семена. Ставлю каждого на свой рядок. Этот рядок будет твой на всё время. Ты и посеешь, ты и будешь пропалывать, поливать, рыхлить и собирать урожай. Показываю технику посева, на каком расстоянии положить семечко от семечка и – пошли! О качестве работы мне

беспокоиться не надо: каждый ученик хорошо знает, что сеять можно только так, как показано. К 9 часам пятиклассники заканчивают, приходит шестой класс. Работает до десяти. Затем идут седьмой, восьмой классы. День, два – и сев закончен. Всё легко и просто. Дети работают серьёзно, сосредоточенно, предельно аккуратно. Потому что на этом рядочке каждый уже «видит» свои растения, никому не хочется, чтобы они были хуже всех. Летом ребята приходят на свои поля, кому в какое время удобнее. Идут утром, днём, вечером и работают самостоятельно, без учителей. У каждого свои грядки и с овощами, и с цветами, и со злаками. Свои достижения каждый будет показывать на школьной выставке. Так что с первого выхода начинается соревнование. Вот почему у нас все поля в образцовом порядке. Красиво. Интересно. И все понимают, что это нужно, ценно.

Вот и романтика!

Но у нас не только это. Многообразная опытническая работа, производственная бригада, участие в мероприятиях по охране и умножению богатств природы (например, ежегодно высаживаем тысячи деревьев вдоль дорог), организация праздников Урожая и других праздников, выставок...

Опытничество у нас на первом месте. Им занимаются дети, начиная с третьего класса. Весной они выбирают темы для опытов, получают в библиотеке необходимую литературу, которой ученик пользуется, готовясь к делу, и это увлечение становится массовым. Часто даже не особенно радивый ученик подходит и просит:

– Нина Леонидовна, дайте и мне тему.

Действительно, что он – хуже всех? И мы знаем случаи, когда слабые по успеваемости и не примерные по дисциплине отлично справились с заданием и получали достойную награду в день Урожая.

Ну, и само собой ясно, что в таком труде ребята учатся жить, создавать и радоваться делам рук своих, понимать свою роль на земле.

Этим определяется и уровень воспитанности ребят. Они видят, что человек трудом своим может активно изменять природу, видят, что плоды этого труда зависят от знаний человека, от его умений и навыков, от упорства его и настойчивости».

...Мне хотелось представить, как выглядят практические результаты труда ребят. Нина Леонидовна показала мне это в цифрах которые, знаю, и взрослым могут показаться завидными.

«Выращивали для совхоза капустно-брюквенный гибрид, два гектара, получили 1460 центнеров (!!) корма.

В течение трёх лет из двух тонн картофеля сорта Лорх вырастили столько клубней, что совхоз полностью перешёл на семена школьной репродукции на площади 280 гектаров (!!). Размножали и другие ценные сорта, например, Гатчинский – его собрали 180 центнеров и бесплатно передали совхозу.

Семена цветов в 1973 году принесли нам более 10 тысяч рублей дохода. За счёт этого все учащиеся получают в школьной столовой бесплатное горячее питание, бесплатно учебники, каждому на дом за счёт школы выписаны газеты, а многим и журнал «Юный натуралист». Две тысячи рублей из этих средств израсходованы на премии учащимся за отличную работу. Такие премии – подарки на праздник Урожая получили 65 человек из 126. Было вручено 17 транзисторов, 19 наручных часов и другие ценные вещи. А в школе появились в последние годы три телевизора (один цветной), две киноустановки, три магнитофона, в каждом классе – проигрыватель (теперь проведено электричество), грузовая автомашина, почти целиком собранная из новых запчастей, насос для подачи воды на участок, хорошее кирпичное овощехранилище, в котором сберегаются наши зимние запасы – капуста, помидоры, огурцы, яблоки, варенье и всякая прочая всячина. Есть, конечно, и необходимый инвентарь».

И последний вопрос нашего заочного интервью - одоление, конфликты, как худо добром оборачивали...

«Всего было, – отвечает Нина Леонидовна. – В первые годы моей работы начали закладывать школьный сад. Днём сажаем, а ночью кто-то выкапывает и уносит наши саженцы. Посадим новые – ребята их ломают, взрослые раскрадывают. Что делать? Решили заложить свой плодopитомник (в междурядьях). Сделали парники на 12 рам. Вся школа собирала семечки яблок. Задание – спичечный коробок семечек от каждого из 350 учащихся – выполнялось быстро и охотно. Мальчики, девочки учились прививать яблони. Растёт питомник! Тысячи будущих яблонь! Первые саженцы – нарасхват! Многие жители стали приглашать к себе «специалистов по прививке» – школьников. Это им нравилось. Вскоре потребности населения в саженцах мы удовлетворили полностью, к нам стали ездить за яблоньками из других сёл района, даже из других районов. Нарасхват пошла и помидорная рассада. Сор-та у нас прекрасные, дают ранние хорошие урожаи и меньше подвергаются заболеваниям, а девочки научились хорошо рассадку пикировать... Авторитет!

Оглянусь – вспомню: ещё недавно в школах нашего Вадского района не было настоящих опытных участков. Мы явились инициаторами

по созданию их. Досталось тогда крутомайданскому биологу всякого лиха! Но всё прошло, теперь забыли ругать Горохову, а участки – хорошие и отличные – появились в большинстве школ, всем приносят радость, в том числе и маленьким труженикам, и даже доход.

Родители тоже перестали меня ругать и школу за то, что их детям приходится трудиться. Теперь одобряют. Благодарят. С интересом идут на детские праздники Урожая, на выставки цветов, – уходят растроганные и восхищённые. И опять благодарят, благодарят...»

Как ни трудно автору втискивать всю эту прекрасную информацию в узкие рамки очерка, а о дивных праздниках Крутомайданской школы умолчать невозможно – это редкостно по красоте и волнующе. Если бы эти праздники можно было показать всем школьникам!

Горьковчане написали в тетради отзыв (они помогли в Крутом Майдане убирать урожай):

«Мы только что пришли с картошки – устали. А увидели ваши изумительной красоты композиции из цветов, фруктов и овощей и, поражённые этим великолепием, забыли об усталости... Можно ходить сюда день, два, три, много дней, и не надоест любоваться этой прелестью».

Устраивают такие праздники осенью. Под выставку отводится большой зал со сценой. Целую неделю школа гудит, как дружно работающий улей. Возят мох, деревья, готовят зал, сцену, цветы, придумывают композиции, что-то ищут в журналах, выются около Нины Леонидовны – спрашивают, советуются, показывают – хорошо ли...

В субботу, под выходной, выставка открывается.

Весь зал в цветах. На сцене сверкает «водоём». Над ним склонились в золотистой листве берёзы, ивы, клёны. Зеленеют кусты можжевельника. К чему-то прислушался заяц в лесу, выскочила белка, птицы расселись по деревьям. «Растут» грибы. А на «воде» – ондатры, утки, гуси. Живая картина! Прекрасно! С потолка свешиваются гирлянды осенних листьев. Передняя часть сцены выстлана зелёным мхом, на нём слова из живых цветов – девиз выставки: «Люби, береги, охраняй родную природу».

А в центре зала, на полу – большая клумба из соломы, покрытой мхом. Там спрятаны тазы, банки с водой, в них стоят цветы, которые дивными узорами разрисовывают клумбу, отороченную по краям бордюром из мелкоцветных хризантем. По всему залу, вдоль стен, на столах, на окнах – выставка.

Удивительная по красоте композиция: поднос, устланный мхом, на нём ваза с цветущей бегонией, рядом кактус и эхеверия прекрасная. По мху положены камушки. Название: «Как прекрасен этот мир, посмотри!»

А вот – «Русское поле». А вот «Грусть». «Волжские огни». «Скорбь матери». «Пусть всегда будет солнце». «Девичий хоровод»... Сколько их тут? Сотня? Полный зал! И среди всех одна особая, с особым смыслом. Большая красивая тарелка, на ней чёрная ваза с набором цветов, рядом стакан с ложечкой, яблоки и девиз:

Щи и каши. Теперь наши. И компот, – Вот!

В зале будто звучит многокрасочный гимн тому, что достигнуто ребятами за минувший трудовой год. А это – словно завершающий детский аккорд: «Вот!»

Идут старушки, идут родители, идут дальние гости...

А в конце праздника будут игры, выдача премий, угощение детей. И долго ещё будет звучать этот чудесный цветочный гимн жизни...

Какую беду обществу несёт сегодня школьный академизм? По звучанию кажется, что он несёт одно лишь благо: научные знания. А кому не известна их огромная преобразующая роль, кто не знает, что развитие интеллектуальных сил народа – дело величайшей государственной значимости? Мы живём в век, когда научные знания выступают всё более могущественной силой, движущей развитие общества, его экономики и культуры. Но сегодня нельзя не видеть, что одно лишь теоретическое учение, не соединённое с повседневной работой, с выполнением пусть самых маленьких, пусть самых простых элементов общенародного дела, ученье, отключённое от созидательной жизни народа, утрачивает в глазах современного школьника ощутимую стимулирующую перспективу и представляется ученьем для ученья. Отсюда идёт утрата интереса к учёбе и равнодушие к знаниям, утрата, внушительно катализируемая полной материальной обеспеченностью школьника. «Была бы только тройка!»

Заслуга Улановской школы в том и состоит, что она первой заметила эту опасность и первой в современных условиях нашла верное решение проблемы – решение комплексное, макаренковское, марксистско-ленинское.

С педагогических вершин мне часто приходится слышать голоса о том, что широкое распространение полноценного опыта трудового воспитания – «дело очень непростое», что «всё это хорошо получается только на бумаге». Любопытно, что громче всего об этом рассуждают именно там, в высоких просвещенческих кабинетах. Низовые работники, директора школ, учителя, как правило, говорят совсем иное. Вспомним письма-отклики на телепередачи об Улановской школе, с которых начат наш рассказ. Это ведь главным образом письма учителей.

Вспомним: «Всем нам хочется перенять ваш интереснейший опыт», «многое из вашего опыта высоко ценю и постараюсь применить у себя в школе», «мы тоже решили взять его на вооружение».

Но увы, героями дня поборники академизма делают не таких энтузиастов – искателей разумных решений. Нет. На них с педагогического Олимпа ниспосылаются порой малопочтенные звания «прожектёров», «любителей рекламной шумихи».

«Прекрасен и нужен улановский опыт, но универсален ли он?»

Ответ на этот деловой вопрос давненько уж полагалось бы дать Академии педнаук, её институту трудового обучения и профориентации (трудовое воспитание в имя института почему-то не включили, видно, посчитали мелочью). Но вот приходится давать ответ публицисту.

Да, и именно в универсальности одно из его главных достоинств.

Учительница удивилась: «Значит, вы за то, чтобы дети в наш индустриальный век приучались к ручному труду?»

Тут надо разграничить две вещи: воспитание общего трудолюбия и профессионализацию. Кстати, более ясным станет и другое: политехнизация или монотехнизация?

Кто не замечал, что в раннем детстве каждый ребёнок с одинаковым интересом берётся за любое посильное дело: строит домики, каналы, лепит зверюшек, рисует, моет посуду, подметает пол, цветы поливает, что-то мастерит. Ручная работа. Именно с неё начинается трудолюбие. Но беда, что всё это обрывается в самом начале. Едва ребёнок переступит порог школы, ему говорят: «Теперь твоё главное дело – ученье». С этого начинается подавление его естественного интереса к многообразной живой деятельности. Школьные уроки груда – 2–4 часа в неделю – тут ничего не меняют. Восемь лет продолжается жизнь в этой тесной клетке. А потом ему говорят: «Теперь выбирай профессию, иди в учебно-производственный комбинат». Он идёт. Идёт в лучшем случае растерянный, не зная, что ему выбирать, а в худшем – уже безразличный к труду или даже настроенный к нему неприязненно.

Вот так организуют дело поборники школьного академизма. Не знаю, понимают ли они, что делают.

В Уланове, как мы видели, всё это строится иначе. От дошкольных лет и первого класса до выпускного вечера – море дел. Ведь что такое хозяйство, даже небольшое? Это – и копать, и строить, и руководить, учить младших, сажать и ремонтировать, поливать, прибивать, огораживать, красить, удобрять, подкармливать, пикировать, прививать яблони, дежурить на кухне, делать красивые клумбы, грядки, пасынковать, полоть, делать электропроводку, сбивать ящики, стеклить парни-

ковые рамы, теплицы, бороться с болезнями и вредителями растений, придумывать всякие средства малой механизации, а вместе с этим организовать игры, концерты, показывать кино, диафильмы и снова строить, пилить, налаживать – невозможно всё перечислить! Агрономия и педагогика, организаторская работа и электротехника, механика, строительное дело, эстетика и основы экономики, опытничество и селекция, овощеводство, цветоводство и садоводство, биология, химия, физика и геометрия, начала почвоведения и организации труда. И всё – в живой связи: наука и практика, начало и конец, и всё с увлекательной, захватывающей перспективой, с взволнованным ожиданием желанных хозяйственных и эстетических результатов, с радостью счастливых финалов и возбуждающей горечью неудач.

Это тоже восемь лет. Восемь лет предпрофессиональной многосторонней трудовой подготовки, восемь лет увлекательных походов в страну трудолюбия, в первичный мир практической созидательной работы.

Растеряешься ли после таких восьми лет, как тебе сориентироваться в профессиях, куда тебе идти и куда поворачивать? Многие питомцы Улановской выбирают себе профессию или род занятий задолго до окончания восьмилетки, но интересно, что они с удовольствием занимаются любым полезным делом, пройдя такую школу практического труда.

Вот почему он универсален, это опыт. Вот почему ещё Макаренко говорил, что школе нужно иметь своё хозяйство. Организация школы как хозяйства, говорил он, сделает её социалистической.

Мне пишут, что детхозы сельскохозяйственного типа, как показывает и опыт Кубы, могут быть интересны и для городских школ, хотя в городах достаточно и других возможностей.

«Детхозы, которые детей с малых лет приучают к бесчисленному множеству разновидностей труда, в городах особенно нужны, – пишет мне из Москвы пенсионер Г. И. Брагин. – И в деле создания их нет ничего невозможного. Они могут быть организованы буквально при каждой городской школе. Как? Есть всюду пригородные совхозы. Неужели на их территориях нельзя выделить городским школам по 50–70 гектаров земли?.. Летом был бы здесь ученикам и труд, и отдых, и общение с природой. Это дело огромной государственной важности, и для такого великого дела надо не пожалеть ничего!».

Мне это предложение ничуть не кажется фантастичным.

Детхоз – это направление, выработанное жизнью. Направление, на котором комплексно решается вся масса современных проблем воспитания и обучения молодёжи,

И здесь мне хочется лишь повторить мысль глубоко народную, выражённую в одном из писем, с которых начался наш рассказ:

«Такой тип организации жизни школьников, их труда и учёбы, – это то, о чём мы мечтаем, то, что должно у нас быть. Идти дальше надо этим путём!»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Карпов.</i> ВОСПИТАТЬ ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ	3
ПИТОМНИК «ЗОЛОТЫХ РЕБЯТ»	9
ЗДРАВСТВУЙ, ДЕТХОЗ	31

Оцифровано для страницы

Педагогического музея А.С. Макаренко
(Makarenko-museum.ru)

Нумерация страниц и разбиение текста по ним
с точностью до 1-2 слов на границах страниц
соответствует бумажному тексту книги

Иван Семёнович Сеницын

ТРУДОВОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

Редактор Г. Н. Губанова
Художественный редактор А. Н. Гришенков
Технический редактор С. А. Харитоновна
Корректор И. А. Острякова

ИБ № 1087

Сдано в набор 24.11.82. Подписано в печать 25.03.83. ЦП 04272.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. Типографская № 3. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр-отг. 5,88. Уч.-изд. л. 7,1.
Тираж 3000 экз. Заказ 390. Изд. № 1087. Цена 20 к.
Приокское книжное издательство, 300000, г. Тула,
Красноармейский пр., д. 25, корп. 1.

Калужское производственное объединение «Полиграфист»,
пл. Ленина, 5.